

ЗНАКОМЬТЕСЬ— ЯПОНИЯ

50.2009

義我

赤穂義士記念館

ЗНАКОМЬТЕСЬ— ЯПОНИЯ

50 • 2009

Выходит 4 раза в год. Москва

Издается Центром по изучению современной Японии,
созданным на основе соглашения между Российской академией наук
и Японским фондом

В НОМЕРЕ:

ОТ РЕДАКЦИИ	ПЯТЬДЕСЯТ НОМЕРОВ ВМЕСТЕ С ВАМИ	2
ЭКОНОМИКА		
Е.Б. Ковригин	ЯПОНСКАЯ ПОМОЩЬ РАЗВИВАЮЩИМСЯ СТРАНАМ: УПАДОК, РЕОРГАНИЗАЦИЯ ИЛИ СМЕНА ПАРАДИГМЫ?	4
ПОЛИТИКА		
К.О. Саркисов	ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ МИРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	24
Ю.Д. Михайлова, В.Э. Молодяков	РОССИЯ И ЯПОНИЯ: «ОБРАЗЫ» И «РЕПРЕЗЕНТАЦИИ»	34
ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ		
Г.Б. Брылевский	АДМИРАЛ Х. ТОГО — ВРАГ БЕЗ НЕНАВИСТИ	43
Э.Б. Саблина	БЫЛ ТАКОЙ МАЛЬЧИК... ПО СЛЕДАМ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЯПОНИИ	52
Э.А. Барышев	ЯПОНСКАЯ МИССИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА	58
В.Э. Молодяков	СЮМЭЙ ОКАВА: ОСЕНЬ ПАТРИАРХА	73
О.В. Андреева	СЭНГАКУДЗИ ГЛАЗАМИ ФОТОГРАФА	81
КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ		
А.А. Долин	РУССКАЯ ТЕМА В ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ	83
А.М. Дулина	КУЛЬТ ГОРЫ ТАТЭЯМА	90
С.А. Василюк	ПРАКТИКА ДЗАДЗЭН В ЯПОНСКОМ ДЗЭН- БУДДИЗМЕ И МОЙ ЛИЧНЫЙ ОПЫТ	98
ПРОЗА, МЕМУАРЫ, ПОЭЗИЯ		
Мурасаки Сикибу	ПОВЕСТЬ О ГЭНДЗИ Перевод с японского и примечания Т. Л. Соколовой-Делюсиной (продолжение)	103
Акико Ёсано	СЛАВОСЛОВИЕ «ГЭНДЗИ-МОНОГАТАРИ» Перевод с японского, вступительная статья и комментарии И.К. Магкоевой	119
Миёко Мацутани	ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТАРО В СТРАНЕ ГОР Перевод с японского Г.Ф. Ронской (окончание)	134
МОЗАИКА		142

© Фото на обложке
и вкладке.
О.В. Андреева, 2009

На первой странице
обложки:
**Ворота в храмовый
комплекс
Сэнгакудзи
открываются для
прохода только раз
в году, 14 декабря**

На четвертой
странице обложки:
Храм Сэнгакудзи

Главный редактор Э.В. Молодякова. Редактор М.А. Унке. Оформление Л.Л. Михалевского, Т.И. Сурковой. Технический редактор О.В. Волкова. Сдано в набор 24.05.2009. Подписано в печать 16.06.2009. Формат 70х100х16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 11,7. Уч.-изд.л. 14,2. Тираж 3000 экз.

© Центр по изучению современной Японии, 2009. Адрес редакции: 117859, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; тел.: (495) 120-9167; факс: (495) 128-0779. E-mail: caps@imemo.ru.

Пятьдесят номеров вместе с вами

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках пятидесятый — юбилейный в прямом смысле этого слова — номер нашего журнала. Для ежеквартального издания это немало.

Журнал «Знакомьтесь — Япония» выпускается с 1993 г. Центром по изучению современной Японии, который был создан в 1991 г. по соглашению между Академией наук СССР и Японским фондом. «Формат» издания, как сейчас говорят, определился сразу и не претерпел изменений за прошедшие годы. Цель журнала — знакомить широкого заинтересованного читателя с прошлым и настоящим Японии, ее политикой и экономикой, историей, философией и культурой. Авторы не сковывали хронологические или тематические рамки. От них требовались прежде всего высокий профессиональный уровень и умение писать не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, которых, как показали годы издания журнала, немало по всей стране.

Основателем и бессменным редактором журнала до своей кончины 1 мая 2008 г. был доктор экономических наук Вадим Борисович Рамзес, отдававший любимому детищу все силы и энергию. Не секрет, что в профессиональной среде наше издание нередко называли «журналом Рамзеса». Вадим Борисович делал его фактически в одиночку, лично работая с текстами и авторами. Он разработал и строго выдерживал сложившуюся модель издания, следил за равномерным заполнением рубрик, привлекал участников исследовательских проектов, которыми руководил, и сам писал для него много и охотно. Будучи авторитетным ученым-экономистом, он «надзирал» за качеством соответствующего раздела, но не давал ему «перевесить» остальные. Он всегда с большой охотой публиковал статьи о культуре Японии и даже решил перепечатать в журнале полный текст «Повести о Гэндзи» в переводе Т.Л. Соколовой-Делюсиной. Публикация продолжается и теперь, когда его уже нет с нами.

Активная гражданская позиция Вадима Борисовича, которую он отстаивал с неизменной горячностью, нравилась не всем, даже среди коллег. Но, отличаясь широтой взглядов, он охотно допускал дискуссии на страницах журнала, позволяя высказываться ученым разных взглядов и направлений. Главное, что заботило его, — качественный уровень и умение цивилизованно вести полемику. Этих принципов мы будем придерживаться и впредь.

Вадим Борисович пользовался большим авторитетом среди японоведов, поэтому на страницах «Знакомьтесь — Япония» в разное время выступали почти все ведущие российские специалисты в этой области. Об экономических

проблемах современной Японии, кроме самого редактора, писали Я.А. Певзнер, Е.Л. Леонтьева, С.Б. Маркарян, В.К. Зайцев, И.П. Лебедева, Ю.Д. Денисов, Е.Б. Ковригин и др. Метаморфозы политической жизни страны и ее внешней политики освещали, в частности, Д.В. Петров, С.И. Вербицкий, А.И. Сенаторов, Э.В. Молодякова, С.В. Чугров, В.О. Кистанов, М.Г. Носов, Д.В. Стрельцов. И.А. Цветова. Разнообразным проблемам японского общества — от системы образования и пенсионной системы до последних тенденций массовой культуры и современной моды, а также истории и этнологии посвятили статьи Т.Н. Матрусова, М.П. Герасимова. Е.Л. Катасонова, И.П. Кожевникова, Г.Б. Шишкина, Р.Ш. Джарылгасинова и многие другие. Особенно следует подчеркнуть написанные великолепным знатоком истории японского искусства статьи Н.С. Николаевой. Истории Японии и российско-японских отношений, включая болезненные и спорные вопросы, посвящены основанные на рассекреченных архивных материалах работы Б.Н. Славинского и А.А. Кириченко, а исследования В.Э. Молодякова обогатили японоведение применением геополитической методологии. Эти статьи внимательно читались не только специалистами. Коллеги, работающие в сфере преподавания, не раз находили их фрагменты в студенческих рефератах и курсовых.

Но «не наукой единой» жив наш журнал. Ориентированный на широкого читателя, он часто помещал на своих страницах эссе и путевые заметки, а также — из номера в номер — «мозаику», посвященную серьезным и забавным сторонам и фактам японской жизни. Особенно следует сказать о переводах художественной литературы, увидевших свет на его страницах — зачастую впервые. С классической «Повестью о Гэндзи» Мурасаки Сикибу соседствовал современный роман Макото Сиины «Туман над городом печальным» в переводе безвременно скончавшегося Г.Г. Свиридова. Здесь в разные годы печатались переводы японской прозы и поэзии, выполненные прекрасными мастерами В.Н. Марковой, А.Е. Глускиной, Г.Ф. Ронской, К.Е. Черевко, а в последних номерах журнала появились первые переводы, сделанные студентами и дипломниками. Традиции должны продолжаться. Хочется особо отметить, что именно наш журнал опубликовал — после 65-летнего перерыва — замечательную книгу Бориса Пильняка «Корни японского солнца», когда она была практически недоступна современному читателю.

Признаемся откровенно, что не все номера журнала были одинаково удачны и не все помещенные в нем материалы соответствовали высоким стандартам, которые старался блюсти его главный редактор и которые остаются обязательными для нас. Накопленный опыт 15 лет помогает нам в работе, но не позволяет ограничиваться им и останавливаться на достигнутом. Мы стремимся и будем стремиться расширить круг авторов и тематику журнала, чтобы лучшее, полнее, рельефнее выполнять главную задачу — знакомить российского читателя с многоликой Японией.

Номер, который вы сейчас держите в руках, можно назвать экспериментальным. В нем мы решили дать слово исключительно нашим коллегам, живущим и работающим в Японии. Отрадно, что почти все видные российские японоведы, находящиеся в изучаемой стране, откликнулись на наше предложение. Стремясь показать, чем они живут и над чем работают, редакция не ограничивала их ни в тематике, ни в жанре статей. Кроме того, впервые в нашей практике мы попросили авторов дать краткие биографические сведения о себе, чтобы таким образом получился коллективный портрет. Приятно отметить и то, что у нас появился собственный фотокорреспондент в Токио.

Как сложится дальнейшая судьба нашего журнала? Не будем загадывать, но надеемся на лучшее, поскольку и у редакции, и у авторов множество планов. Оставайтесь с нами, дорогие друзья!

ЯПОНСКАЯ ПОМОЩЬ РАЗВИВАЮЩИМСЯ СТРАНАМ: УПАДОК, РЕОРГАНИЗАЦИЯ ИЛИ СМЕНА ПАРАДИГМЫ?

Е.Б. Ковригин

Ковригин Евгений Борисович родился в 1947 г. В 1970 г. окончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета. В 1970–1974 гг. — аспирант ИМЭМО АН СССР в Москве. Защитил кандидатскую диссертацию об экспорте капитала из Японии. В 1975–1981 гг. преподавал историю, экономику и географию Японии на Восточном факультете ЛГУ. С 1981 по 1992 г. — ведущий научный сотрудник и заведующий сектором стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Институте экономических исследований Дальневосточного отделения АН СССР (г. Хабаровск). С 1992 г. по настоящее время — профессор университета Сэйнан гакуин в г. Фукуока (о-в Кюсю, Япония). В качестве приглашенного профессора работал в Австралийском национальном университете (г. Канберра, 1989–1990 гг.), Хоккайдоском университете (г. Саппоро, 1990–1991 гг.), Оксфордском университете (Великобритания, 1999 г.), Университете штата Вашингтон (г. Сиэтл, 2000 г.), Лондонской школе экономики и политических наук (2000, 2002, 2005 гг.) и др. На русском языке изданы несколько монографий о проблемах Японии и АТР в целом. Различные научные статьи опубликованы в России, Японии, Англии, США, Италии, Южной Корее, Австралии и т.д. Сфера научных интересов: Япония в АТР (зарубежные инвестиции, помощь развивающимся странам, АТЭС и международное экономические сотрудничество, японо-российские отношения).

* * *

Автор следит за эволюцией японской помощи развивающемуся миру около 30 лет, его наблюдения и выводы публиковались в разное время в СССР/России, в Японии и других странах. Именно он ввел в научный оборот аббревиатуру ОПР для обозначения Официальной помощи развитию как аналог английского термина ODA (Official development assistance)¹. В последний раз на русском языке его статья на эту тему была опубликована как раз в журнале «Знакомьтесь — Япония» в 2001 г.². Впрочем, она охватывала ситуацию, сложившуюся к началу XXI в., а с тех пор произошли серьезные изменения в этом важном секторе японской внешнеэкономической деятельности, корни которых, однако, уходят в 1990-е годы.

Введение

Япония заслуженно пользуется репутацией не только великой торговой и инвестиционной державы, но и великой державы—донора развивающегося мира. Уже в 1978 г. Япония стала главным источником льготного финансирования государств и территорий Восточной Азии, а с 1989 г. в течение 12 лет (до 2001 г.) была бесспорным мировым лидером по размерам ОПР в целом (за исключением одного года). В этот период на нее приходилось до четверти суммарной помощи из всех развитых стран! На фоне «усталости от помощи»,

свойственной западному миру в 1990-е годы, Япония фактически взяла на себя роль ее локомотива. Однако с начала 2000-х годов объемы ее ежегодных трансфертов в страны Азии, Африки и пр. стали непрерывно падать (см. табл. 1).

Таблица 1

**Динамика помощи Японии развивающимся странам*,
млрд. долл.**

Финансовый год	Помощь	
	всего**	двусторонняя ОПР
2000	13,5	9,6
2001	9,8	7,5
2002	9,3	6,7
2003	8,9	6,0
2004	8,9	5,9
2005	8,6	5,9
2006	8,4	4,5
2007	7,7 ***	...

* Составлено по: Japan's Official Development Assistance White Paper. Tokyo, Ministry of Foreign Affairs (за соответствующие годы). Исключены списание очень крупных долгов Ирака и Нигерии и отсрочка погашения долга Индонезией, которые иногда включаются в суммарную статистику помощи и сильно ее завышают.

** Включая некоммерческие правительственные взносы в международные финансовые организации.

*** Предварительные данные.

Из данных табл. 1 видно, что с начала нынешнего столетия снижение размеров ОПР происходило при всех премьер-министрах, начиная с Ё. Мори и кончая Т. Асо. В 2001 г. Японию по этому показателю обогнали США, затем Великобритания, Германия и Франция. По прогнозам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в 2010 г. Япония окажется на шестом месте в мире, уступая даже Италии³. А такой показатель, как отношение ОПР к валовому национальному продукту (ВНП), уже упал в Японии до рекордного минимума — 0,15%.

В превращении Японии из бесспорного лидера в фактического аутсайдера нет ни трагедии, ни позора. Страна исходит из собственных финансовых и других обстоятельств, но этот факт, конечно, ослабляет ее международное влияние и дипломатические позиции. Япония по объему ВНП пока остается второй экономикой мира. Однако по большинству других показателей она это место уже потеряла, в частности отодвинулась на четвертое место по внешнеторговому товарообороту. Что касается ОПР, может создаться ощущение, что из одной крайности Япония впадает в другую. Рассмотрим причины падения объемов ОПР Японии и сопутствующие этому явления.

В самом общем виде предоставление финансовой и технической⁴ помощи можно определить как необходимые издержки на поддержание благоприятных условий для взаимодействия между развитыми государствами и развивающимся миром по линии как внешней торговли, так и капиталовложений. Торговля со многими менее развитыми странами была бы вообще невозмож-

на без предварительной помощи со стороны более богатых партнеров. Для последних важное значение имеют также создание благоприятного политического климата в странах-объектах помощи и, безусловно, стратегические соображения. Последние полвека ОПР всегда служила неотъемлемым элементом внешней политики Запада.

В марксистской экономической науке и публицистике западная помощь странам Азии, Африки, Латинской Америки и Океании, как правило, ставилась в кавычки, поскольку рассматривалась как «квазипомощь», и в этом был определенный резон. ОПР никогда (за исключением, может быть, срочной гуманитарной помощи при катастрофах) не была благотворительностью, а наоборот, как выразился американский политолог Дж. Нейсбит, «капиталовложениями, причем капиталовложениями особой стратегической важности»⁵.

По принятой в Японии классификации ее ОПР состоит из: 1) безвозмездной помощи, включающей в себя финансовые дары и техническое сотрудничество; 2) низкопроцентных межправительственных (часто называемых «иеновыми») займов и 3) некоммерческих взносов в международные финансовые организации. В Японии ОПР нередко именуют еще «экономическим сотрудничеством», хотя в строгом смысле слова последнее шире по смыслу, и в него входят, помимо помощи, еще экспортные кредиты и коммерческие займы развивающимся странам.

Уже начиная с 1970-х годов японская ОПР играла ощутимую роль в международной экономической жизни. Японской ОПР добивалось множество государств — от Перу до Китая и от Замбии до Фиджи. Японские низкопроцентные (льготные) займы и безвозмездная помощь были важнейшим источником экономического динамизма как минимум многих развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

На начало XXI в. среди получателей помощи из Токио числилось около 150 государств и территорий, а всего со времени начала действия программ помощи (1954 г.) японское правительство выделило средства для 185 стран⁶, что лишь немногим меньше числа стран-членов ООН на настоящий момент. Британский специалист по данной проблеме Р. Ридделл отмечает, что ни у одной другой страны-донора не было такого диапазона государств-получателей ОПР⁷.

По данным всемирного опроса Би-Би-Си в 2008 г., благодаря своей «мягкой силе»⁸ Япония стоит на втором месте в мире по своей привлекательности, уступая лишь Германии⁹. Как отмечал московский исследователь Д.В. Стрельцов, «ОПР позволила Токио существенно укрепить свой авторитет во многих азиатских странах», для которых она являлась основным донором. «Важно и то, что с помощью ОПР Японии удалось в значительной степени ослабить в большинстве азиатских стран неприятную для себя историческую память как о „стране-агрессоре“ и сдержать антияпонские настроения в массах, что, в свою очередь, стало важным условием для успешной инвестиционной политики японского бизнеса»¹⁰. Ослабить неприятную память, правда, удалось не везде. Всплески антияпонских эмоций, поощряемых правительствами, неоднократно наблюдались в Республике Корея и Китае.

Когда отмечалось 50-летие японской помощи развивающемуся миру, было подсчитано, что за 1954–2003 фин. гг. Токио направил на эти цели 221 млрд. долл. С тех пор прибавилось еще около 35 млрд. долл., т. е. на конец 2008 г. общая сумма составила порядка 250 млрд. долл. (В принципе это выглядит впечатляюще, но для сравнения отметим, что за пять лет на войну в Ираке США израсходовали около 3 трлн. долл., т. е. в 12 раз больше.)

За что критиковали японскую помощь в конце XX — начале XXI в.

Если оценивать значение японской помощи развивающимся странам для самой Японии, то, с одной стороны, ОПР является существенной частью ее «мягкой силы», а с другой — важнейшим условием поддержания японской экономической безопасности.

Неоднократно делались попытки оценить значение японской ОПР для стран-реципиентов. Можно привести ряд разрозненных, но впечатляющих цифр. Так, по оценкам экономистов из Сизтла, в конце 1980-х годов льготные трансферты из Японии покрывали от 15 до 30 % бюджетных расходов почти всех несоциалистических стран ЮВА¹¹. К началу XXI в., по данным японского МИДа, в Индонезии и Вьетнаме 20% всей электроэнергии вырабатывалось на электростанциях, построенных с японской помощью; для Таиланда и Малайзии соответствующие цифры составляли 16 и 46%. В Таиланде за счет японской помощи до 30% крестьянских хозяйств было обеспечено ирригацией для полива сельхозкультур. К 1999 г. благодаря японским займам и дарам 1,2 млн. детей в 13 странах могли посещать школу, а в 19 странах эти займы и дары обеспечивали 20 млн. человек чистой водой¹².

С течением времени для должников условия предоставления займов улучшались, помощь все более дифференцировалась в зависимости от степени бедности стран-адресатов, росла доля безвозмездной помощи. Можно прямо сказать, что без японских субсидий условия жизни во многих странах развивающегося мира, особенно в ЮВА, в общем были бы хуже.

Парадоксально или нет, но, несмотря на лидирующие позиции Японии в области ОПР в мире, едва ли не все аспекты японского экономического сотрудничества так или иначе постоянно подвергались весьма резкой и все более усиливающейся критике. Как отмечал один из западных исследователей, «все доноры чувствительны к обвинениям в том, что они оказывают помощь не там, где нужно, или ассигнуют ее в своих собственных интересах, но похоже, что Япония является наиболее частой мишенью»¹³. В конце XX—начале XXI в. Токио критиковали и другие страны-доноры, и международные организации, и страны-реципиенты, и различные круги в самой Японии. Приведем неполный перечень обвинений и упреков в адрес японской ОПР.

1. Другие страны-доноры обвиняли Японию в том, что ее помощь мала по объему. Имеется в виду то, что доля расходов на ОПР в валовом национальном продукте страны всегда была весьма скромной, заметно отставая от подобного показателя западноевропейских государств, в особенности государств Скандинавии и Бенилюкса. «Учитывая огромные размеры национальной экономики, Япония в смысле помощи мало чем может гордиться» — таков был подчас вердикт критиков за рубежом. (Правда, у США данная пропорция ОПР:ВВП еще меньше.)

2. Тем не менее в абсолютном исчислении размеры японской помощи были все же велики, и это наряду с особым акцентом страны на ОПР взамен либерализации импорта тоже вызывало недовольство за рубежом, в первую очередь в США. Впервые обвинения в том, что Япония чересчур уж «увлеклась» помощью, появились еще в конце 1980-х годов в связи с ее субсидиями микрогосударствам Южной Океании. Помощь, которую правительство Накасонэ начало оказывать малым островным странам, между прочим, по прямой просьбе администрации Рейгана, сделала Токио фактически монополистом в этом отношении, привела к резкому усилению его влияния в стратегически важной Океании, что не могло обрадовать американскую дипломатию. Однако в полной мере японо-американские разногласия на этой почве проявились

в середине 1990-х годов в рамках Азиатско-Тихоокеанского форума экономического сотрудничества (АТЭС). В промежутке между саммитами этой организации в Богоре (Индонезия, 1994 г.) и в Осаке (1995 г.) решался вопрос о том, что АТЭС должен поставить во главу угла — либерализацию торговли или помощь индустриально развитых держав развивающимся странам-партнерам. Япония явно склонялась к превалированию помощи, за что и подверглась необычайно острой критике со стороны США. Ее руководство прямо обвинялось в намерении «скупить весь АТР через сотрудничество (т.е. помощь. — Е.К.)» и в других подобных грехах¹⁴.

3. Внутри страны ширилось мнение, что раздутые размеры помощи развивающимся государствам в условиях старения населения и дефицита бюджета оказываются Японии все более не по карману и что следует более взвешенно подходить к заявкам партнеров из стран «третьего мира». Критика со стороны японской прессы и общественности усиливалась еще и потому, что многомиллиардные выплаты далеко не всегда способствовали улучшению имиджа страны за границей и не приносили ей особой любви со стороны «неблагодарных реципиентов».

4. В упрек Японии ставили ее «эгоистичность», слишком сильный перекося в сторону восточноазиатских стран: то, что ее «любимчиками» в первую очередь являлись члены АСЕАН (вернее, Индонезия, Малайзия, Филиппины и Таиланд), а впоследствии и Китай, другими словами, наиболее важные для Японии партнеры в политическом и экономическом отношениях. От Японии требовали значительно усилить помощь наиболее бедным (в расчете на душу населения) странам Африки, Южной Азии и т.д.

5. Японию на протяжении десятилетий неизменно критиковали за чересчур коммерческий характер ее ОПР, за желание получить быструю материальную отдачу. В литературе «японская модель помощи», которая сложилась еще до конца «холодной войны», нередко трактуется в рамках триады «ОПР—внешняя торговля—прямые зарубежные инвестиции», в которой ОПР использовалась как трамплин для коммерческой экспансии японских корпораций¹⁵. Вначале она, прежде всего в Восточной Азии, прокладывала путь для японского товарного экспорта, а потом для инвестиций частных компаний. Такая помощь, целиком лежащая на плечи японских налогоплательщиков, была двояко выгодна частным фирмам. Во-первых, она обеспечивала необходимую производственную инфраструктуру (дороги, электростанции, водоснабжение, связь и т.д.), без которой японские предприятия просто не могли бы возникнуть и функционировать. Во-вторых, подрядчиками при выполнении инфраструктурных объектов выступали преимущественно японские же компании (так называемая «связанная помощь»). Обратной стороной преобладания инфраструктурных займов традиционно являлась относительно низкая доля даров в общем объеме помощи по правительственной линии. При этом часто ссылались на «Хартию ОПР» 1992 г., в которой говорилось, что одной из основных задач ОПР для развивающихся стран является «помощь во имя самопомощи». Отсюда проистекала нелюбовь к дарам, которые якобы не ценятся так, как займы, и способны морально разлагать реципиентов. В нынешнем веке, правда, в двусторонних отношениях, объем безвозмездной помощи превзошел размеры займов.

6. У стран-реципиентов и международных неправительственных организаций часто вызывали недовольство экологические аспекты японской помощи. Во-первых, долгое время доля в ней трансфертов, направляемых на защиту окружающей среды, была намного ниже, чем в помощи других доноров. Во-вторых, случалось, что сами инфраструктурные проекты неоднократно нанесли вред природе или нарушали сложившийся уклад жизни в местах своей

реализации. На этой почве был зафиксирован ряд скандалов, протестов населения и судебных разбирательств (например, на о-ве Суматра в Индонезии).

7. Уже с середины 1990-х годов в самой Японии стало расти возмущение миллиардной и все растущей помощью Китаю, хотя КНР вмешивалась во внутренние дела Японии, проводила ядерные испытания, ежегодный рост ее военных расходов исчислялся двузначными цифрами, а нарушения прав человека являлись ежедневной реальностью. Помимо прочего, правительство КНР скрывало от своего народа размеры и результаты японской помощи, привычно включая ее в свой бюджет как нечто само собой полагающееся.

8. Японию укоряли также за низкие показатели технической помощи, в первую очередь за небольшое число иностранных студентов из развивающихся стран, принимаемых на деньги японского правительства (их число было многократно меньше, чем в других странах-донорах). Вдобавок условия проживания студентов в Японии (трудности с наймом квартиры, ограниченные возможности подрабатывать и т.д.) тоже выглядели далеко не в пользу Страны восходящего солнца.

9. Токио критиковали за то, что он фактически игнорировал нарушения прав человека во многих странах-реципиентах, не вводил санкции по линии ОПР даже в случаях массовых репрессий. В качестве примеров приводились Китай с его борьбой с диссидентами, Индонезия при режиме Сухарто, Камбоджа, Бирма (Мьянма) и др.

Вопрос об увязывании помощи с уровнем демократии в странах-партнерах принадлежит к числу самых сложных. Вероятно, за жестокость против собственных граждан такие правительства в самом деле заслуживают «наказания» в виде санкций, но, с другой стороны, как справедливо вопрошал проф. Ч. Моррисон (Центр «Восток–Запад», Гонолулу), если строго увязывать уровень демократии с помощью, то кому тогда останется помогать?¹⁶.

10. Международные организации, исследователи и общественное мнение в самой Японии постоянно пеняли Токио за громоздкую и никому, кроме чиновников, не удобную организацию ОПР. Такие ее минусы, как распыление между различными министерствами и ведомствами; формальный подход японских чиновников, следящих за ее распределением на местах; отсутствие у них заинтересованности в конкретных результатах; невнимание к тому, что помощь разворовывается в странах-получателях, обуславливали ее низкий КПД и прямые неудачи отдельных проектов.

К приведенному списку можно добавить обвинения японских властей со стороны собственной прессы в отсутствии транспарентности, а из-за рубежа — в том, что они предпочитают двусторонние соглашения и мало сотрудничают с международными финансовыми организациями, неохотно идут на списание долгов несостоятельных стран-должников, что в Японии очень слаба роль неправительственных организаций, когда дело доходит до помощи, и т.д.

Подобные претензии в адрес японской помощи развитию нельзя назвать надуманными или несправедливыми. За ними стояли и стоят реальные и крупные проблемы. Я решил остановиться лишь на некоторых вопросах: 1) каковы конкретные причины превращения Японии из бесспорного лидера практически в аутсайдера помощи?; 2) каковы перемены в географической адресности и формах японских программ сотрудничества?; 3) что лежит в основе взлета и падения массовой помощи Китайской Народной Республике? 4) останутся ли льготные вливания основным инструментом японского сотрудничества с развивающимся миром?

Дискуссии вокруг снижения объемов японской помощи развитию

В Японии на протяжении 1990-х годов крепло мнение о том, что помощь развивающимся странам требует намного более экономного использования, большего контроля над исполнением, количественного сокращения и неотложных реформ. Тема помощи оказалась в числе наиболее «чувствительных» в японских средствах массовой информации. Они обращали внимание, в частности, на то, что развивающийся мир вовсе пользуется «щедротами» японского государства, в сущности мало что об этом зная. Другими словами, японской помощи явно не хватало «паблисити». Впоследствии С. Огата, новая руководительница Японского агентства международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency — JICA), главного правительственного органа в сфере помощи зарубежным странам, говорила, что «японская склонность к умолчанию и скромность приносят мало пользы в смысле информирования о том, что она делает в мире»¹⁷.

В результате происходило заметное падение поддержки ОПР среди японского народа. В 1991 г. 42% участников опросов общественного мнения высказались за ее расширение, в 1994 г. таковых было уже только 33%, в 1998 г. — 28%, а в 2004 г. — всего 14%¹⁸. Вдобавок былой пиетет к ОПР был изрядно дискредитирован разоблачениями махинаций известного депутата М. Судзуки, который, возглавляя комитет ЛДП по экономическому сотрудничеству, присваивал деньги, предназначенные для инфраструктурных проектов в странах Африки и в России (на Курильских островах), за что и получил тюремный срок.

Снижался интерес к ОПР и со стороны властей. Показательным в этом плане явился отказ премьера Коидзуми приехать на конференцию ООН по финансированию развития (Монтеррей, март 2002 г.), на которой собрались многие мировые лидеры, включая президента США. В сущности, падение интереса со стороны руководящих кругов Японии к оказанию ОПР началось даже не с наступлением 2000-х годов, а раньше — в середине 1990-х. До того времени в стране ассигнования на ОПР считались чем-то вроде «священной коровы». Если они когда-то и сокращались, то ненамного и, как правило, компенсировались в бюджете следующего года. Таким образом, Япония дольше всех развитых держав-доноров противилась «утомлению от помощи», о котором автор писал ранее¹⁹. Но с середины 1990-х годов стали наблюдаться весьма существенные колебания объемов японской помощи развивающимся странам: 1995 г. — 14,7 млрд. долл.; 1996 г. — 9,6; 1997 г. — 9,4; 1998 г. — 10,8; 1999 г. — 12,2 млрд. долл.

Впрочем, высокие цифры за 1998–1999 гг. не должны вводить в заблуждение. Они оказались намного выше, чем предполагалось по бюджету, и явились результатом осуществления «плана Миядзавы» по оказанию экстренной помощи странам-жертвам восточноазиатского финансового кризиса, ибо тогда возобладало мнение, что катастрофа в Азии может обернуться кризисом и для самой Японии. Но общая тенденция к сокращению объемов помощи никуда не исчезла, что и отразилось на негативных результатах начала 2000-х годов. Существенную роль в этом сыграли доклад специальной комиссии под руководством профессора Ацуси Кусано из университета Кэйо²⁰ и призыв известного деятеля правящей партии Сидзуки Камэи в 2000 г. снизить объемы ОПР.

Вместе с тем представляется, что тенденция к уменьшению объемов помощи, в том числе ОПР, не была результатом целенаправленной политики. В связи с переживавшимися страной экономическими трудностями и дефици-

том бюджета ассигнования на ОПР сокращались наряду с другими бюджетными статьями, включая расходы на оборону. Вот как выглядела динамика некоторых строк бюджета в начале 2000-х годов (рост или снижение по сравнению с предыдущим годом, %) ²¹:

Год	Образование и наука	Субсидии префектурам	Оборона	Общественные работы	ОПР
2001	+1,8	+12,7	+0,4	0,0	-3,0
2002	...	-3,3	0,0	-10,7	-10,3
2003	-3,5	+2,3	-0,1	-3,9	-4,7
2004	-5,2	-1,0	-3,5	-4,8	+0,5
2005	-6,7	-1,0	-3,6	-3,8	-0,5
2006	-8,0	-0,9	-4,4	-3,4	-6,6

Т. Каргилл и Т. Сакамото, из книги которых взяты эти данные, объясняют ситуацию весьма просто. За каждой строкой национального бюджета стоит свое министерство, и любое из них делает все возможное, чтобы его бюджет не урезался, даже если в стране наблюдается длительная рецессия. Особенно трудно бывает сократить ассигнования, связанные с такими внутриэкономическими сферами, как строительство, сельское хозяйство, торговля и почтовая служба, т.е. сферами, которые обладают мощными лобби. Волею судеб в Японию на оборону, образование и экономическое сотрудничество завязаны менее крупные деловые интересы, и лоббисты этих сфер слабее, поэтому при дележе урезаемого бюджета они и проигрывают ²².

Ассигнования на помощь защищает фактически один только МИД, который лучше других понимает, что их сокращение вредит репутации страны за рубежом. При этом ведущим дипломатам страны приходится порой буквально идти на словесные ухищрения. Вот как предостерегал от сокращения ассигнований на ОПР министр иностранных дел Японии в 2006 г.: «Не следует забывать, что в конечном итоге помощь зарубежным государствам оказывается для того, чтобы японский народ жил счастливее и чтобы повысить значение нашей страны в мире» ²³. Правда, даже это не помогло избежать сокращения соответствующих ассигнований.

Весьма распространенным стало мнение, что не следует впадать в излишний пессимизм по поводу снижения объемов помощи, поскольку и в рамках урезанного бюджета имеются многочисленные рычаги, благодаря которым Япония может достичь даже более весомых результатов. Поэтому предлагалось прежде всего обратить внимание на качество ОПР, ибо до этого она якобы недостаточно хорошо служила японским национальным интересам.

Географические зигзаги в политике японской помощи

Остановимся на адресатах японской экономической помощи, отметив, что перемены в их приоритетности воспринимались в Японии и за границей далеко не однозначно. Эти перемены наглядно представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Первая десятка получателей японской ОНР
в начале XXI в.***

Место	2001 фин. г.		2003 фин. г.		2005 фин. г.		2006 фин. г.	
	Страна	ОНР, млн. долл.	Страна	ОНР, млн. долл.	Страна	ОНР, млн. долл.	Страна	ОНР, млн. долл.
1	Индонезия	860	Индонезия	1142	Индонезия	1223	Китай	569
2	Китай	686	Китай	760	Китай	1064	Вьетнам	563
3	Индия	529	Филиппины	529	Вьетнам	602	Филиппины	264
4	Вьетнам	460	Вьетнам	484	Конго	376	Пакистан	225
5	Филиппины	298	Индия	326	Шри Ланка	313	Шри Ланка	203
6	Танзания	260	Пакистан	266	Филиппины	276	Малайзия	202
7	Пакистан	211	Шри Ланка	172	Замбия	131	Румыния	123
8	Таиланд	210	Казахстан	136	Сербия	121	Афганистан	107
9	Шри Ланка	185	Афганистан	134	Гондурас	103	Кампучия	106
10	Перу	156	Камбоджа	126	...	...	Кения	106

* В 2006 фин. г. в виде даров и займов Индонезия получила от японского правительства 1035 млн. долл., Таиланд — 782 млн. и Индия — 576 млн. долл., т.е. они должны были занимать места в первой тройке, но их выплаты в счет погашения предыдущих займов превысили новые поступления, поэтому они не попали даже в первую десятку.

Японская помощь развитию с самого начала отличалась сильным уклоном в сторону стран, от которых можно было ожидать максимальной отдачи, будь то политика или коммерция. С 1970-х годов такими объектами были члены АСЕАН, в особенности после визита в страны Ассоциации премьер-министра Такэо Фукуды в 1977 г. и провозглашения им «особых отношений» между Японией и этой группировкой. Суперфаворитом же стала богатая природными ресурсами, но наиболее бедная по доходам на душу населения Индонезия. С начала 1980-х годов появился другой суперфаворит — КНР. В АСЕАН и Китай, вместе взятые, стало направляться от 2/3 до 3/4 всех финансовых потоков, идущих в «третий мир». Интересно наблюдение одного зарубежного автора о том, что при оказании помощи Япония концентрировалась на тех коммерчески важных для нее странах, где американское влияние было наименьшим²⁴. Естественным выглядел вывод, что Япония укрепляет свои позиции в Восточной Азии, в то время как другие развивающиеся регионы земного шара ею волей-неволей дискриминируются.

Разумеется, на такую критику нетрудно было найти и контраргументы. В конце концов, Китай и Индонезия являются самыми населенными странами в развивающемся мире, ВВП на душу населения в обеих странах в 1980–1990-е годы был чрезвычайно низок. Поэтому с гуманитарной точки зрения выделение этих стран было вполне оправданно. Но это лишь одна сторона медали. Другая сторона состоит в том, что и Китай, и Индонезия более других развивающихся стран были важны для Японии с точки зрения внешней торговли и прямых капиталовложений. Да и другие страны—члены АСЕАН, помимо Индонезии, оказались экономически привязанными к Токио больше, чем к какой-либо другой развитой стране. Здесь дело не в альтруизме, а в прямой коммерческой выгоде.

Выдающийся экономист и одно время министр иностранных дел Сабуро Окита откровенно писал еще в конце 1980-х годов: «Учитывая тесные отношения Японии с другими странами Восточной Азии, их громадное население и огромные долги, этот регион по-прежнему будет получать львиную долю японской ОПР»²⁵.

Тем не менее в конце 1980-х годов японский МИД в ответ на порицания в экономическом «эгоизме» пообещал постепенно переключать финансовые потоки в сторону наиболее беднейших (по доходам на душу населения) государств — в Африку южнее Сахары, на полуостров Индостан, а также в ряд мест Центральной и Южной Америки. И в самом деле, позднее потоки помощи стали более диверсифицированными географически. Но это была не только реакция на требования других стран-доноров. Частично региональная диверсификация явилась следствием экономического «созревания» некоторых государств АСЕАН, которые естественно стали выпадать из рядов получателей и, наоборот, сами вступили на путь оказания помощи еще более бедным странам региона. Раньше всего из «клуба» реципиентов вышли богатые Бруней и Сингапур, а впоследствии стала заметно снижаться и ОПР для быстро растущей экономики Малайзии.

Однако к концу 1990-х годов стала очевидной обратная тенденция в японской политике помощи, которую можно назвать «назад в Азию». Во-первых, внутренние экономические неурядицы в Японии потребовали уделять больше внимания наиболее важным партнерам по торговле и инвестициям, локализованным в близлежащем регионе. Во-вторых, стали появляться новые партнеры, желающие японских денег, в частности Монголия, Лаос, Кампучия, Вьетнам, т.е. страны, либо освободившиеся от бывшего советского влияния, либо объявившие о своей прорыночной ориентации. Крайне низкий стартовый уровень этих государств сделал их естественными кандидатами на роль получателей денег из Токио. И действительно, очень скоро Япония превратилась для них в донора номер один.

Среди этих новых реципиентов особое место занимает Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) — и по численности населения, и по богатству природных ресурсов, и по стратегическому положению. В свое время, в 1979 г., под очевидным американским давлением после ввода вьетнамских войск в полпотовскую Кампучию помощь Вьетнаму была заморожена. Позднее Япония могла только сожалеть об этом шаге, который политически был не оправдан, а экономически противоречил ее собственным интересам, поскольку были потеряны связи с этой важной страной ЮВА. Финансовые субсидии СРВ из Токио были разморожены в 1992 г., но и после этого долгое время выглядели весьма скромно. Поскольку ОПР прокладывает путь для прямых частных капиталовложений, то неудивительно, что, когда Вьетнам встал на путь рыночной экономики и допустил на свою территорию иностранных инвесторов, Япония по объему капиталовложений серьезно отстала от западных стран²⁶.

Более того, в 1995 г. СРВ стала полноправным членом АСЕАН, при этом сильно уступая по экономическому развитию большинству его «старых» членов. Через несколько лет «раскачки» в Токио поняли, что в интересах самой Японии многократно увеличить ОПР Вьетнаму с тем, чтобы преодолеть этот разрыв и радикально улучшить вьетнамскую инфраструктуру. Такой скачок действительно произошел, и в 2000 г. по размерам вливаний из Токио Вьетнам превзошел даже Китай. Хотя, разумеется, дело не только в японской помощи, но сейчас, в конце первого десятилетия нынешнего века, прогресс во Вьетнаме (по сравнению с соседними Кампучией и Лаосом, не говоря уже о Мьянме) виден невооруженным глазом.

Тенденция к «антидиверсификации» ОПР получила сильную подпитку в виду необходимости срочно прийти на выручку ряду стран АТР, которые стали жертвами азиатского финансового кризиса 1997–1999 гг. В их число входили Индонезия, Таиланд, Малайзия и далеко не бедная Южная Корея. Японская политика во время кризиса — отдельный вопрос. Здесь только отметим, что экстренное спасение этих государств было в интересах самой Японии.

В 1998 г. Япония, сама находившаяся в состоянии рецессии, увеличила помощь региону на 71% по сравнению с предыдущим годом. Изнемогавшая от кризиса Индонезия в 1999 г. получила от Токио 1,6 млрд. долл. — абсолютно рекордный объем японской помощи для отдельно взятой страны. Этот необычайный прирост стал возможным благодаря «плану Миядзавы», который предусматривал выделение 30 млрд. долл. (с исключительно низкой годовой ставкой 0,95%) в качестве помощи азиатским странам, чтобы они могли вырваться из кризиса. В итоге доля стран ЮВА во всем объеме двусторонней японской помощи поднялась с 46,5% в 1997 г. до 63,2% в 1999 г., т.е. вернулась к тому сверхвысокому уровню, который существовал в 1980-х годах. Если учитывать только займы (без даров), то эта доля оказалась даже выше.

В 2003 г., когда кабинет Коидзуми реформировал существовавшую с 1992 г. «Хартию ОПР», там уже прямо говорилось об особо важной роли экономического сотрудничества именно с ЮВА. В 2005 г. в документе «Глобальная стратегия ОПР», также одобренном кабинетом, отмечалось, что в первую очередь должна быть усилена помощь четырем новым, самым бедным членам АСЕАН (Вьетнаму, Кампучии, Лаосу и Мьянме), для того чтобы сгладить экономическое неравенство между ними и «старыми» участниками Ассоциации. Собственно, эти документы только отражали реалии политики, которая велась уже несколько лет.

В процессе восстановления статуса привилегированного адресата японской ОПР АТР стал испытательной площадкой для некоторых новых форм сотрудничества, включая так называемые всеобъемлющие, или комплексные, программы. Они предполагают координацию займов, даров и технической помощи вместо осуществления этих видов сотрудничества по отдельности через полуавтономные японские правительственные учреждения. Вышеупомянутый «доклад Кусано» рекомендует на этот счет следующее: «Япония предоставляет ОПР более чем 150 нациям... Для оказания наиболее эффективной и высококачественной помощи может потребоваться, образно говоря, 150 отдельных политик для всех 150 стран»²⁷. Действительно, уже к концу XX в. японским МИДом были разработаны и частично начали претворяться в жизнь более 20 директивных документов о координации всех видов ОПР для таких стран, как Китай, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Монголия, Вьетнам, Лаос и др.

Такие «сводные» планы ОПР для стран Восточной Азии, помимо прочего, имели целью также координировать правительственные усилия с интересами частных корпораций. Наохико Кумагаи из руководства корпорации «Мицуи буссан» от лица большого бизнеса откровенно высказался по этому поводу: «Правительству следует уделять больше внимания опыту и знаниям, накопленным частными компаниями, в особенности в тех сферах технологии, где Япония является международным лидером, например в контроле над загрязнением окружающей среды, и т. д. В рамках экономического сотрудничества правительство должно... ограничиться только той ролью, которую частные компании сами выполнять не могут»²⁸. Сигнал от деловых кругов явно сказался на официальных «Политических директивах по помощи» (1999 г.), где прямо указывалось, что необходимо предоставить частным фирмам более широкий доступ к работе с развивающимися странами. Наконец, в «Хартии ОПР»

редакции 2003 г. основной целью помощи провозглашалось «вносить вклад в поддержание мира и развития международного сообщества и тем самым помогать обеспечивать безопасность и процветание самой Японии».

Такой прагматический сдвиг мог вызвать международную критику, поскольку открыто противоречил предыдущим обещаниям Японии ориентироваться на интересы стран-партнеров, дать им возможность свободно выбирать подрядчиков проектов, возводящихся на японские деньги²⁹. Фактически вопрос о том, кому в первую очередь намерено помогать японское правительство — развивающемуся миру или своему частному бизнесу, — еще более обострился. Но, по-видимому, недовольство за рубежом стало меньше волновать Токио, чем раньше, ибо, как откровенно сказал упомянутый г-н Кумагаи, «будет лучше, если проекты по линии помощи в конечном счете станут приносить пользу японским корпорациям (которые, между прочим, платят налоги в Японии)»³⁰. В целом (1) возврат акцента на Юго-Восточную Азию и (2) новое разделение ролей между правительством и частным бизнесом определенно связаны между собой и направлены на защиту японских корпоративных интересов, а не интересов стран-реципиентов (которые могли бы сэкономить, выбирая подрядчиками неамериканские, а иные фирмы).

Вообще-то открытый акцент на обеспечение собственных интересов при оказании помощи не является чем-то экстраординарным в мире. Например, как отмечает Р. Ридделл, «базовая цель американской помощи сегодня — не искоренение нищеты и даже не поддержка экономического роста в бедных странах. Скорее этой целью является „защита Америки“ путем использования программ двусторонней помощи для формирования демократии и рыночной экономики»³¹.

Китай в японских программах экономического сотрудничества

В отличие от ЮВА особое отношение к Китаю с начала XXI в. стремительно вошло в пике и затем фактически сошло на нет. Уже во второй половине 1990-х годов вокруг этой страны, привычно бывшей крупнейшим получателем японской помощи, в самой Японии атмосфера стала сгущаться. С начала рыночных реформ Дэн Сяопина (конец 1970-х годов) в Пекин ежегодно стало перетекать свыше 10% всех средств по линии японской ОПР. Тогда этот сдвиг болезненно воспринимался странами АСЕАН, которые не без основания полагали, что КНР может поглотить значительный кусок «пирога» помощи, на который они сами рассчитывали. На долгие годы получателем помощи номер один стала КНР.

Исторически японская помощь возникла на базе репараций, которые Япония по решению стран-победительниц выплатила всем своим жертвам (кроме Китая и крошечного Брунея). Многие в мире восприняли ОПР Китаю как квазирепарации, от которых в свое время «широким жестом» отказался Мао Цзэдун. Но все же проблема компенсации за ущерб, нанесенный Китаю во время войны, не исчезла, причем дело заключалось не только в моральной стороне вопроса. «Смазка» в виде помощи была необходима Японии прежде всего для восстановления КНР в качестве главной экономической базы за рубежом. Весомая поддержка нужна была также для того, чтобы усилить внутренние позиции пришедших к власти прагматиков во главе с Дэн Сяопином, которые повернули страну лицом к рыночной экономике.

Щедрые займы из Токио существенно помогли в развитии инфраструктуры, в частности в модернизации транспортной сети в ряде районов Китая. Да-

ры внесли заметный вклад в улучшение систем медицинского обслуживания, очистки питьевой воды и в реализацию актуальных экологических проектов. С другой стороны, не вызывает сомнения, что без субсидирования Китая на протяжении четверти столетия Япония определенно не добилась бы нынешних мощных экономических позиций в КНР. Всего лишь через десяток лет после начала японских вливаний на крупной международной конференции в 1991 г. китайский представитель уже имел основания заявить, что «Япония добилась таких политических и экономических дивидендов в Китае благодаря оказанию помощи, каких не смогла добиться путем военной агрессии»³².

Поддержание показательно дружественных отношений с Пекином казалось Японии столь важным, что даже трагедия на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., которая восстановила США и Западную Европу против китайских властей, фактически не воспрепятствовала продолжению массовой помощи Китаю. В истории японской помощи развивающемуся миру не раз случалось, что помощь эта «замораживалась», иногда на довольно длительное время, в качестве «наказания» за изьяны политики принимающих стран. Но на примере Китая (как и некоторых других стран) видно, что соблюдение прав человека не является для Японии главным приоритетом, когда приходится выбирать — приостанавливать ОПР или воздержаться от такого шага.

Как более тяжкий «грех», нежели нарушение прав человека, в Японии рассматривают массированное расширение военной машины в государстве-партнере. Однако на протяжении большей части 1990-х годов быстрый рост и модернизация китайских вооружений не вели к снижению финансовых потоков из Токио в Пекин, хотя это напрямую противоречило японской национальной безопасности. Более того, даже когда Китай произвел два ядерных испытания в 1995 г. — действия, которые наиболее чувствительны для японского народа, — официальная реакция Токио оказалась на удивление мягкой: была лишь осуществлена символическая приостановка даров на сумму всего 92 млн. долл. Испытания ядерного оружия в 1996 г. вообще остались без реакции со стороны японской дипломатии.

Наиболее дальновидные исследователи за рубежом предсказывали вероятное сокращение помощи Китаю в связи с наращиванием им военных мускулов³³, но до поры до времени эти прогнозы не сбывались. Так, в 1998 фин. г. КНР получила от Японии по линии ОПР 1158 млн. долл. Складывалось впечатление, что льготные трансферты Китаю обладали иммунитетом даже тогда, когда их замораживание предписывалось «Хартией ОПР». Однако в японском обществе накапливалось недовольство преференциальными займами Пекину. Немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что 24 млрд. долл., переведенные на счет китайских властей за два десятилетия (1980–1990-е годы), вовсе не обеспечили Японии любви или особого уважения китайского населения.

Возможно, в КНР считали эту помощь просто платой за отказ Пекина от военных репараций, но в основном причина заключалась в том, что китайские власти скрывали правду о потоках средств из Токио. Бывший посол Японии в Пекине писал тогда: «Китайский народ не знает, что Япония помогает его стране, а наши иеновые займы не способствуют взаимной дружбе... Сами китайские лидеры не имеют ни малейшего представления, в каких сферах экономики Япония оказывает Китаю помощь»³⁴. Опросы общественного мнения неизменно показывали, что к США китайцы относятся намного лучше, чем к Японии, несмотря на отсутствие помощи со стороны Вашингтона. Такая «несправедливость», естественно, раздражала и официальный Токио, и налогоплательщиков страны.

В 1998 г. Японию с официальным визитом посетил председатель КНР Цзян Цзэминь. Он без конца вспоминал японскую военную агрессию и постоянно требовал все новых извинений от Токио. Не было произнесено ни единого доброго слова в адрес японской помощи, которой к тому времени насчитывалось уже два десятка лет. Как отмечалось в прессе, такой однобокий подход стал для Токио хорошим поводом обвинить Китай в неблагодарности, в том, что там воспринимают его помощь как нечто само собой разумеющееся³⁵.

В мае 2000 г. глава японского МИДа Ёхэй Коно впервые отважился высказать то, что витало в воздухе, но на официальном уровне не произносилось. Он сообщил своему китайскому коллеге, что Япония, возможно, пересмотрит в сторону сокращения свою программу помощи Китаю по причине резкого роста китайских военных расходов. По-видимому, Пекин не сумел оценить степень раздражения в японском обществе, поскольку весной и осенью того же года позволил своим «исследовательским» судам несколько раз нарушить эксклюзивную морскую экономическую зону Японии. В японской прессе появился поток публикаций с требованием прекратить вкладывать из года в год огромные деньги в строительство объектов инфраструктуры в стране, которая этого не ценит. Инциденты с нарушением морских границ способствовали тому, что японское правительство решило временно заморозить очередной целевой заем Китаю на сумму 17,2 млрд. иен. На тот момент это был смелый шаг, тем более что в октябре 2000 г. ожидался визит китайского премьера Чжу Жунцзи.

Незадолго до его приезда китайским дипломатам все же удалось убедить Японию выделить средства для строительства железных дорог и аэродромов, но эта сумма была лишь малой частью того, на что рассчитывал Китай. Пекин желал добиться от японского правительства многомиллиардного (в долларах) финансирования «великого проекта развития Запада». Этот мегапроект предусматривал масштабные экономико-социальные перемены в отдаленных и неразвитых провинциях Китая, таких как Синьцзян-Уйгурский автономный район. Однако у многих правительств и международных организаций возникли серьезные опасения, что реализация «гранд-проекта» на территории Синьцзяна и Тибета может привести к насильственному переселению национальных меньшинств (тибетцев и уйгуров) и их ассимиляции с основной частью китайского населения — ханьцами.

Поскольку в 1999 г. Всемирный банк отверг просьбу Китая о займе на эти цели, тот обратился с аналогичной просьбой к японскому руководству. И тут моментально сменилась китайская официальная оценка японской помощи. В преддверии визита китайского премьер-министра в Японию гости из Китая вдруг стали благодарить ее руководство за многолетнюю щедрость. Известный японский журналист описывает эти месяцы как «период дипломатии благодарностей в ожидании финансовой поддержки Японии в развитии западных районов Китая»³⁶.

Во время визита Чжу Жунцзи японский премьер-министр Ё. Мори обратился к своему китайскому коллеге без особых церемоний: «Информируйте свой народ о том, какой большой вклад японская ОПР внесла в экономическое развитие КНР, иначе нам не удастся убедить японский народ в том, что мы должны продолжать оказывать вам помощь»³⁷. Чжу Жунцзи признал, что и в самом деле в Китае недостаточно разьясняясь размах японской поддержки, и пообещал приложить усилия, чтобы это исправить.

Китайский премьер несколько раз во время визита уверял принимающую сторону в том, что руководство КНР высоко ценит помощь Японии. Тем не менее результат, на который рассчитывали в Пекине, достигнут не был. Прав-

да, Японии было нелегко категорически отвергнуть китайскую просьбу о займе на развитие запада КНР, поскольку это противоречило бы предыдущим заявлениям Токио, что главными приоритетами помощи Китаю в будущем станут защита окружающей среды и развитие бедных внутренних районов. Поэтому рассмотрение возможных решений было поручено двум группам экспертов — из МИДа (где преобладали «прокитайские» взгляды) и из правящей ЛДП, которые считались как бы «антикитайскими». Первый результат дискуссий оказался не в пользу Китая. Было решено, что с 2001 г. КНР лишается своего уникального статуса получателя помощи на базе пятилетних программ, а отныне будет получать ее как все остальные развивающиеся страны — на основе соглашений на один год. Маятник японского фаворитизма явно качнулся в сторону от Китая.

Вскоре последовали конфликты вокруг (1) содержания японских учебников по истории, (2) приглашения тайваньского президента Ли Дэньхуя в Японию и (3) болезненного обмена импортными ограничениями между Токио и Пекином. Это еще более ухудшило отношение японского общественного мнения к продолжению помощи Китаю. В начале 2002 г. кабинет Д. Коидзуми объявил, что текущие трансферты Китаю могут снизиться на 10–25%. Китай в принципе уже был готов к сокращению, но не на 25%. На этой стадии дело было даже не в деньгах, а скорее в морально-политическом аспекте. Сокращение на 10%, как и другим развивающимся странам, можно было представить как составную часть общего сокращения расходов на ОПР, т.е. как бы нейтральный шаг, в то время как «минус 25%» выглядели бы как «наказание» Китая за его политику.

Некоторое время КНР еще продолжала цепляться за место в верхнем эшелоне бенефициариев японских льготных займов. Однако с каждым годом ситуация становилось все более абсурдной и политически, и экономически. В политическом плане Китаю трудно было сочетать крайне резкую критику посещений премьер-министром Коидзуми храма Ясукуни, где «покоятся души» японских военных преступников, с требованиями к Токио продолжать финансирование китайских инфраструктурных проектов. Крайне неприятным для Японии фактом являлся также быстрый рост китайских военных расходов.

Что касается экономического аспекта, то в КНР наблюдался ежегодный рост ВВП на рекордном уровне десять и более процентов, Пекин изыскал средства на подготовку к дорогостоящей Олимпиаде 2008 г., вдобавок Китай сам стал играть достаточно активную роль донора, оказывая помощь, в частности, африканским странам. Более того, в 2002 г. КНР неожиданно быстро заключила соглашение о свободной торговле с АСЕАН как с единым блоком; и пусть соглашение было неполным и покрывало лишь часть товарных позиций, но все же Китай обогнал в этом смысле Японию на целых пять лет. К тому же в самой Японии, несмотря на окончание многолетней рецессии, экономическая ситуация и финансовые перспективы выглядели неутешительными.

В общем, некогда благожелательное к Китаю общественное мнение стало быстро склоняться в сторону прекращения помощи, оснований для которой становилось все меньше. Опросы показывали, что большинство японцев были согласны как максимум на финансирование экологических программ в Китае и на помощь бедным внутренним провинциям страны, но не более того.

Помощь Китаю близилась к концу. Осенью 2004 г. министр иностранных дел Н. Матимуро обнародовал эту новость, но отказался назвать конкретные сроки. Китайские лидеры сами сделали первый шаг. На встрече стран—чле-

нов АСЕАН во Вьетьяне в 2004 г. глава китайского дипломатического ведомства объявил о том, что его страна больше не нуждается в японских фондах и будет полагаться на собственные источники финансирования³⁸. В 2005 г. Китай получил прощальное крупное вливание из Токио (1064 млн. долл.), после чего поток резко пошел вниз. 2008 год должен был стать последним годом японской экономической помощи Китаю с ее четвертьвековой историей.

Надо сказать, что в начале текущего столетия программы помощи Китаю приобретали все более ярко выраженный экологический характер³⁹. В принципе Японии следовало бы продолжать сотрудничество в области охраны окружающей среды в собственных интересах. Например, «желтые» дожди, идущие из материкового Китая, в последние годы все чаще выпадают в префектурах Японии, обращенных к Японскому и Восточно-Китайскому морю.

Дальнейшие ориентиры финансовой и технической помощи

Для Китая Япония служила не просто важным, а почти монопольным источником льготного финансирования. Из Токио приходило 60–70% помощи. После ухода Китая из клуба стран-получателей Япония остается главным донором для многих стран АТР. По состоянию на 2006 фин. г. она играла эту роль для Индонезии, Вьетнама, Кампучии, Шри Ланки, Непала, Филиппин, Мьянмы, Казахстана, Узбекистана, Монголии и Лаоса, а также ряда островных государств Южной Океании (Тонга, Самоа, Кирибати), причем доля Японии во всей помощи, получаемой от индустриальных стран ОЭСР Индонезией, Филиппинами и Вьетнамом, заметно превышает половину.

После окончания сотрудничества с Китаем приоритеты японской дипломатии в дальнейшем, как представляется, будут сосредоточены на трех главных направлениях.

Во-первых, неослабевающее внимание будет уделяться странам-участникам АСЕАН, в первую очередь пока еще недостаточно развитой Индонезии и, что очень важно, Индокитаю. Статистика показывает, что Вьетнам с конца 1990-х годов занимает вторую-третью строчки в списке реципиентов японских даров и займов. С небольшими и малонаселенными Лаосом и Кампучией, по-видимому, тоже не возникнет серьезных вопросов, тем более что Япония с самого начала была глубоко вовлечена в процесс урегулирования кампучийской проблемы. Нельзя не согласиться со словами Д.В. Стрельцова, что посредством ОПР Японии необходимо в инфраструктурном отношении «подтянуть» государства Индокитаю до уровня, на котором они смогут принимать у себя японские инвестиции и быть эффективными партнерами Японии⁴⁰. В частности, на саммите АСЕАН–Япония в 2004 г. последняя пообещала выделить 1,5 млн. долл. на строительство инфраструктурных объектов в зоне границы между тремя странами Индокитаю.

Наиболее политически трудным участком является Мьянма, объем помощи которой невелик, причем за последнее десятилетие он снизился вдвое (с 50 до 25 млн. долл. и направляется на конкретные объекты). Для страны с населением около 50 млн. человек это чисто символические суммы. Такое положение связано с политической ситуацией в этой стране. Однако именно Бирма (так она тогда называлась) была первым объектом японской ОПР, когда начинались ее программы в 1950-х годах. Поэтому прогноз таков: очень небольшой ручеек помощи сюда будет продолжать течь в любом случае. Если же когда-нибудь к власти в Мьянме придет более гуманное правительство, эта

страна будет первым кандидатом на получение обширной помощи, поскольку ее придется «подтягивать» до среднего по АСЕАН уровня весьма долго.

Вторым по важности регионом—адресатом японской помощи развитию должен стать Индостанский полуостров. Собственно, это прослеживается уже и по результатам текущего десятилетия, в течение которого Индия, Пакистан, Шри Ланка и Бангладеш регулярно входили в десятку ведущих реципиентов японской ОПР. Основное внимание будет уделяться, конечно, Индии, в развитии инфраструктуры которой с начала XXI в. из Токио перекачивается примерно по полмиллиарда долларов в год (парадоксально, но в 2005–2006 гг. Индия не попала в первую десятку, поскольку ее платежи по предыдущим займам превысили вновь поступающие фонды). Исследователи, считают, что Индия, сопоставимая с Китаем по численности населения, идет ему на смену в качестве получателя японской ОПР⁴¹. Для этого есть и политические, и экономические, и гуманитарные основания.

При сопоставимом населении нынешняя Индия гораздо беднее Китая: в 2007 г. номинальный подушевой ВВП здесь составлял 941 долл. против 2660 в КНР. По гуманитарным соображениям, соображениям борьбы с бедностью помощь Японии нужна именно здесь. С экономической точки зрения Индия до недавнего прошлого находилась во втором эшелоне интересов японского бизнеса, а между тем здесь у него имеются огромные потенциальные возможности как в коммерческом, так и в инвестиционном плане. О том, что индийские рабочие и инженеры умеют хорошо работать, доказали хотя бы крупнейшие и успешные производства «софта» для компьютеров, расположенные в районе Бангалора. А если «подтянуть» Индию, например, до среднего уровня развития стран АСЕАН, то может раскрыться огромный рынок и для прямого японского экспорта. Наконец, что касается геополитических соображений, то, по мнению аналитиков, Япония рассматривает Индию как противовес китайской мощи в Азии⁴².

Третьим важным направлением японской помощи видится Африка, большей частью государства южнее Сахары. Многие из них являются экономическими банкротами, погрязли во внутренних войнах. Без внешней помощи им фактически не прожить. Во многом им помогают бывшие метрополии — Франция, Великобритания, Бельгия, а также Скандинавские государства. Помощь Африке как неотложный вопрос уже много лет стоит на повестке дня важных международных конференций, включая и саммиты «Большой восьмерки».

В этих обстоятельствах не могла остаться в стороне и Япония. Она по собственному почину провела у себя дома целую серию международных конференций TINCTAD (Токийские конференции по развитию Африки) с приглашением высших руководителей стран континента. В первую десятку реципиентов японской ОПР на протяжении текущего десятилетия входили такие страны Тропической Африки, как Танзания, Зимбабве, Конго и Кения. Наконец, Япония в 2005 г. списала очень крупный долг по займам самой населенной стране континента — Нигерии. Хотя Африка не входит в число главных приоритетов японской экономической дипломатии, помощь ей — своего рода проявление международной «политической корректности». Определенную роль будет играть и конкуренция с КНР, ибо китайская дипломатия, надеясь обрести контроль над африканскими природными ресурсами, проявляет здесь себя очень активно. «Мягкая сила» Японии проявляется здесь в первую очередь в виде финансовых даров и технической помощи, исходя из принципа «помощь во имя самопомощи» и для борьбы за сердца африканцев.

Заключение

В завершение хотелось бы остановиться на такой базовой проблеме, как эффективность ОПР, за низкий уровень которой Японию традиционно критиковали. Речь идет прежде всего об использовании японских правительственных фондов и контроле над ними на местах, в странах-реципиентах. Именно в этом заключается основная сложность. Как, например, используется японская помощь Судану, в котором десятилетиями идет гражданская война, а на арест президента которого выдан международный ордер? Здесь попытки контроля не только крайне затруднены, но и попросту опасны. Правительство Мьянмы после циклона «Наргиз» (май 2008 г.) в конце концов согласилось принять часть международной помощи, но без права наблюдения за ее распределением. Народ страны о проявлениях международной солидарности скорее всего даже и не знает.

В конце 2008 г. «The Japan Times» опубликовала большую статью под характерным заголовком «Кто извлекает выгоду из международной помощи?»⁴³. В ней конкретно речь идет о Кампучии, но делаются выводы и планетарного масштаба. Автор статьи Стивен Хэсс обеспокоен тем, что Япония предоставляет займы и дары правительствам, которые совершают преступления против в сферах экологии и прав человека. По данным известной международной неправительственной организации по борьбе с коррупцией «Транспаренси интернэшнл», как минимум три страны из числа ведущих получателей японских государственных фондов — Кампучия, Узбекистан и Зимбабве — относятся к числу самых коррумпированных в мире. О масштабах присвоения иностранной ОПР правящей верхушкой или чиновничеством можно строить только предположения; по самым осторожным прикидкам, в мире «прикарманивается» около трети поступлений из государств-членов ОЭСР. В наиболее одиозных странах эта доля наверняка выше.

Автор упомянутой публикации в заключение пишет: «Япония, США и Евросоюз стоят перед выбором. Следовать до конца примеру Китая, который выделяет миллионы ОПР коррумпированным политикам, связанным круговой порукой, или поднять планку и установить более высокие моральные стандарты»⁴⁴. Последнее, однако, сделать нелегко. С одной стороны, уменьшение объемов правительственной помощи в качестве «наказания за скверное поведение» властей-реципиентов рассматривается ими как недружественный шаг со стороны Японии. С другой стороны, попытки проконтролировать, куда направляются финансовые потоки на местах, объявляются вмешательством во внутренние дела.

Как говорилось выше, Япония (в первую очередь из-за бюджетных соображений) сокращает ассигнования на ОПР из года в год уже почти 10 лет. Что же идет на замену этому виду экономического сотрудничества?

В 2002–2008 гг. Токио подписал соглашения о свободной торговле (ССТ) со всеми главными странами-членами АСЕАН, а в 2007 г. — многостороннее соглашение с АСЕАН как с организацией в целом (за бортом пока остались наиболее бедные государства — Лаос, Кампучия и Мьянма). Эти соглашения выступают как новый инструмент внешнеэкономической деятельности Японии⁴⁵. При всей своей неполноте (они, в частности, не распространяются на рис и некоторые другие сельскохозяйственные товары) японские ССТ со странами Юго-Восточной Азии — это шаг вперед, поскольку в дальнейшем они могут быть пересмотрены в пользу развивающихся стран ЮВА.

По моему мнению, применительно по крайней мере к этому региону-фавориту происходит смена парадигмы японской внешнеэкономической политики: от ОПР к ССТ. Процесс этот обещает быть длительным, в полную мощь

ность соглашения заработают не раньше 2015 г. При этом такие страны, как Индонезию и Вьетнам, а впоследствии, скорее всего и Мьянму придется еще немало лет подтягивать до кондиционного уровня путем помощи. Тем не менее, как говорится, «процесс пошел».

Со временем, вероятно, он распространится на другие развивающиеся страна и регионы. Более того, уже подписаны соглашения о свободной торговле с Мексикой и Чили. Позже замена ОПР на ССТ должна коснуться стран Индостанского полуострова, а потом когда-нибудь уже и Тропической Африки. Пока что в условиях глобального экономического кризиса кабинет Т. Асо дал по меньшей мере два смелых обещания. В ноябре 2008 г. на саммите «Большой восьмерки» в Вашингтоне Асо пообещал выделить в долг Международному валютному фонду 100 млрд. долл. для поддержки развивающихся стран-жертв кризиса (это вряд ли может считаться ОПР в прямом смысле слова). Двумя месяцами позже на экономическом форуме в Давосе он же заявил, что странам Азии Япония сможет предоставить пакет размером 17 млрд. долл.⁴⁶ Правда, пока эти слова являются всего лишь благими пожеланиями: во-первых, неизвестно, как скажется в дальнейшем глобальный кризис на финансах самой Японии, а во-вторых, будущее самого кабинета Асо и правящей партии находится под большим вопросом.

Вместе с тем очевидно, что для Японии ОПР уже в обозримом будущем перестанет быть доминирующим орудием во взаимоотношениях с развивающимся миром, а станет просто важным, но вспомогательным инструментом. Отвечая на вопрос, поставленный в заголовке статьи, видимо, можно сказать, что параллельно происходят и реорганизация ОПР, и частичная смена парадигмы внешнеэкономических связей в сторону либерализации торговли.

Примечания

¹ Е.Б. Ковригин. Экономическая экспансия Японии. М., 1980.

² Е. Ковригин. Политические аспекты японской ОПР. — Знакомьтесь — Япония. 2001, № 31.

³ Асахи симбун. 23.12.2008.

⁴ Под «технической помощью», или «техническим сотрудничеством», подразумеваются бюджетные затраты на обучение иностранных студентов и стажеров в Японии, а также на посылку японских инструкторов в страны развивающегося мира.

⁵ J. Naisbitt. Megatrends Asia: The Eight Asian Megatrends that are Changing the World. L., 1995, p. 77.

⁶ The Japan Times. 19.10.2004.

⁷ R. Riddell. Does Foreign Aid Really Work? Oxf., 2008, p. 59.

⁸ Под этим термином, введенным американским политологом Дж. Наем (см.: J. Nye. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004), подразумевается политика привлечения зарубежных государств (точнее, их правительств) на свою сторону, создания благоприятного имиджа страны.

⁹ H. Beech. Japan's Soft Power. — Time. 01.12.2008, p. 31.

¹⁰ Д.В. Стрельцов. Официальная помощь развитию — важнейший инструмент внешней политики Японии. — Внешняя политика Японии: история и современность. М., 2008, с. 276.

¹¹ W. Hatch, K. Yamamoto. Asia in Japan's Embrace. Cambridge, 1996, p. 127.

¹² The Japan Times. 21.10.2000; 19.10.2004.

¹³ R. Leitch a. o. (eds.). Japan's Role in the Post-Cold War World. Westwood (Conn.), 1995, p. 82.

¹⁴ Y. Funabashi. Asia Pacific Fusion: Japan's Role in APEC. Wash., 1995.

¹⁵ M. Araki. The Japan ODA Model that Began Life in Southeast Asia. — Asia-Pacific Review. 2007, vol. 14, № 2, p. 28.

¹⁶ См.: A. Elek (ed.). Building an Asia-Pacific Community: Development Cooperation within APEC. Brisbane, 1997, p. 118.

¹⁷ H. Beech. Op. cit., p. 33.

¹⁸ The Japan Times. 31.08.1999; 19.10.2004.

¹⁹ Е. Ковригин. Политические аспекты японской ОПР.

- ²⁰ *A. Kusano a. o.* (eds). *The Policy Recommendations on Japan's ODA in the 21st Century*. Tokyo, 1998.
- ²¹ *T. Cargill, T. Sakamoto*. *Japan since 1980*. N.Y., 2008, p. 204.
- ²² *Ibid.*, p. 205.
- ²³ Цит по: *R. Riddell*. *Op.cit.*, p. 97.
- ²⁴ *M. Ezrati*. *Kawari: How Japan's Economic and Cultural Transformation will Alter Balance of Power among Nations*. L., 1999, p. 145.
- ²⁵ *S. Okita*. *Japan in the World Economy of the 1980s*. Tokyo, 1989, p. 46–47.
- ²⁶ *Е. Ковригин*. Политические аспекты японской ОПР, с. 38.
- ²⁷ *A. Kusano a. o.* (eds). *Op.cit.*, p. 44.
- ²⁸ *Asahi Evening News*. 14.07.1997.
- ²⁹ *Y. Funabashi* (ed.). *Japan's International Agenda*. N.Y., 1994, p. 161.
- ³⁰ *Asahi Evening News*. 14.07.1997.
- ³¹ *R. Riddell*. *Op. cit.*, p. 55.
- ³² *Tong Xianguo*. *Japan's ODA and the Peoples' Republic of China: Strategic Aid: Strategic Aid?* Bangkok, 1991, p. 3.
- ³³ *R. Drifte*. *Japan's Foreign Policy in the 1990s: From Economic Superpower to What Power?* Basingstoke, 1996, p. 112.
- ³⁴ *Asahi Evening News*. 08.02.1999.
- ³⁵ *Straits Times* (Singapore). 24.10.2000.
- ³⁶ *Asahi Evening News*. 10.10.2000.
- ³⁷ *Ibid.*
- ³⁸ *The Japan Times*. 29.11.2004.
- ³⁹ Подробнее см.: *R. Hirono*. *Japan Environmental Cooperation with China During the Last Two Decades*. — *Asia-Pacific Review*. 2007, vol. 14, № 2.
- ⁴⁰ *Д.В. Стрельцов*. Цит. соч., с. 260.
- ⁴¹ *M. Araki*. *Op. cit.*, p. 24.
- ⁴² *Ibid.*
- ⁴³ *The Japan Times*. 25.12.2008.
- ⁴⁴ *Ibid.*
- ⁴⁵ См.: *Е.Б. Ковригин, Д.В. Сулов*. Новое во внешнеэкономической политике Японии: двусторонние соглашения о свободной торговле. — *Знакомьтесь — Япония*. 2008, № 48; 2009, № 49.
- ⁴⁶ Газета. Ру. 13.11. 2008; 31.01.2009.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ МИРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

К.О. Саркисов

Саркисов Константин Оганесович родился в 1942 г. В 1966 г. по окончании Восточного факультета Ленинградского государственного университета поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Япония и ООН». В течение четырех лет (1979–1983) в посольстве СССР в Японии представлял интересы ИВ АН СССР. В октябре 1983 г. вернулся в Институт востоковедения. Возглавлял Отдел Японии и Центр японских исследований. Был первым председателем Ассоциации японоведов. С 1996 г. по настоящее время является профессором университетов Хосэй и Яманаси гакуин. Специализируется на вопросах международных отношений в Восточной Азии и внешней политики Японии. Опубликованы монография «Япония и ООН», большое число книг, в написании которых он принимал участие, статьи в различных журналах и газетах как в России, так и в Японии. В феврале 2009 г. на японском языке в издательстве «Асахи симбунся» вышла монография «Еще одна Русско-японская война. Письма адмирала Рожественского».

В начале 90-х годов прошлого века распад послевоенной глобальной системы международных отношений вызвал цепную реакцию в регионах и в отдельных странах. Трансформационные процессы происходили не только в развивающихся, но и в развитых, передовых странах, в том числе в Японии. Экономический спад 1990-х годов, беспрецедентно долгий и мучительный в истории Японии, заставил Токио искать новую модель развития, чтобы обеспечить устойчивый рост экономики и сохранить социальную стабильность.

Экономические проблемы затронули и политическую сферу, заставили критически взглянуть на политический механизм, до сих пор считавшийся наиболее эффективным в мире. Радикальные изменения внешней среды, такие как окончание «холодной войны», распад Советского Союза, рост могущества соседнего Китая, соперничество в борьбе за рынки сырья, усиление политического влияния «четверки» БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), заметное ослабление американского влияния, новая конфронтация в отношениях России с Европой и США и ряд других также требуют смены подходов и акцентов во внешней политике.

Внутриполитические задачи

Япония прошла свой путь в поисках оптимальной модели роста. Период с 1955 по 1973 г. был временем экстенсивного роста. В 1968 г. страна вышла на второе место в капиталистическом мире по объему ВВП, обогнав ФРГ. Сырьевой кризис середины 1970-х годов затормозил движение вперед и потребо-

вал радикальной структурной перестройки экономики, резкого повышения производительности труда. Япония перешла к модели интенсивного развития. Но эти изменения затронули в основном обрабатывающие отрасли. Производительность труда в сфере услуг (в широком смысле этого слова — все отрасли, кроме добывающей и обрабатывающей промышленности) оставалась низкой. Для сравнения: в 1995–2002 гг. производительность труда в обрабатывающих отраслях в США выросла на 3,3%, в Японии — на 4,1%, а в сфере услуг — соответственно на 2,3 и 0,8%¹. До поры до времени это не было серьезной проблемой. Но в результате коренных перемен внутри страны — старения населения, вывода производств за рубеж, мощной волны информационно-технологической революции, и в условиях, когда сфера услуг составляет более 70% ВВП, повышение ее эффективности становится критически важной задачей².

Но решение этой задачи требует радикальных политико-административных реформ, которые сопряжены пусть с временными, но серьезными социальными издержками. Возникает типичное для современных развитых демократий противоречие: народ, недовольный в своей основной массе спадом в экономике, требует реформ, а правящая партия понимает их необходимость, много о них говорит, но опасается их радикальности. Реформы болезненны и не приносят немедленных плодов, что сказывается на результатах выборов. При этом оппозиция энергично использует любой политический промах, раздувая его до размеров скандала.

В странах с классической схемой сменяемости двух или нескольких партий у власти это противоречие решается сравнительно легко — партия реформ приносит себя в жертву в надежде вновь прийти к власти после какого-то перерыва. В Японии такая парадигма отсутствует, ее, по существу, никогда и не было. Традиционно в послевоенной Японии политика больше политтехнология, чем идеология. Социальная база правящей партии включала широкий спектр населения, а идеология при всех необходимых атрибутах консервативной фразеологии была «технологичной», т.е. нацеленной на конечный результат. Кроме того, с 1980-х годов в связи с изменением социальной структуры резко сократилось политическое влияние профсоюзов, политико-идеологический спектр сузился, левые партии потеряли влияние и представительство в законодательных органах, левый и правый фланги стали смещаться к центру, программы партий в своей основе стали похожими одна на другую.

Динамика политической трансформации станет более понятной, если проанализировать основные этапы изменений баланса политических сил. Первый этап охватывал 1955–1993 гг. (в японской политологии он получил название «система 1955 года»), когда альтернативой находившейся у власти консервативной Либерально-демократической партии (ЛДП) выступали партии левого фланга, главным образом Социалистическая партия Японии (СПЯ). Внутриполитическая динамика определялась идеологической конфронтацией, и поэтому в стране с традиционно консервативными ценностями у ЛДП было преимущество. Тем более что в годы экономических успехов у электората, за исключением его определенных сегментов, не было причин голосовать за оппозицию.

Главным содержанием нового этапа стала реструктуризация политического пространства в результате раскола двух основных партий — СПЯ и ЛДП. Антикоммунистическая революция в России в августе 1991 г. и распад СССР имели роковые последствия для левых партий, включая Коммунистическую партию Японии (КПЯ), несмотря на ее давнюю острую критику КПСС. Но парадоксальным образом пострадала в огромной мере и ЛДП. На всеобщих выборах в нижнюю палату парламента в 1993 г. поражение потерпели как ли-

берал-демократы, так и социалисты (первые получили 223 места, а вторые 70 из 511 мест в палате). Все было логично — окончание глобального идеологического противостояния и глубокие социально-экономические перемены во многих странах разрушили старую парадигму политического противостояния.

В консервативном лагере появилось антагонистическое ему неоконсервативное течение. Идеологом последнего выступил Итиро Одзава, которому удалось в 1993 г. отстранить на время ЛДП и привести к власти разношерстную коалицию. Наибольшему разрушению подверглась СПЯ. Преобразование в Социал-демократическую партию не помогло. Большая часть членов партии ее покинули и в 1998 г. составили ядро новой партии — Демократической. Вобрав в себя позднее неоконсерваторов, она стала главной оппозиционной силой. Неоконсерваторы (Либеральная партия) согласились войти в Демократическую партию (ДП) при условии, что последнюю возглавит их лидер — И. Одзава. При этом его политическая идеология трансформировалась из неоконсервативной в либеральную.

В результате жестокого поражения ЛДП на выборах в нижнюю палату в июне 2000 г. (она получила лишь 233 мандата из 480) ей удалось удержаться у власти только благодаря коалиции с Комэйто, некогда оппозиционной партией из левого лагеря. И в этой ситуации в ЛДП сработал инстинкт самосохранения. В 2001 г. главой партии стал Дзюньитиро Коидзуми, ярый сторонник радикальных реформ, обещавший японцам коренное переустройство правящей партии за счет «уничтожения» ее косной части, придерживавшейся, по его мнению, отживших политических ценностей.

Реформы Коидзуми — это глава в истории ЛДП, выпадающая из общего контекста. Была прекращена практика назначения министров кабинета по фракционному принципу, сокращены расходы на общественные работы, которые обеспечивали поддержку партии на местах, началась приватизация почт и почтового банка с его колоссальными активами. И консервативный костяк ЛДП «проглотил» эти выпады против него, сознавая, что лидер партии необычайно популярен в народе и это позволит ей остаться у руля. Так оно и случилось. На выборах в ноябре 2003 г. ЛДП получила 237 из 480 мест, чуть не дотянув до половины, а в 2005 г. — 296 мест из 480! Популярность Коидзуми как реформатора позволила нанести сокрушительное поражение демократам. Они потеряли 62 места. Это и заставило их принять в свое лоно неоконсерваторов и согласиться на то, чтобы партию возглавил старый политический «волк» И. Одзава, т.е. пойти на противоестественный симбиоз, оправданный только тем, что избирателю, который считал демократов неопытными в политике, демонстрировали: у нового руководства партии такого опыта хватает³.

Все эти события и составили суть нового этапа. На политическом поле вновь стали доминировать две партии, на этот раз Либерально-демократическая и Демократическая. Спектр близок к двухпартийной парадигме: справа близко к центру — либерал-демократы, слева, тоже близко к центру, — демократы, хотя деление на левых и правых по идеологическим признакам достаточно условно. Если такие фундаментальные вопросы политики, как пересмотр Конституции, союз с США и поддержка их войны в Ираке и Афганистане, отнести к «идеологическим», то различия в подходах между ЛДП и ДП не существенны, хотя последняя и призывает к проведению «самостоятельной» внешней политики⁴.

Державший ЛДП «на плаву» Коидзуми ушел в отставку в 2006 г. Реформы показали слишком радикальными, и партия стала постепенно отходить от них, опасаясь потери голосов недовольных. Заменивший Коидзуми Абэ декларирует свою приверженность радикальным реформам, но сделал ставку на

более сбалансированную политику. Результат не замедлил сказаться. В июле 2007 г. выборы в верхнюю палату парламента оказались для него фатальными: из 242 мест у ЛДП стало теперь 83, а у ДП — 109. Контроль над верхней палатой перешел в руки демократов.

Это явление в Японии носит название «парламентский тупик» (*нэдзирэ коккай*, букв. «перекрученный парламент»), когда нижняя палата принимает решения, которые верхняя постоянно отвергает. Законы вступают в силу, несмотря на то что они не утверждены верхней палатой, но только спустя шестьдесят дней автоматически или сразу же, если в нижней палате происходит повторное голосование и законопроект получает две трети голосов (статья 59 Конституции Японии). В результате власть оказалась парализованной — оппозиция выступает против практически всех законодательных инициатив правительства. В аналогичной ситуации в 1989 г., когда ЛДП потеряла большинство в верхней палате, она смогла контролировать последнюю за счет коалиции с Партией демократического социализма (ныне не существующей) и Комэйто, а в 1998 г. — благодаря альянсу с Комэйто и Либеральной партией. В 2007 г. союз с Комэйто с ее 20 местами не позволил даже дотянуть до уровня демократов. Ситуация «тупикового парламента» стала главной причиной того, что Абэ и сменивший его Фукуда ушли в отставку значительно раньше положенного срока.

В 2004 г. гарвардский журнал писал, что «Японии еще далеко до двухпартийной системы», имея в виду «сильную инерцию» политического сознания рядовых японцев, их готовность поддерживать ЛДП, несмотря на все скандалы и политические промахи⁵. В 2008 г. речь шла уже не об «инерции», а об осторожности. Для этого были все основания — большинство японцев еще не жаждало революционных перемен. В июне 2008 г. на вопрос: «Не считаете ли Вы, что Ваша жизнь по сравнению с прошлым годом ухудшилась?» 61,3% опрошенных ответили: «Нет, не считаю». Но ситуация близка к критической — только 4,4% заявили, что жить стало лучше, а 34,1% ответили, что жить стало труднее⁶.

Круг неотложных социальных проблем в Японии включает в себя такие, как старение населения и связанные с этим трудности с пенсионными выплатами, огромный дефицит бюджета и колоссальный долг государства, нехватка врачей, имущественное расслоение общества, необходимость сокращения бюрократического аппарата, поддержка мелких и средних предприятий, и многие другие.

Социальные расходы правительства в Японии, традиционно низкие по сравнению с другими развитыми странами, тем не менее являются для него болезненной нагрузкой. Поэтому старение населения в Японии приводит к невыгодному для правящей партии политическому результату — одновременно растут и бюджетная нагрузка, и недовольство социальной политикой правительства. Доля лиц в возрасте 65 лет и старше в 2005 г. в Японии достигла 20,2% (в том числе 10% приходилось на лиц старше 75 лет⁷), а расходы государства на их поддержку — 38,2% всех бюджетных расходов. Для сравнения: в США соответствующие показатели составили 12,3 и 36,6%, в Англии — 16,0 и 44,7%, Германии 18,3 и 46,9%, во Франции — 16,3 и 54,0%⁸.

Многие в Японии хотели бы видеть новые лица у политического руля. Но проблема по-прежнему в том, что рядовой избиратель не верит в политическую зрелость демократов и их способность решать самые сложные задачи государственного управления. Поэтому их победа возможна только при крупных просчетах ЛДП.

В ситуации «тупикового парламента» выход лишь один — роспуск нижней палаты парламента и проведение новых выборов. Суждено ли ЛДП потерпеть

поражение на очередных выборах и станем ли мы свидетелями уже в этом десятилетии рождения двухпартийной системы? На этот вопрос пока нет ответа.

Выгодная для демократов политическая ситуация, неожиданно изменилась. Один из главных помощников И. Одзавы был арестован в марте 2009 г. по подозрению в махинациях с политическими пожертвованиями от одной из строительных компаний. Престижу лидера демократов был нанесен серьезный ущерб, и вероятность прихода к власти для ДП, которая казалась очень высокой, теперь стала проблематичной. В силу традиционной психологии и менталитета рядовой избиратель в Японии крайне чувствителен к подобного рода скандалам, хотя подсознательно понимает: правительство использовало административный ресурс, чтобы вывести из игры И. Одзаву.

Но кроме упомянутого скандала консерваторы использовали шанс, который подарила им судьба. Чтобы вывести страну из тяжелого кризиса правительство Асо приняло целый ряд мер по стимулированию экономики путем массированного вливания бюджетных средств. Последний пакет составил астрономическую цифру 14,5 трлн. иен (более 145 млрд. долл.). Но для этого правительству пришлось еще больше влезть в долги. Суммарная задолженность центрального правительства и органов местного самоуправления, по данным Министерства финансов, опубликованным 30 апреля 2009 г., в текущем году составит 168,5% от ВВП. В 2009 г. сумма заимствований может превысить налоговые поступления, которые за год сократились на 8,2%, составив чуть меньше 35 трлн. иен вместо запланированных 46,5 трлн.⁹ Демократы и другие представители оппозиции обвиняют правительство в разбазаривании средств и увеличении долга, по которому придется расплачиваться будущим поколениям. Но эти обвинения не имеют эффекта. Рядовой японец видит, что в условиях кризиса так поступают все, начиная от американцев и британцев. Международный валютный фонд (МВФ) прогнозировал, что в 2009 г. ВВП Японии сократится на 6,2%, а в 2010 г. увеличится всего на 0,5%, но принятые японским правительством меры позволили Банку Японии дать более оптимистичные оценки: соответственно минус 3,1% и плюс 1,2%. Два важнейших социальных показателя, уровень безработицы и индекс потребительских цен, тоже в пользу правительства. Безработица в апреле составила 4,8%, что выше обычного для Японии, но значительно ниже, чем в других развитых странах. А потребительские цены не только не растут, а падают: по расчетам Банка Японии, в марте 2009 г. они сократились на 1,5%, а в 2010 г. уменьшатся еще на 1,0%¹⁰. И как результат, популярность кабинета Асо, упавшая было ниже отметки в 20%, сейчас поползла вверх, составив более 30%.

И все же уход в отставку раньше срока двух предыдущих премьеров и резкие перепады в поддержке населением нынешнего кабинета говорят не только о сложности текущего момента, но и о дефиците доверия к власти в целом. Поэтому насущной остается задача реформирования политической системы, сохраняющейся все послевоенные годы. Формирование конструктивной политической конкуренции на основе многопартийности — одна из задач. Другая — создание системы прямых выборов лидера страны. Народ, выбравший лидера, сам становится ответственным за свой выбор. На этом активно настаивает оппозиция, но идея не находит достаточной поддержки у населения, а ЛДП ее отвергает. В марте 2005 г. комитет ЛДП по конституционной реформе не включил положение о прямых выборах в текст своего проекта Конституции, сославшись на отрицательный пример других стран, где к власти нередко приходят не самые сильные политики, а популисты¹¹.

Япония стоит на пороге внутривластных перемен, но сам этот процесс затянут по времени и происходит в сложной борьбе между старым и новым. То же можно сказать и о внешней политике.

Внешняя политика Японии на рубеже веков

Анализируя внешнюю политику Японии сегодня, важно рассматривать ее в динамике глобальных отношений после «холодной войны». Как представляется, в ней можно выделить три периода. Первый — 90-е годы прошлого века, когда США как единственная сверхдержава, провозгласив свое лидерство и уверовав в него, предпринимали попытки построить международные отношения на принципах солидарности и коллективного вклада всех стран. Но уже в этот период эйфория «нового миропорядка» улетучилась и стали усиливаться силовые подходы в решении таких сложных проблем, как проблема бывшей Югославии. Второй этап — приход к власти в США администрации Буша с выраженным идеологизированным подходом: «демократии против несвободных стран». После 11 сентября 2001 г. в нарушение Устава ООН США декларировали свое право использовать военную силу за пределами своей страны для подавления источников угрозы «национальной безопасности», которое они реализовали в Ираке. Третий этап — рождение нового баланса сил, основы реальной многополярности. Поражение в Ираке и тупиковая ситуация в Афганистане разрушили однополярность, доказав ее несостоятельность. Одновременно бурный экономический рост стран вне ареала Запада, и в первую очередь Китая, существенно изменил геополитическое соотношение сил на международной арене. Конфронтация России с США и с большинством стран Европы из-за войны на Кавказе — своего рода пробный камень для новой системы многополярности.

Политический курс послевоенной Японии формировался под сильным влиянием «холодной войны». Поэтому ее окончание стало серьезным испытанием. Необходимо было в первую очередь по-новому осмыслить отношения с Соединенными Штатами. В эпоху биполярности тесный союз с США воспринимался как фактор безопасности и стабильности, как шанс концентрировать свои ограниченные ресурсы на экономическом и социальном развитии. Теперь нужно было найти отношениям с США новое измерение.

Япония сделала свой выбор в пользу сохранения и даже усиления союза с США при некоторой его «рационализации». В этом не было ничего парадоксального. Мир после окончания «холодной войны» стал значительно менее стабильным, конфронтация с глобального уровня переместилась на региональный, противоречия, сдерживавшиеся глобальным противостоянием, резко обострились. Кроме того, именно в этот период начался рост могущества соседнего Китая, и союз с США приобрел для Токио новое значение.

Но с течением времени, особенно в новое столетие, когда США начали войну в Ираке, а Япония была вынуждена их поддержать, появились и проблемы. При всей ярко выраженной поддержке США правительством Коидзуми, активном подключении кабинета Абэ к американской стратегии «демократизации» мира в Токио болезненно ощущалось ограничение свободы выбора не только стратегии, но и тактики поведения, не говоря о психологических нагрузках в связи с пребыванием на японской территории многочисленного военного персонала США¹². Но главное, Японии нужно было найти рациональное решение противоречия между отношениями с США и со своими соседями — восточноазиатскими странами, которые становились для нее все более жизненно важными.

Складывается противоречивая ситуация — укрепляя военно-политический союз с США, экономически Япония все более тяготеет к Азии. Даже в такой высокотехнологичной сфере, как автомобилестроение, по прогнозам, в 2011 г. японское производство в странах БРИК будет больше, чем в США и Канаде¹³. В Восточной Азии быстрыми темпами формируется мощнейший производственный комплекс, по своей привлекательности (производство добавленной стоимости) уже превосходящий ЕЭС и НАФТА¹⁴. Глобальный экономический кризис приводит к еще большему усилению азиатских стран. В апрельском (2009 г.) докладе МВФ обращают на себя внимание цифры, характеризующие сдвиги в соотношении экономических потенциалов в пользу Азии. В 2009 г. рост экономики составит у развитых стран в среднем минус 3,8%, у развивающихся стран в целом — плюс 1,6%, в странах Азии — плюс 4,6%, а в 2010 г. — соответственно 0,0%, 4,0 и 6,1%¹⁵.

Но до сих пор для официального Токио союз с Вашингтоном — отправная точка глобальной и региональной стратегии, и прежде всего в отношении стран Восточной Азии¹⁶. Внутренняя противоречивость курса на усиление союза с США при растущей экономической зависимости от Азии уже при Коидзуми решалась за счет того, что азиатов убеждали — отношения с США не противоречат, а даже способствуют развитию отношений Японии с Азией. Именно при Коидзуми в 2002 г. Токио выступил с грандиозной идеей Восточноазиатского сообщества. Сам гипотетический состав Сообщества, в который поначалу включали 13 стран (АСЕАН плюс Япония, Китай, Южная Корея), возрос до 15 (плюс Австралия и Новая Зеландия), а позднее — 16 (плюс Индия). Более того, начался активный зондаж возможности включения в это Сообщество Соединенных Штатов.

Для сохранения тесного союза с США существуют как внутренние, так и внешние причины. Чтобы отказаться от военного альянса с Вашингтоном, нужно в первую очередь переписать Конституцию, которая даже при ее расширенном толковании ограничивает возможность строительства полнокровных вооруженных сил, способных противостоять современным вызовам. Кроме того, создание эффективной оборонной системы без американского участия затея дорогостоящая. Ее реализация потребует от 15 до 30 трлн. иен в год. Такая нагрузка для хронически и угрожающе дефицитного бюджета может оказаться фатальной.

Есть и другие серьезные аргументы против ревизии Конституции: она была своеобразным щитом от вовлечения в международные конфликты, сдерживала националистические и правые силы в Японии, позволяла концентрировать ограниченные национальные ресурсы на решении экономических и социальных задач, добиваясь высокого уровня внутренней стабильности. Ревизия Конституции может открыть ящик Пандоры. Ни у кого нет уверенности, что при этом удастся сохранить святая святых — внутреннюю стабильность.

В этих условиях ЛДП сделала ставку на полумеры, представив на обсуждение проект частичного пересмотра Конституции. Опубликованный 22 ноября 2005 г. проект новой Конституции сохраняет отказ от войны как основополагающий принцип японской государственности: «...японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». Но второй пункт, главным в котором является положение о том, что «право на ведение государством войны не признается», заменен на подробное описание тех случаев, когда Япония может посылать свои войска для боевых действий за рубежом¹⁷.

Еще предстоит выяснить, в какую сторону повернет вектор глобальных трансформаций. Нужно ответить на главный вопрос: действительно ли речь идет о рождении «постамериканского мира», реальной многополярности, в которой США теряют свои позиции единственного и неоспоримого лидера? Если это и так, то в новой конфигурации баланса сил США все равно останутся наиболее сильным компонентом, особенно в связке с Европой, отношения с которой после Ирака в основном реставрированы и могут получить развитие при новой американской администрации. Конфронтация с Россией только усиливает центростремительные тенденции в западном лагере.

Выдавливаемая из европейского пространства Россия попытается найти политические альтернативы на восточном направлении. «На Европе и Соединенных Штатах мир еще не заканчивается» — слова Путина, скорее всего, не блеф¹⁸. На Востоке для США единственным партнером, который может поддержать их в политике сдерживания и изоляции России, является Япония. Южная Корея с ее антиамериканскими эмоциями на это явно не годится. Китай и Индия, несмотря на их дистанцированность от действий России на Кавказе, США поддерживать не станут.

При Синдзо Абэ с его «наступательной внешнеполитической программой»¹⁹ в МИД Японии была разработана амбициозная концепция «дуги свободы и процветания», грандиозной геополитической конструкции, предполагающей поддержку стран «цветных революций» в их противостоянии с Россией и переориентацию государств с сырьевыми ресурсами на сотрудничество с Западом. Особое внимание, в частности, уделялось отношениям с Грузией. «Грузия — важная страна, способная стать моделью Дуги свободы и процветания», подчеркивалось в разъяснениях сути этой концепции²⁰.

При Абэ был создан механизм прямого диалога с НАТО на высшем уровне на той же идеологической основе — солидарность «демократий» против «несвободных» стран. Выступая в штаб-квартире НАТО, японский премьер говорил: «Я приветствую стремление лидеров НАТО усиливать связи с не входящими в состав организации демократиями, включая Японию. Япония и НАТО — партнеры... Через прием новых членов и развитие партнерства НАТО расширяет сферу свободы»²¹.

С приходом к власти кабинета Фукуды ситуация изменилась. В подписанном по итогам визита генерального секретаря НАТО в Японию в декабре 2007 г. совместном коммюнике идеологической риторики не было. В нем говорилось об «общих ценностях», но начисто отсутствовало слово «демократия»²². А в августе 2008 г., заняв солидарную с другими членами «Большой восьмерки» позицию в отношении действий России против Грузии, Япония в своих собственных оценках избегала односторонней критики или осуждения России, призывая обе стороны к «сдержанности», а Россию — «отнестись с ответственностью» к своим действиям, считая необходимым «мирное решение проблемы на основе принципов территориальной целостности»²³.

Стратегия администрации Обамы, направленная на «новый диалог» с Москвой, делает для Японии неактуальным вопрос о содействии США в их политике сдерживания России. Но на горизонте маячила новая проблема — угроза ускоренного сближения США с Китаем, при котором Япония может оказаться на вторых ролях. Америко-китайские отношения в ближайшие годы станут центральными и решающими для мира и стабильности и решения острых проблем на основе диалога²⁴.

Именно поэтому для Японии, бесспорно, наиболее важной задачей является выстраивание отношений с КНР. Если США — это прошлое и настоящее японской внешней политики, то Китай — это ее будущее. Действием противоречивых факторов (привлекательность и боязнь) можно объяснить

колебания японского курса в отношении Пекина в последние годы. Уже Фукуде, как представляется, удалось найти правильный баланс. Он отказался от политики своих предшественников «сдерживания» КНР, от символических действий, раздражавших Пекин, в ответ Китай пошел на компромисс по нефтяным разработкам в районе оспариваемых им островов Сэнкаку и, главное, признал Японию равноценным партнером. В совместном заявлении по итогам визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Японию от 7 мая 2008 г. говорилось: «Стороны едины в понимании того, что японо-китайские отношения являются одними из наиболее важных двусторонних отношений для обеих стран»²⁵.

Стремление зафиксировать равенство отношений — это не «идея фикс» японской дипломатии. Мотивы очевидны. На мировой арене по степени своего влияния и авторитета Китай намного превосходит Японию. КНР — ядерная держава, постоянный член Совета Безопасности ООН с правом вето. В торгово-экономической сфере связи Китая с главным союзником и патроном Японии — США растут лавинообразно. В 2007 г. объем американо-китайской торговли достиг 387 млрд. долл., а за семь месяцев 2008 г. — 227 млрд. долл., тогда как объем торговли Японии с США составил соответственно 208 и 125 млрд. долл., т.е. оказался почти в два раза меньше²⁶. Из 1,5 трлн. долл. валютных запасов Китая почти 400 млрд. долл. приходится на казначейские векселя США²⁷. Вашингтон давно уже не скрывает, что его главным партнером-соперником на глобальном уровне является Китай, а Япония все меньше хочет быть картой в этом глобальном противостоянии и пытается зафиксировать свое положение одного из ключевых игроков на международной арене.

Для этого Токио стремится получить место постоянного члена Совета Безопасности, пусть даже без права вето. Но стремление это далеко от реализации, и не в последнюю очередь из-за противодействия Китая. В совместном заявлении по итогам визита председателя КНР в Токио в мае 2008 г. Пекин слегка смягчил свою позицию. Впервые, высоко оценив приверженность Японии миролюбивому курсу и ее вклад в поддержание международного мира и стабильности, Пекин выразил надежду, что Япония в ООН будет играть «более важную конструктивную роль». Дальше этого аванса дело не пошло.

В политике кабинета Асо в отношении Китая, продолжающей линию предшествующего правительства, обозначился важный нюанс: сближение с КНР сопровождается попытками найти ей противовес в лице России. Именно поэтому Асо косвенно дает понять, что был бы готов пойти на компромиссное решение спора с Россией по поводу «северных территорий». Да и развитие двусторонних экономических отношений подталкивает Токио к тому, чтобы скорректировать свою традиционную линию в пользу подхода к решению территориального спора с более широких позиций, несмотря на громкие заявления о приверженности старому принципу «четыре острова и никаких компромиссов по количеству».

В своем геополитическом пространстве Япония к концу первого десятилетия XXI в. оказалась в сложной ситуации: ее окружают все более уверенная в себе и враждебная Южная Корея, Северная Корея, отношения с которой почти на нуле, могущественный Китай, способный вольно или невольно подмять всех под себя, Россия, отношения с которой из-за территориального спора не могут раскрыть свой потенциал, страны АСЕАН, все больше тяготеющие к Китаю, и США, теряющие в условиях мирового экономического кризиса экономическое влияние с отсутствием ясной политической перспективы.

Примечания

- ¹ Данные японского Совета по производительности труда в сфере услуг (www.service-js.jp/cms/news_attach/20070726_7.pdf#search).
- ² См.: Нихон кэйдзай симбун. 08.02.2008.
- ³ Об этом, в частности, говорил автору этих строк Юкио Хатояма, один из создателей Демократической партии, ее нынешний председатель, активный сторонник привлечения Одавы в ДП.
- ⁴ См.: www.dpj.or.jp
- ⁵ *H. Lee*. Seats Reserved: Political Upheaval in Japan. — Harvard International Review. 2004, vol. 26, issue 1, p. 8.
- ⁶ Опрос Канцелярии кабинета министров (см.: www8.cao.go.jp/survey/h20/h20-life/images/z01.gif).
- ⁷ Майнити симбун. 14.09.2008.
- ⁸ Нихон кэйдзай симбун. 17.01.2008.
- ⁹ Нихон кэйдзай симбун. 01.05.2009.
- ¹⁰ The Japan Times. 01.05.2009.
- ¹¹ Майнити симбун. 02.03.2005.
- ¹² The Japan Times. 25.10.2005.
- ¹³ Нихон кэйдзай симбун. 06.01.2008.
- ¹⁴ Цусё хакусё (Белая книга по внешней торговле). Токио, 2008.
- ¹⁵ Нихон кэйдзай симбун. 25.04.2009, веч. вып.
- ¹⁶ В «Голубой книге» МИД Японии («Вага гайко-но кинкё») за 2008 г. говорилось: «Решать все задачи в Восточной Азии, опираясь на японо-американский союз» (www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2008/html/h2/h2_09.html#01).
- ¹⁷ Полный текст проекта новой Конституции см.: www.toonippo.co.jp/news_kyo/news/20051028010027491.asp
- ¹⁸ См. интервью В.В. Путина немецкой телекомпании ARD 28 августа 2008 г.
- ¹⁹ *B. Glosserman*. Mr. Abe's Aggressive Agenda. — Pacific Net. 22.01.2007.
- ²⁰ См. выступление министра иностранных дел Таро Асо 12 марта 2007 г. (www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/19/easo_0312.html).
- ²¹ www.mofa.go.jp
- ²² Joint Press Statement by the Prime Minister of Japan and the Secretary General of NATO, 13 December 2007, Tokyo (www.mofa.go.jp/region/europe/nato/joint0712.html).
- ²³ www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/h20/9/1183213_915.html
- ²⁴ The Japan Times. 03.01.2009.
- ²⁵ www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/visit/0805
- ²⁶ www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html#2008
- ²⁷ Let Sober Realism Guide U.S.-China Relations in 2008. — Pacific Net. 12.01.2008.

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: «ОБРАЗЫ» И «РЕПРЕЗЕНТАЦИИ»

Ю.Д. Михайлова, В.Э. Молодяков

Михайлова Юлия Дмитриевна родилась в 1948 г. В 1972 г. окончила Восточный факультет Ленинградского государственного университета по специальности история Японии. Двадцать лет проработала в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (ныне ИВ РАН), занималась изучением общественной мысли Японии. В 1992 г. была приглашенным профессором в Лейденском и Тюбингенском университетах. В 1993–1996 гг. преподавала историю Японии в университете Гриффис в Австралии. С 1996 г. является профессором факультета международных отношений Муниципального университета г. Хиросима, Япония. В последнее время занимается исследованием русско-японских отношений, взаимных образов двух стран и их визуальной культуры. Опубликованы монографии «Мотоори Норинага: жизнь и творчество» (1988 г.), «Общественно-политическая мысль Японии, 60–80-е годы XIX в.» (1991 г.), большое количество статей на русском, английском и японском языках. Является соредактором, автором и соавтором статей сборника «Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images» (2008 г.).

Молодяков Василий Элинархович родился в 1968 г. Окончил историко-филологический факультет ИСАА при МГУ. С 1995 г. живет и работает в Токио. Доктор политических наук (МГУ), доктор философии (Токийский университет), кандидат исторических наук (МГУ). Приглашенный профессор Института японской культуры университета Такусёку. Автор 20 книг, из которых больше половины о Японии, и свыше 400 статей, рецензий и архивных публикаций, напечатанных в России, Японии, США, Голландии и Казахстане. Член многих научных обществ России и Японии. Основная сфера научных интересов: геополитика, международные отношения первой половины XX в., консервативно-революционные и праворадикальные доктрины и политические движения всего мира.

Мир через «образ»

Слово «образ» памятно нам со времен школьных сочинений на тему «Образ Наташи Ростовской в романе Толстого „Война и мир“». Тогда о его втором значении — «икона», визуальная репрезентация, претендующая на близость к оригиналу, но неизбежно отличающаяся от него, — мало кто вспоминал. Недавно в наш лексикон вошли слово «имидж» — синоним «образа», но с акцентированием внимания на его заданности, «рукотворности», сконструированности, а вслед за ним понятия «имиджмейкинг» («создание образов») и «имиджбрейкинг» («разрушение образов»), которыми занимаются средства массовой информации и пиарщики. Интерес к проблеме образов велик. Самое простое объяснение этому состоит в том, что с приходом в нашу жизнь Интернета мы все более становимся зависимыми от виртуальной реальности,

где образы заменяют действительность, и все больше начинаем мыслить образами.

Разумеется, этот процесс не мог не затронуть российское японоведение, в первую очередь специалистов, занимающихся историей двусторонних отношений и, более специально, историей диалога и взаимного восприятия наших стран на различных уровнях. Необходимость таких исследований очевидна: русские и японцы до сих пор недостаточно понимают друг друга как на государственном, институциональном, так и на частном, индивидуальном уровне. Преодолеть сложившееся «взаимонепонимание» сложно и даже, по мнению многих, невозможно. Авторы настоящей работы придерживаются иной точки зрения: они считают, что это не только можно, но и должно сделать. Но для начала надо попытаться разобраться, как наши страны дошли до такой жизни, что отношения между ними считаются — особенно в Японии — стабильно плохими и что такое состояние воспринимается как нормальное.

Независимо друг от друга авторы этих строк занимались изучением образа Японии в России и образа России в Японии и решили совместно подвести некоторые итоги сделанному, попытавшись взглянуть на этот комплекс проблем под разными углами зрения. С небольшой разницей во времени появились наши обобщающие работы по данной теме: книга Василия Молодякова и Александра Куланова «Россия и Япония: имиджевые войны» (М.: АСТ-Астрель, 2007) и сборник статей «Япония и Россия: три столетия взаимных образов» под редакцией Юлии Михайловой и Уильяма Стила (Russia and Japan: Three Centuries of Mutual Images. Folkestone: Global Oriental, 2008)¹. Две книги практически на одну и ту же тему, но с разным предметом и методом исследования и, соответственно, с разными результатами. Это говорит об актуальности темы образов в научной проблематике вообще и применительно к русско-японским отношениям в частности.

Подробно говорить о роли образов/имиджей (далее мы будем употреблять эти термины как взаимозаменяемые, если не оговорено иное) в культурологии и в международных отношениях едва ли необходимо. Следует оговорить другое: мы понимаем под этим словом не одно явление, а целый их комплекс. Во-первых, это искусственно моделируемый — прежде всего элитой и подконтрольными ей средствами массовой информации — образ своей страны для внешнего потребления и образ чужой страны для внутреннего потребления: например образ Японии, создаваемый в России усилиями Японского фонда, и образ России, создаваемый в Японии газетой «Ёмиури» (мы выбрали японские примеры, поскольку у Японии, в отличие от современной России, есть четкая политика в области имиджмейкинга). Во-вторых, это образ, формирующийся в головах потребителей (читателей, зрителей, пользователей Интернета) под воздействием полученной или заложенной в сознание информации: восприятие Японии россиянами, посещающими мероприятия Японского фонда или читающими выпущенную при его поддержке литературу, и восприятие России японскими читателями «Ёмиури».

Следовательно, перед нами как минимум четыре отличных друг от друга образа, но и это еще не все. Имиджмейкингом занимаются не только государственные структуры, но и общественные организации и частные лица: ученые, писатели, журналисты, художники, музыканты, даже просто туристы, рассказывающие знакомым и незнакомым (в первую очередь через интернет-форумы) о своих впечатлениях. Формируемый ими образ может весьма отличаться от моделируемого на государственном уровне: боевые искусства, пропаганды которых японские официальные лица продолжают принципиально сторониться, содействовали позитивному образу Японии в России не меньше, чем официальные фестивали японского кино, а антироссийская пропаганда

японских ультраправых заметно отличается даже от общего недружелюбного тона ведущих газет. Русский *отаку*², особенно из провинции, с ограниченным доступом к профессиональной информации о Японии, видит эту страну иначе, чем столичный японофил, имеющий не только такой доступ, но и, возможно, знакомых японцев. Обычный японский студент представляет себе Россию несколько по-иному, чем токийский любитель «Большого балета» или завсегдатай «Русского клуба» — места общения наших соотечественников и их японских друзей.

У читателя может возникнуть резонный вопрос: как эти «образы» и «имиджи» соотносятся с реальностью? Для ответа на него следовало бы написать еще одну, и даже не одну, книгу, но мы ограничимся общим замечанием: образы порождены реальностью, но не совпадают с ней и далеко не всегда соответствуют ей. Многие русские, действительно, пьют водку, но это не значит, что: 1) все русские пьют водку; 2) русские пьют водку с утра до вечера; 3) русские пьют только водку. Между тем большинство японцев, на уровне массового сознания, уверено именно в таком положении дел. Совершенно аналогичную картину являют собой представления россиян, опять-таки на уровне массового сознания, о занятиях современных японцев икэбаной или чайной церемонией.

Два упомянутых исследования объединяет общая постановка темы, но в подходе к ее изучению и интерпретации есть существенные различия. Молодяков и Куланов сосредоточили основное внимание на имиджемейкинге — сознательной деятельности по формированию того или иного образа страны. В центре внимания этих авторов — политическая и интеллектуальная элита обеих стран, средства массовой информации, общественные организации, журналисты, пропагандисты, спортсмены и разведчики. Авторы книги — историк и журналист. Они привыкли иметь дело с методами и результатами «большой политики», даже если эта политика делается руками сугубо частных лиц. Российский пример (один из многих) — две книги о Японии Бориса Пильняка, популярного прозаика 1920—1930-х годов, пользовавшегося в то время мировой известностью, о его приездах в Японию в 1926 и 1932 гг. В первой книге — «Корни японского солнца» он был относительно свободен в своих высказываниях, в своих рассказах о Японии для советской аудитории, хотя и знал, о чем нельзя говорить. Конечно, в печати ему досталось от марксистских ортодоксов за невнимание к бедственному положению японского пролетариата и его героической борьбе за свои права, но без каких-либо пугающих «оргвыводов». Во второй книге — «Камни и корни», написанной в совершенной иной политической ситуации, Пильняк был жестко ограничен тем, о чем можно и о чем нужно было рассказывать, — и страницами приводил статистические данные о положении безземельных крестьян и количестве забастовок. Формально оставаясь частным лицом, он стал солдатом «имиджевой войны» — и перестал быть художником, но все равно пал жертвой репрессий, не в последнюю очередь за свое увлечение Японией. А пишущие о России современные японские журналисты и политологи, вне зависимости от избранной ими конкретной темы, все как один непременно заявляют, что «Карфаген должен быть разрушен». То есть про «северные территории»...

Авторы второй из упомянутых в начале статьи книг, исследователи и педагоги, работающие в японских университетах, делают акцент на визуальных образах. В наш век, отягощенный информацией, люди стремятся к упрощению процесса познания, поэтому словесное часто вытесняется зрительным. В принципе истина стара: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Кажется, что изображение фиксирует «то, что есть и как оно есть», но эта правдоподобность порою бывает обманчива. Хотя визуальные материалы наряду

со словесными и могут выступать в качестве хранителей и носителей исторической информации, к ним нужно относиться с большой осторожностью. Любое изображение, даже рисунок, сделанный с натуры с этнографической целью, или фотография, является не самой действительностью, а лишь ее репрезентацией. Действительность подается в ней в усеченном виде, зато идеи, представления, ценностные ориентации и воображение создателей проявляются в полной мере. Другими словами, зрительные образы ведут нас к познанию умозрительных. Все сказанное относится и к визуальным образам Японии в России и России в Японии. Поданные визуальными образами обладают исключительно большой силой воздействия, поскольку они апеллируют не столько к сознанию, сколько к эмоциям, а многократное повторение одних и тех же визуальных знаков-клише легко приводит к появлению и укоренению стереотипов, в нашем случае — устойчивых представлений о России и Японии.

«Сам» — «другой»

На каком принципе основывается появление образов, в том числе визуальных? Человек строит образ «другого» путем сопоставления его с самим собой, и конструирование образа другой страны всегда отталкивается от представлений о своей. То, как одна культура наблюдает другую культуру, может сказать нам гораздо больше о ней самой, чем о другой. Так, японцы периода Эдо (1603—1868), проживавшие в стране, относительно отгороженной от мира и слабо оснащенной в военном отношении, остро ощущали свою незащищенность, и особенно остро при попытках России нарушить изоляцию восточного соседа. Именно поэтому Россия стала восприниматься в Японии как угроза, что только облегчало задачи «третьей силы», например голландцев, которые настраивали японцев против русских.

Однако в период Эдо наряду с образом «русской угрозы» существовало и восприятие России как части западной цивилизации. Этому способствовали рассказы японцев, попавших в Россию в результате кораблекрушений, но сумевших вернуться на родину. Интересно, что изображения таких японцев в европейской одежде или выставки вещей, привезенных ими из России, были широко распространены. Русские на рисунках выглядели как обыкновенные люди, мало отличные от самих японцев. А вот адмирала Перри рисовали как черта с большим носом и грозно сверкающими глазами.

Отрицательный стереотип России сложился более четко и определенно с появлением японского национального государства в период Мэйдзи (1868—1912). В это время Япония считала своей главной задачей достижение «цивилизации и просвещения», для чего, казалось, западные государства предоставляли более подходящий пример, чем относительно отсталая Россия. К тому же в виду военного соперничества России и Японии на Дальнем Востоке образ военной угрозы стал превращаться в реальность.

Эти две грани образа России устойчиво сохраняются до сих пор. Логично предположить, что восприятие России как военной угрозы в послевоенной Японии может говорить о наличии комплекса незащищенности и у современных японцев, хотя конкретные исторические обстоятельства, сформировавшие его, были другими по сравнению с периодом Эдо. Важнее другое: Советский Союз (да и новая Россия) мало что мог предложить полезного прагматикам-японцам, кроме столь необходимого сырья и... возможной поддержки на пути к вождельному месту постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Исследователи образа Японии в России часто говорят о «японском мифе». Насколько это оправданно? Как и почему возник этот миф? Существует ли он сейчас? Под этим термином обычно понимают тот образ Японии, который сложился в сознании русских и существенную часть которого составляет экзотизация Японии. С максимальной четкостью и определенностью он оформился сто лет назад, в годы Русско-японской войны и сразу после нее: «страна гейш и самураев». Их изображения пестрели на рекламах и книжных иллюстрациях. Если же быть еще точнее, страна *исключительно* «гейш» и «самураев», третьего нет. Поэтому известный японский русист профессор Нумано Мицуюэси назвал свою лекцию в Москве «Не только гейши и самураи».

Конкретное наполнение мифа менялось с течением времени, по мере изменения ситуации и в Японии, и в России. Японские телевизоры и «видики» были одним из важнейших его компонентов в советское время, когда в отечественных магазинах — кроме комиссионных — ничего подобного не было, а сегодня наши соотечественники, по крайней мере горожане, могут купить их по месту жительства. Затем место «техники» заняли кимоно (праздничные и для занятий боевыми искусствами), фарфор, лаковые изделия, гравюры, словом, атрибутика традиционной Японии, всплеск интереса к которой начался в конце перестройки и продолжался все девяностые годы. Сейчас до масштабов мифа разрастается обожание японской поп-культуры, на сей раз поддерживаемое японским правительством в качестве одного из главных направлений культурной дипломатии страны.

Однако устойчивая тенденция к экзотизации Японии в России является следствием не столько целенаправленных усилий Японии, сколько потребностью россиян в противопоставлении российской действительности образа некоего идеального общества. Наиболее ярко это выражено среди отечественных любителей *анимэ* и *манга*. Распад Советского Союза привел к социальной дезориентации многих групп российской молодежи. Чувствуя себя дискомфортно в новой действительности, пронизанной погоней за прибылью и связанными с этим преступлениями и насилием, они нашли спасительную для себя нишу в фантастическом мире японских *анимэ* и *манга*. Показательно, что их путь к японской поп-культуре шел не через предшествующий интерес к Японии. Будущие *отаку* узнали о ней из общего потока информации, поступающей через Интернет, активными потребителями которого они являлись. Теперь большинство из них, как правило, интересуется Японией, но это, скорее, вымышленная и экзотичная Япония, существующая в их воображении. Популярность *манга* и *анимэ* мало способствует знакомству с реальностями страны, и получается, что экзотизация — тупиковый путь познания.

Наоборот, меняющиеся реалии самой российской жизни наполняют старые образы новым содержанием. Например, образ «самурая», который в былые времена под воздействием официальной пропаганды вызывал отрицательные эмоции (коварство, жесткость, презрение к слабым и «чужим»), сейчас ассоциируется скорее с чувством долга и высокими моральными обязательствами, свойственными военному сословию Японии. В них видится антитеза дикому российскому капитализму, который в сознании многих связан с мафией и преступлениями. Вместе с тем, как показали опросы общественного мнения, проведенные в Петербурге и Владивостоке в 2004—2005 гг., когда в России стали наблюдаться изменения жизни в лучшую сторону, восторженное отношение к Японии пошло на убыль. Теперь она воспринимается более прагматично — в плане экономической выгоды или технико-экономических удобств, которые сулит России развитие связей с Японией.

Многогранность образов

С одной стороны, образ может быть обобщением, функционирующим на уровне национального самосознания. С другой стороны, любое общество неоднородно и состоит из разных социальных, культурных, возрастных и прочих групп, что предполагает многообразие образов другой страны. Классическим примером в русско-японских отношениях является восприятие Советского Союза довоенными и послевоенными японскими «левыми» в качестве «учителя» и «друга» и, наоборот, использование правящими кругами Японии образа Советского Союза в качестве «врага». В чем-то аналогичную функцию выполняло «обращение» советской интеллигенции к теме Японии: таким образом она противопоставляла свои творческие устремления официальной идеологии.

Мало того, что образ другой страны может быть разным у разных общественных групп, одни и те же люди могут иметь несколько образов Японии или России. Так, например, считается, что суровое обращение с японскими военнопленными и сам факт их длительного пребывания и принудительного привлечения к труду в советских лагерях (что противоречило международным конвенциям об обращении с военнопленными) является фактором, питавшим негативное восприятие Советского Союза в послевоенной Японии. В действительности картина более сложная. Немалое число бывших военнопленных поддались воздействию пропаганды и по возвращении на родину стали членами Коммунистической партии Японии. Другие, вовсе не разделяя коммунистическую идеологию, на индивидуальном уровне испытывали симпатию к Советскому Союзу, особенно к его людям, таким же жертвам тоталитарной системы, как и они сами. Однако, вынужденные приспособляться к установкам официальной идеологии времен «холодной войны» и стремясь пробудить у соотечественников сострадание к себе и к своим погибшим товарищам, они акцентировали внимание на самых мрачных сторонах своего «советского» опыта, преимущественно через картины и музейные экспозиции, т.е. визуальные средства, обладающие большой силой воздействия на человека. Созданный таким путем образ зажил самостоятельной жизнью в восприятии зрителей, тогда как сами бывшие военнопленные с течением времени испытывали все большую ностальгию по своей молодости, а заодно и по России.

СМИ и «образы»

Самосознание является как бы основой, на которой закладывается образ, но отнюдь не единственным фактором, формирующим его. В централизованном конструировании, репрезентации и распространении образа исключительная роль принадлежит СМИ и другим PR-структурам.

Политика имиджмейкинга японских официальных кругов уходит своими корнями во времена Русско-японской войны. Именно тогда началась — главным образом через иностранных журналистов и наиболее «интернационализовавшихся» японцев вроде Нитобэ Инадзо, автора знаменитой книги «Бусидо» — сознательная и весьма эффективная манипуляция мировым общественным мнением. Из войны Япония вышла «мужественной» и «благородной», возвысившейся над «варварской» Россией, и, хотя в мире этот образ Японии долго не продержался, традиции конструирования остались.

Японские официальные лица озабочены формированием позитивного образа своей страны за рубежом, в том числе и в России, хотя наша страна не относится к числу внешнеполитических приоритетов Токио. Российские офи-

циальные лица, похоже, озабочены этим много меньше или по крайней мере предпринимают для этого несравненно меньше усилий, чем их японские коллеги. Государственная политика Японии в области внешнего имиджмейкинга (создания образа Японии за ее пределами) далеко не безупречна и могла бы быть гораздо более разнообразной, особенно на русском направлении. Однако, имея четкое представление о том, какой образ Японии они хотят внедрить в сознание россиян, японские имиджмейкеры, похоже, не задаются вопросом, какая Япония интересна россиянам, т.е. будет воспринята потенциальной аудиторией с наибольшей готовностью и симпатией. Без учета этого фактора успешный имиджмейкинг невозможен даже с учетом несомненного и многоаспектного интереса россиян к Японии.

С образом России в Японии проблема другая: приходится признать, что наша страна современным японцам просто не интересна. Работающие в Японии русские преподаватели ломают голову над тем, что же такого привлекательного в России предложить японским студентам, чтобы они к ней потянулись. Франция, Германия, Испания, не говоря уже об Америке или Англии, привлекают молодых японцев — самую активную и жадную до нового часть общества, — а Россия не привлекает. Во многих случаях это диктуется практическими соображениями: английский, китайский, корейский языки нужны в работе. От французского или испанского языка практической пользы почти никакой, но позитивный образ этих стран как «красивых», «приятных», «интересных» и даже «вкусных» побуждает студентов изучать эти языки «просто так».

«Негатива» в восприятии японцами России накопилось очень много, и он продолжает накапливаться, причем это нельзя свалить исключительно на злую волю другой стороны. В годы «холодной войны» все было понятно — наши страны находились в противоположных лагерях. Сейчас Россия — член «Большой восьмерки» и вроде бы вполне интегрировалась в «западный мир», но из японских СМИ это явно не следует. Действительно любимые японцами романы Достоевского и русский балет существуют отдельно от политических реалий современности, а образ России в массовом сознании японцев определяется именно последними. Японские СМИ не пропустят ни одного сообщения об убийстве известного лица в России, трактуя его, в зависимости от обстоятельств места и времени как «беспредел» или как «террор», ни одного действия или заявления российских официальных лиц, вызвавшего хоть сколько-нибудь негативную реакцию в США, и, конечно, не упустят случая раздуть национальную сенсацию из ареста японского рыбака в российских территориальных водах или основанного на слухах «шпионского скандала». Из всего этого делается «политическое событие», которое хорошо продается. Информация о русских культурных событиях просачивается сюда по крохам. Мнение русских ученых-японоведов японцев не интересует, хотя русская аудитория всегда рада послушать японских русистов — и поспорить с ними. По неволе остается радоваться, что российские лидеры не знают японского языка, не читают японских газет и не смотрят японское телевидение, рассказы и тон которых могут окончательно отбить охоту к диалогу со страной, практикующей подобный имиджмейкинг в отношении, своего соседа.

Мы далеки от утверждения, что эта пропаганда сознательно направляется официальным Токио. В отрицательном образе нашей страны скорее сказывается многолетняя инерция принципа «что может быть хорошего из России!», подкрепленная вечным вопросом «северных территорий», который уже у многих японцев вызывает ироническую улыбку. Японские СМИ, зависящие от правящей элиты много меньше, чем российские, продают то, что продается. В Японии лучше «продается» отрицательный образ России, если «бренд Рос-

сия» продается вообще, и никакие указания сверху «любить Россию» — если на минуту представить себе такую возможность — здесь не помогут. В России «бренд Япония» до сих пор хорошо продается, хотя «японский бум» уже миновал, но пока еще лучше продается именно позитив. Что может сделать Россия для изменения создавшегося положения? Как нам переломить негативные представления японцев о нас? Или лучше полное равнодушие? Или *мы сами* видим в нашей стране слишком мало хорошего?

Известны примеры, когда сотрудничество между странами казалось возможным. Так, в 1960–1970-е годы кинематографисты Японии и Советского Союза предприняли попытку сконструировать модель такого сотрудничества в ряде фильмов совместного производства, используя нарративы и образы, приемлемые для зрителей каждой из стран. Согласно одной из стратегий репрезентации, посредниками в отношениях мыслились дети, в силу своего возраста не несущие ответственности за прошлую вражду. В другой стратегии образ партнерства был символически представлен в виде романтической любви. В обоих случаях партнерство ограничивалось сферой искусства, а герои по своему статусу находились как бы на периферии общества. Однако даже такой ограниченный вариант сближения в фильмах трактовался как обреченный на неудачу, «музыкальная гармония» не реализовалась, уступив место соперничеству. Интерес к российскому искусству существует в Японии и поныне, но только среди довольно узкого круга любителей и не превращается в силу, способную оказать «массовое воздействие».

Другой исторический пример сближения, на сей раз на дипломатическом и политическом уровне, относится к периоду 1906–1916 гг., когда, несмотря на свежую память о войне, между Японией и Россией были подписаны четыре политических соглашения, возводившие отношения между странами до уровня военно-политического союза. Этот пример показывает, что изменения в лучшую сторону возможны, и именно на его изучение сейчас направлено внимание тех ученых, которые искренне стремятся к улучшению не только образов, но и реальности.

По нашему мнению, в первую очередь должна измениться сама российская реальность — как на государственном, так и на частном уровне. Образ не возникает на пустом месте: достаточно сравнить первые впечатления обычных туристов от аэропортов Нарита и Шереметьево-2... Или вспомнить поведение многих русских моряков на Хоккайдо, которое не спишешь ни на инерцию «холодной войны», ни на козни японских русофобов. Следует вспомнить и саморазоблачительные, точнее, самобичевательные настроения и заявления многих россиян, в том числе именитых, горбачевского и ельцинского времени, которые клеймили собственную страну — и находили заинтересованных собеседников в лице японских «советологов» и журналистов, охотно слушавших подтверждения собственных представлений (образов, стереотипов) «из первых уст». Сейчас ситуация понемногу меняется, но этого еще недостаточно. Прежде всего потому, что представления японцев, включая специалистов-страноведов, о стремительно меняющихся российских реалиях и особенно о причинах и факторах их изменения ощутимо запаздывают. Все девяностые годы они жили имиджем «перестройки» и никак не могли понять, почему на президентских выборах 1996 г. их любимый «Горби» собрал меньше одного процента голосов. С конца 1990-х и примерно до 2007 г. в сознании доминировал образ «русской мафии», составленный из голливудских киноподелок и «журналистских расследований» бульварной прессы о деятельности некоторых русских на Хоккайдо или в портах Японского моря. Около 2007 г. японские советологи обнаружили «путинский авторитаризм»... и все-таки признали экономический рост России.

Японская реальность, в свою очередь, способна остудить пыл восторженных русских японофилов. Ожидая увидеть в современной Японии оазис традиционной духовности, с одной стороны, или супертехнологичную «цивилизацию будущего» — с другой, они нередко бывают жестоко разочарованы. Во многом выгодно отличающаяся от российской, японская реальность тут не виновата: эти люди приехали в страну с готовым образом Японии, точнее, с «японским мифом» в сознании, а мифы редко выдерживают столкновение с действительностью. Однако этот вариант «японского мифа» является косвенным продуктом японского государственного имиджмейкинга, положившего много сил на пропаганду достижений японской науки и техники, «секретов японского менеджмента» в сочетании с экзотическими теориями «мозга японцев», в котором, в отличие от мозга европейцев, якобы в равной степени задействованы оба полушария. Предписанная этикетом показная скромность, которой отличается в быту большинство японцев, соседствует у них с законной гордостью за свою страну. Но эта гордость порой переходит в бахвальство и стремление самоутвердиться за счет собеседника — если это, конечно, не американец и не китаец, а русский. Особенно если это русский.

Кое-кто из молодых японцев начинает задумываться о том, что Россия становится им нужной — прежде всего экономически. Это автоматически не делает ее привлекательной, однако хотя бы выводит из зоны немотивированной, но устойчивой неприязни. Хорошо бы иметь в Токио столько же русских ресторанов, сколько, скажем, французских и испанских, не говоря уже об итальянских и китайских. Хорошо бы, если бы на каждом литре проданного бензина стояла маркировка «сделано из российской нефти». Тогда японские СМИ, возможно, начали бы моделировать иной образ нашей страны. Но для этого необходима стратегически продуманная, выработанная с помощью профессиональных японоведов и четко проведенная в жизнь, без «кампанейщины» и «распила» выделенных средств, политика государственного имиджмейкинга России в Японии, равно как и во всех других странах.

Остается еще проблема разницы менталитетов и мировосприятия. Даже самый умелый и продуманный имиджмейкинг не изменит коренных особенностей сознания иностранного потребителя, но это не значит, что он не нужен или бесполезен. Стереотипы правят умами. Единственный путь избавиться от этого — исправить реальность, а уж потом мягко моделировать ее в сознании других. В качестве же подготовительного шага следует расчистить накопившиеся в сознании завалы и показать, что все не так плохо — и в прошлом, и в настоящем, например в истории русско-японских отношений. Они не всегда были так плохи, как кажется большинству японцев и многим россиянам. Когда они плохи, это не только ненормально, но и невыгодно обеим странам. Партнерство выгоднее вражды — осознав это на уровне массового сознания, русским и японцам скорее удастся исправить негативные реалии, мешающие нормальным двусторонним отношениям.

Примечания

¹ Авторами статей, помимо указанных редакторов, являются Митико Икута, Ротем Ковнер, Елена Дьяконова, Сергей Кузнецов, Ирина Мельникова, Сергей Толстогузов, Кэндзи Иноуэ, Цунэо Акаха, Анна Васильева, Евгений Торчинов, Леонид Сморгунов.

² В узком смысле слова так называются любители *манга* и *анимэ* в Японии. В более широком смысле к *отаку* относятся приверженцы любой субкультуры, поглощенные ею настолько, что это приводит к их отторжению от общества.

АДМИРАЛ Х. ТОГО — ВРАГ БЕЗ НЕНАВИСТИ

Г.Б. Брылевский

Брылевский Георгий Борисович родился в 1967 г. Окончил историко-филологический факультет ИСАА при МГУ. Много лет проработал в МИД России на японском направлении — в центральном аппарате, посольстве в Токио, генеральном консульстве в Ниигате. В настоящее время живет и работает в Токио. Главная сфера научных интересов — геополитика, история военного искусства, военная история России и Японии.

Адмирал Хэйхатиро Того принадлежит к числу тех немногих персонажей японской истории, имена которых известны как в самой Японии (с ее современной молодежью, не очень обремененной знанием прошлого своей страны), так и за ее пределами. Разумеется, нынешнюю славу адмирала в Японии совершенно не сравнить с той, которая была у него до Второй мировой войны, когда он был национальным героем и кумиром Страны восходящего солнца. Конечно, за пределами Японии адмирала знает только небольшое количество людей, интересующихся историей флота. Тем не менее он продолжает оставаться одним из самых известных японцев. Так каким же был этот человек, этапы жизни которого столь тесно были связаны с этапами становления новой, постфеодальной Японии?

Будущий знаменитый флотоводец родился в г. Кагосима, столице клана Сацума, на острове Кюсю, в семье небогатого самурая 27 января 1848 г. (встречающаяся в некоторых источниках датировка 1847 г. ошибочна, поскольку опирается на использовавшийся в Японии в то время лунный календарь). Клан Сацума имел славную историю, считаясь одним из самых воинственных в феодальной Японии, и молодые самураи клана воспитывались на традициях, заложенных воинами Сацума на полях сражений великих войн прошлого. Клан Сацума также отличался еще и тем, что не был чужд морскому делу — в середине XIX в. у него был свой небольшой флот из нескольких кораблей. Неплохое (по меркам Японии того времени) знание сацумцами морского дела позже способствовало тому, что выходцы из этого клана стали играть ключевую роль в становлении и развитии Императорского военно-морского флота Японии.

Хэйхатиро рос смышленным ребенком. Рассказывают, что как-то раз он попросил у матери сладостей. Мать, не желая баловать ребенка, сказала, что их у нее нет. Не удовлетворившись таким ответом, будущий адмирал провел разведку, обнаружил искомое и съел. Когда же мать начала ему выговаривать за пропавшие сладости, юный Того задал логичный вопрос: как он мог съесть то, чего, как ему было сказано, нет?

Взрослая жизнь началась в двенадцать лет, когда Того получил небольшую канцелярскую должность, одновременно осваивая все премудрости, которые положено было знать молодому самураю. Монотонная бумажная работа была

прервана бурными событиями 1862–1863 гг. В сентябре 1862 г. самураи Сацума, возмущенные неуважением, ненароком продемонстрированным группой англичан к процессии главы их клана, напали на непочтительных британцев, убив одного и ранив еще двух. Не получив от Сацума требуемой сатисфакции за это нападение, английское правительство направило в августе 1863 г. в Кагосиму эскадру для демонстрации силы. Противостояние вылилось 15–17 августа в короткие боевые действия и обстрел Кагосимы английскими кораблями. Это было большим потрясением и для клана Сацума, и для юного Того, находившегося на одной из береговых батарей. На будущего флотоводца техническое превосходство английской эскадры произвело неизгладимое впечатление. Японцы также получили наглядное подтверждение одной из аксиом морской стратегии: врага, пришедшего с моря, лучше встречать в море, а не у своих берегов. В Сацума сделали правильные выводы и основали школу для подготовки морских офицеров. Среди первых учеников школы был и Хэйхатио Того.

Но уже подходила другая эпоха, начались события 1867–1868 гг., известные как *Мэйдзи исин*. Клан Сацума был ведущей силой в движении за возвращение императору всей полноты власти и в борьбе против *сёгуната*. Того в качестве офицера маленького флота Сацума принял в событиях активное участие. Участвовал он и в первом морском бою, проведенном японцами на кораблях западной постройки: 28 января 1868 г. «Касуга», флагманский корабль Сацума, недалеко от г. Осака был атакован «Кайё-мару», флагманом флота *сёгуната*. Этот бой, известный в японской историографии как «бой при Аве», позже был несколько мифологизирован. Писали, что три пушечных выстрела сацумцев достигли цели, и при этом один из удачных выстрелов был произведен из пушки, огнем которой руководил Того. Корабль *сёгуната*, якобы выпустив почти сотню ядер, не попал в цель ни разу. Более поздние описания боя указывают на то, что противники обменялись примерно одинаковым количеством выстрелов (около трех десятков) с одинаково незначительным результатом. Несомненно, что столь невысокий уровень подготовки артиллеристов не прошел мимо внимания Того, не забывшего четкие и эффективные действия английских кораблей при обстреле Кагосимы.

Боевые действия между сторонниками императора и *сёгуната*, в том числе операции на море, продолжались до весны 1869 г., и Того как офицер «Касуги» принял в них активное участие. Подробности его службы в этот период неизвестны, но наверняка он заслужил хорошую репутацию, поскольку быстро получил назначение в ряды только что образованного Императорского военно-морского флота. В феврале 1871 г. он в качестве кадета начал службу на корвете «Рюдзё». В это же время Того при помощи проживавшего в Иокогаме англичанина начал изучать английский язык, что ему вскоре очень пригодилось.

Японские моряки тогда только начинали осваивать современные корабли и науку мореходства, имея самые ограниченные познания в морском деле вообще и его военном аспекте в частности. Поэтому при становлении своего флота японцы обратились к опыту «владычицы морей» Англии, обладавшей самым мощным и наиболее подготовленным флотом в мире. Для более детального ознакомления с морской практикой и современной тактикой японское правительство решило направить в Англию группу курсантов. В составе этой группы весной 1871 г. Того отправился в свое первое большое плавание. Жил он в Плимуте, крупном портовом городе. Дни были заполнены учебой в мореходном училище (невоенном) и изучением английского языка. Серьезная учеба, включавшая в себя и торжественные церемонии на борту «Виктори» — флагмана адмирала Нельсона в Трафальгарском сражении, — завершилась в

1875 г. семимесячным кругосветным плаванием на английском учебном корабле. После окончания этого похода, который Того совершил в качестве простого матроса, он стал всесторонне подготовленным, опытным моряком. И как с удовольствием пишут западные историки, обучение в Англии и ознакомление с британскими морскими традициями сделали Того убежденным англофилом.

После похода Того еще некоторое время пробыл в Англии, заканчивая свое образование (курсы в Военно-морской академии в Портсмуте и Военно-морском колледже в Гринвиче). Опытот практической работы стало наблюдение за строительством заказанных Японией кораблей. На борту только что построенного корвета «Хиэй» Того и вернулся на родину весной 1878 г. Страна сильно изменилась за время его отсутствия, большие изменения произошли и в Сацума. Только что было подавлено восстание Такамори Сайго. Два брата Того приняли в восстании деятельное участие, один погиб, другой был тяжело ранен. Сам Хэйхатиро отзывался о Сайго с большим уважением, и велика вероятность того, что если бы он в то время был на родине, то сам бы принял участие в восстании.

Для офицера Императорского военно-морского флота (в июле 1878 г. Того был произведен в лейтенанты) начались служебные будни. За несколько лет Того сменил целый ряд кораблей и должностей, но везде его репутация оставалась неизменной — знающий специалист и отличный офицер, требовательный, но в то же время заботливый к подчиненным. В марте 1883 г. его карьера достигла столь желанной для каждого морского офицера ступени — Того впервые был назначен командиром корабля.

Морские походы следовали один за другим. Напряженная деятельность сказалась на здоровье, приходилось брать отпуск для продолжительного лечения (проблемы со здоровьем сказывались и позже). Вынужденная оторванность от любимого дела заменялась другим полезным времяпровождением — изучением международного права. Поправив здоровье, Того сразу вернулся в строй, занимая различные должности на кораблях и на берегу. В июле 1886 г. он был произведен в капитаны 1-го ранга.

К началу 90-х годов XIX в. начали осложняться отношения между Японией и Китаем. В Пекине со все большим беспокойством следили за успехами своего соседа в деле модернизации и за его все более активной внешней политикой. Для выражения своей обеспокоенности Пекин сделал по-восточному изящный ход. В июле 1891 г. Японию с визитом посетила китайская эскадра, в составе которой были и только что построенные в Европе корабли. В Японии знали, что Китай усиленно укрепляет свой флот, но ознакомление с китайской эскадрой воочию стало неприятным открытием. Внешне все было обставлено очень корректно, и на приемах на борту своего флагмана командующий эскадрой цветистыми фразами расписывал дружеское расположение Китая к своему соседу, но японцы думали о другом: китайские корабли были больше самых крупных кораблей японского флота, значительно превосходя их по огневой мощи. На пути домой китайская эскадра зашла в военно-морскую базу Курэ, начальником штаба которой в то время был Того. Он был, пожалуй, единственным, на кого корабли гостей не произвели особого впечатления. В разговоре со своими офицерами Того, внимательно наблюдавший за визитерами во время их стоянки в Курэ, назвал мощные китайские корабли блестящим, но непрочным мечом. По его мнению, за внушительным фасадом скрывалась неудовлетворительная организация службы на китайских кораблях и скверная выучка их экипажей. На воспитанного в характерном для английского флота духе дисциплины и строгого порядка Того произвело отталкивающее впечатление матросское белье, развешенное для просушки на

орудийных стволах. Корабельный быт конца XIX в. был значительно менее комфортным, чем сейчас, и на флотах всего мира было обычной практикой использовать такелаж для сушки белья. Но вывешивать его на стволы орудий было дурным тоном. Конечно, данная Того отрицательная оценка китайскому флоту основывалась не только на этом факте, и, как показала война несколько лет спустя, он был прав.

До того времени служба Того протекала без драматических событий и резких поворотов. Впервые он проявил себя в феврале 1893 г., будучи командиром крейсера «Нанива», направленного к Гавайским островам. В то время на островах возникла напряженная ситуация: местная королева была низложена иностранцами (преимущественно американскими) поселенцами, объявившими о создании своего правительства. В сложившейся неспокойной обстановке крейсер «Нанива» должен был защищать японских поселенцев. Прибыв в Гонолулу, Того отказался дать приветственный артиллерийский салют новому правительству на том основании, что оно не признано Японией. Тот факт, что находившиеся в бухте американские и английские корабли такой салют дали, не произвел на него никакого впечатления. Того и дальше держался принципиально, отказавшись от официального общения с самопровозглашенным правительством, по мере необходимости поддерживая с ним контакты только через японского консула.

Всему миру имя Того впервые стало известно во время японо-китайской войны 1894–1995 гг., хотя эта известность имела скандальный характер. 25 июля 1894 г., вскоре после начала боевых действий, крейсер «Нанива» под командованием капитана 1-го ранга Того остановил для осмотра грузовое судно «Коушинг» (или «Гаошен», в зависимости от транскрипции). Судно принадлежало английской судоходной компании и шло под английским флагом, но было зафрахтовано китайским правительством и перевозило более тысячи китайских солдат, артиллерию и боеприпасы. Узнав об этом, Того принял решение задержать «Коушинг» и приказал транспорту следовать за ним, однако бывшие на борту «Коушинга» китайские офицеры не позволили капитану-англичанину выполнить это распоряжение. Они надеялись, что командир японского крейсера не захочет связываться с судном под английским флагом. Однако Того был настроен решительно. Увидев, что на транспорте не намерены выполнять его распоряжения, он приказал открыть огонь. «Коушинг» был быстро потоплен, часть английского экипажа подобрана шлюпками с «Нанивы», большинство китайцев расстреляно в воде.

Когда в Токио узнали о произошедшем, там началась тихая паника. Конфликт с могущественной Британской империей никак не входил в планы японцев. Паника стала перерастать в ужас, когда англичане официально потребовали от Токио полностью взять на себя ответственность за инцидент, с выплатой соответствующей компенсации. Многие наверняка вспомнили обстрел Кагосимы тридцатилетней давности и готовились к чему-то подобному. Токийские чиновники всех рангов не жалели эпитетов в адрес Того, разговоры были только о том, что «он ведь из Сацума, они все там такие ненормальные». Однако сам Того оставался невозмутим и на все обвинения отвечал, что его действия соответствовали нормам международного права.

К огромному облегчению Токио к такому же выводу понемногу стали приходить и англичане. Того не зря в свободное время штудировал международное законодательство. Как ни привыкли англичане чувствовать себя всегда и во всем правыми, тем не менее даже им стало ясно, что перевозка войск одной из враждующих сторон не могла не вызвать соответствующей реакции другой враждующей стороны и сами англичане в подобной ситуации действо-

вали бы точно так же, как поступил командир «Нанивы». Все претензии к японцам вскоре были сняты.

Теперь о Того заговорили с большим уважением как о человеке, соединяющем решительность воина и ум ученого. В последующих событиях японо-китайской войны Того поддержал свою репутацию воина. Крейсер «Нанива» под его командованием с успехом действовал в генеральном сражении с китайским флотом в Желтом море 17 сентября 1894 г. и при блокаде порта Вэйхайвэй, где укрылись остатки китайского флота. За успешные действия в ходе войны Того в феврале 1895 г. был произведен в контр-адмиралы и возглавил «Летучую эскадру» — лучшее соединение японского флота. В марте 1896 г. он возглавил Морскую академию, заметно улучшив качество подготовки флотских офицеров. Среди материалов, привлекавших внимание Того в то время, была и работа его будущего противника под Порт-Артуром адмирала С.О. Макарова «Рассуждения по вопросам морской тактики». Того внимательно изучил ее и написал свой комментарий. Позже, уже во время Русско-японской войны, перевод этой работы Макарова был всегда в каюте Того на его флагмане «Микаса».

В мае 1898 г. Того был произведен в вице-адмиралы. Летом 1900 г. уже в должности командующего эскадрой он снова был в китайских водах, тогда японские корабли приняли участие в операции мировых держав по подавлению восстания ихэтуаней («боксеров»). Во время совместных действий Того внимательно следил за русскими кораблями. В Японии не забыли вмешательство России в переговоры о мире между Японией и Китаем, о том, что Россия «отобрала» у Японии Порт-Артур. Поэтому Того присматривался к русскому флоту как к будущему противнику. От него не укрылись серьезные недостатки, имевшиеся в русском флоте, и его наблюдения позже позволили японцам хорошо подготовиться к войне.

Русско-японскую войну 1904–1905 гг., принесшую ему всемирную славу и огромный авторитет, Того встретил в должности командующего Объединенным флотом — главной силы Японии на море. Последующие печальные события хорошо известны. Боевые действия начались в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. с внезапной, без объявления войны, атаки японских миноносцев на русские корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура, и нейтрализации русских кораблей в корейском порту Чемульпо (бой «Варяга» и «Корейца»). В результате этих ошеломляющих ударов японский флот быстро захватил господство на море, обеспечив беспрепятственную перевозку на континент своих войск и не позволив русскому флоту прервать коммуникации действовавших в Маньчжурии и под Порт-Артуром армий с метрополией. Первый раунд борьбы был за Того.

Второй раунд был сложнее. Флот Того блокировал в Порт-Артуре русскую 1-ю Тихоокеанскую эскадру, в то время как с суши крепость штурмовала армия генерала М. Ноги. Несколько попыток «запечатать» русские корабли с помощью брандеров, затопленных в узком выходе из Порт-Артура в море, не увенчались успехом. Экипажи брандеров действовали героически, однако русские им не уступали, и фарватер оставался свободным. Новый командующий порт-артурской эскадрой энергичный вице-адмирал С.О. Макаров сумел вдохнуть уверенность в русских моряков, заметно упавших духом после первых неудач. Однако 31 марта (13 апреля) 1904 г. Макаров погиб при подрыве на минах броненосца «Петропавловск», что крайне отрицательно сказалось на боеспособности порт-артурской эскадры, отказавшейся от активных действий.

Положение Порт-Артура медленно, но верно ухудшалось, и русскому командованию стало ясно, что оставаться эскадре в крепости означало ее вер-

ную гибель. Было принято решение прорываться во Владивосток. 28 июля (10 августа) 1904 г. шедшая во Владивосток эскадра была перехвачена в Желтом море флотом Того. Последовал бой, поначалу вполне успешный для русских. Однако гибель командующего эскадрой контр-адмирала В.К. Витгефта, убитого случайным снарядом, дезорганизовала эскадру, и она рассеялась. Основная часть эскадры вернулась в Порт-Артур, несколько кораблей ушли в нейтральные порты, где были интернированы. Укрывшаяся в Порт-Артуре эскадра оказывала посильное содействие обороне крепости, отправляя на позиции личный состав и часть снятой с кораблей артиллерии, но попыток вырвать у японцев господство на море больше не предпринимала.

20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.) Порт-Артур пал. Погибла и эскадра, частично расстрелянная японской осадной артиллерией, частично затопленная своими экипажами. Господство японцев на море стало полным. Того мог теперь дать немного отдохнуть личному составу, отремонтировать корабли и подготовиться к решающей схватке с шедшей с Балтики 2-й Тихоокеанской эскадрой. Русское командование все еще надеялось переломить неблагоприятный ход войны, однако 14–15 (27–28) мая 1905 г. у острова Цусима русские потерпели сокрушительное поражение. 2-я Тихоокеанская эскадра была полностью уничтожена, погибло более 5 тыс. русских моряков. Командующий эскадрой вице-адмирал З.П. Рожественский попал в плен. Потери японцев были незначительны.

В ходе операций под Порт-Артуром у русского флота еще были неплохие шансы переломить ход войны на море, хотя после падения крепости и гибели заблокированных там главных сил 1-й Тихоокеанской эскадры этих шансов оставалось крайне мало. После Цусимы таких шансов не осталось совершенно.

Причины самого тяжелого поражения русского флота за всю его историю и феноменального триумфа Того сложны, о них можно говорить долго. Военно-морской флот является очень сложным организмом, его состояние напрямую зависит от общего политико-экономического состояния страны, а с этим в России в то время были серьезные проблемы. Непосредственно же для победы на море прежде всего нужны хорошие корабли, знающие свое дело и храбрые моряки, настоящие флотоводцы. По своим характеристикам русские корабли в целом несколько уступали японским, но преимущество японцев в технике не имело решающего значения. Преимущество, причем подавляющее, было в «человеческом факторе». Русские моряки в ходе этой войны неоднократно демонстрировали безаветную храбрость и верность долгу, мало в чем уступая противнику. Но вот в уровне боевой подготовки разница была велика. Еще за несколько лет до Русско-японской войны моряки ведущих морских держав, наблюдавшие за действиями японских эскадр, отмечали многочисленные недостатки и упущения в выучке японских экипажей. Однако, во многом благодаря усилиям Того, к началу войны удалось устранить большинство недостатков, многочисленные походы и следовавшие непрерывной чередой боевые учения сделали японский флот сплоченной, отлично подготовленной силой.

Но особенно велика была разница в уровне руководства флотом. Под Порт-Артуром и при Цусиме Того показал себя настоящим флотоводцем. Предельно немногословный (за что получил прозвище «молчаливый адмирал»), точный и собранный, не упускавший из виду ни одной детали, он ясно видел стоявшие перед ним задачи и находил самые оптимальные способы их решения. Всегда невозмутимый, он умел своими скупыми фразами вдохновить подчиненных, внушить им безграничную уверенность в победе. Во всем этом русские адмиралы, безусловно, уступали японскому флотоводцу.

Только один Макаров по своим способностям и авторитету среди подчиненных был фигурой равнозначной Того, что сами японцы охотно признают. Именно поэтому многие историки считают гибель Макарова решающим событием, предопределившим поражение России на море. Несомненно, не все действия Того в ходе войны были полностью верными. На войне без ошибок не бывает. Побеждает тот, кто меньше ошибается. Японцы под командованием Того совершили ошибок намного меньше, чем русские.

После Цусимы боевые действия на море практически завершились, у России почти не осталось на Тихом океане кораблей. Того навелstil плененного З.П. Рожественского, который находился на излечении в госпитале в Сасэбо. Недавние противники обменялись дружественными словами. Русско-японскую войну позже недаром назвали последней рыцарской войной — с какой бы яростью русские и японцы ни сражались, стороны иногда демонстрировали и рыцарское отношение к противнику, неслыханное по меркам ожесточившихся нравов последующих мировых войн. Визит Того к побежденному противнику с целью немного утешить его как раз и был примером такого отношения. При этом нужно отметить, что характеру Того были чужды демонстративные поступки, характерные для современных политиков с их рассчитанными пиар-акциями. Адмирал пришел просто потому, что посчитал необходимым продемонстрировать уважение самурая к честно сражавшемуся, хотя и побежденному противнику.

Возвращение адмирала в Токио по окончании боевых действий было сплошным триумфом. Он был принят императором, везде его встречали восторженные соотечественники. Победа над Россией помогла Японии избавиться от некоторого «комплекса неполноценности» и ощутить себя великой державой. Наградой Того стали орден Золотого Коршуна первого класса (высшая боевая награда) и возведение в графское достоинство. Сам герой встретил свою ослепительную славу сдержанно и скромно.

Русско-японская война была zenитом карьеры Того. В декабре 1905 г. он был назначен начальником Главного морского штаба и членом совета адмиралов, в сентябре 1908 г. командовал большими морскими маневрами. Это было завершение его активной деятельности, связанной непосредственно с флотом. После у него были в основном государственные обязанности, такие как работа в Высшем военном совете.

В апреле 1911 г. для участия в церемонии коронации короля Георга V в Англию в качестве представителя японской императорской фамилии направился принц Хигаси-Фусими. В его свите были Того и другой видный участник Русско-японской войны генерал Ноги. На лайнере, на котором путешествовал принц со свитой, было много иностранцев, с любопытством присматривавшихся к столь известным людям. Европейцы были поражены немногословностью этих двух японцев. Как с иронией написала газета «Дейли экспресс», за все время путешествия «никто из пассажиров не слышал, чтобы Того или Ноги произнесли слово более чем из одной гласной». На банкетах, регулярно устраивавшихся во время путешествия, Того был более разговорчив, но свободное от придворных и светских обязанностей время он предпочитал проводить вдвоем с Ноги, с которым его связывала большая дружба. Два старых солдата часами играли в японские шашки *go*, не произнося при этом ни слова.

В Англии Того ждал прием по высшему разряду. Главное внимание, конечно, уделялось особе принца, но после его отъезда Того стал объектом самого почтительного внимания. В его честь устраивали приемы политики, военные, предприниматели и даже бойскауты, произносились бесчисленные речи с лейтмотивом «честь и хвала герою», его встречали овациями. Всячески под-

черкивалась его связь с Англией — казалось, англичане хотели подчеркнуть, что именно им Япония обязана появлением такого флотоводца. Сам же Того удивлял британцев своей немногословностью и скромностью. Адмирал также тщательно уклонялся от обсуждения любых тем политического характера.

После Англии Того направился в США, где его принимали на высшем государственном уровне и с таким же восторгом. Как сообщил нью-йоркский корреспондент газеты «Асахи», «американцы принимают Того как своего национального героя». Того и тут остался верен себе: скромность, немногословность и никакой политики. Когда президент США У.Тафт на приеме в честь адмирала начал расхваливать систему международного арбитража и призвал Японию к участию в ней, Того только изысканно-вежливо поблагодарил за теплую встречу.

В апреле 1913 г. Того был произведен в адмиралы флота, что стало венцом его флотской карьеры. Вскоре ему нашлось очень ответственное, хотя и не связанное непосредственно с флотом дело: с апреля 1914 по март 1921 г. Того был главным наставником наследного принца, будущего императора Сёва. Адмирал подошел к делу со всей обстоятельностью военного и ответственностью верноподданного. Чтобы показать должный пример молодому наследнику престола, Того в то время полностью отказался от табака и алкоголя. Как пишут японские историки, адмирал даже перестал ездить отдыхать на горячие источники, чтобы такое «праздное» времяпровождение не оказало нежелательное влияние на наследника.

За свои заслуги перед страной в ноябре 1926 г. Того был награжден высшей степенью ордена Хризантемы, которая до него присваивалась только членам императорской семьи. Маркиз Сайондзи, единственный остававшийся в живых *гэнро*, получил этот орден позже.

Адмирал отошел от активной деятельности, ведя жизнь отставника с ее немудреными радостями вроде работы в саду. Слава и почести не изменили характера Того, он продолжал быть скромным, доброжелательным человеком, пользовавшимся огромным уважением и непререкаемым авторитетом. Адмирал до конца сохранял ясность ума, живо интересуясь событиями в стране и мире. До конца он придерживался и своего старого принципа — не лезть в политику. Единственное исключение, единственный политический вопрос, по которому Того выразил свое суждение, — это столь важный в 1920–1930-е годы для отношений мировых держав вопрос об ограничении тоннажа военных флотов. Того был против ограничений, налагаемых на Японию Лондонским морским договором 1930 г. Мнение патриарха японского флота получило поддержку у части военных и политических кругов, однако японское правительство все же подписало договор, дабы не вносить дисбаланс в отношения с другими великими державами.

Годы сказывались, у адмирала все больше было проблем со здоровьем. 27 мая, день Цусимы, широко праздновался в Японии каждый год, однако 29-я годовщина прошла без главного участника, здоровье которого стремительно ухудшалось. 30 мая 1934 г. прославленный адмирал скончался в возрасте 86 лет.

Того по праву принадлежит к числу великих людей своего времени, преобразивших Японию в великую эпоху Мэйдзи. «Слуга императору, отец матросам», он сделал очень много для того, чтобы мировые державы перестали относиться к Японии снисходительно, а стали расценивать ее как значимую, внушающую уважение силу. В память адмирала в 1940 г. в Токио было построено синтоистское святилище Того-дзиндзя. В мае 1945 г. оно было уничтожено во время авиационного налета, но в 1964 г. восстановлено. Ежегодно в

нем проводятся празднества в честь адмирала. В Ёкосуке сохраняется старый флагман адмирала, броненосец «Микаса».

Интересна история сохранения «Микасы». Броненосец благоговейно сохранялся до конца Второй мировой войны, но после войны он, сильно поврежденный, должен был пойти на слом. В очень непрезентабельном состоянии былую гордость японского флота увидел командующий флотом США на Тихом океане в годы войны адмирал Ч. Нимиц, большой поклонник Того. У него и возникла идея сохранить броненосец. Самое интересное, что американским офицерам, занятым выполнением распоряжения адмирала, пришлось уламывать японцев восстановить «Микасу». В послевоенной Японии сохранять память о своем славном соотечественнике не особо стремились.

На Западе Того является любимым положительным персонажем старой, «милитаристской» Японии. В западной историографии за ним прочно укрепилось прозвище «японский Нельсон», а сравнение со своим выдающимся адмиралом англичане считают высшей степенью признания заслуг любого флотоводца. Такая благосклонность к Того объясняется, конечно же, поражением, которое он нанес вечному противнику Британской империи. А профессиональное становление Того, произошедшее в Англии, с точки зрения многих в Англии и США, делает и Британию причастной к такому триумфу. Интересно в этой связи сравнить отношение к другому знаменитому японскому флотоводцу — Исороку Ямамото, прославившему свое имя другой всемирно известной победой японского флота (Пёрл-Харбор). И если памятники Того стоят на почетном месте в Ёкосуке, Кагосиме и Сасэбо, то памятника адмиралу Ямамото, «поднявшему руку на большого брата», нет, а его могила на кладбище Тама в пригороде Токио известна немногим.

Но сам Того не имел ко всем политическим играм никакого отношения. Во время посещения раненого Рождественского в госпитале в Сасэбо он сказал: «Я искренне сочувствую вам. Мы, солдаты, готовы отдать жизнь за свою страну, но у нас нет личной вражды друг к другу». Очень верные слова. Японские моряки сражались за свою родину, русские — за свою. К великому сожалению, у японцев это получилось намного лучше. Того отлично выполнил свой солдатский долг, и нельзя осуждать его за это. При этом нет никаких указаний на то, что Того с антипатией относился к России. В любом случае как противник сильный и достойный он заслуживает, чтобы мы относились к нему с уважением.

БЫЛ ТАКОЙ МАЛЬЧИК... ПО СЛЕДАМ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЯПОНИИ

Э.Б. Саблина

Саблина Элеонора Борисовна окончила японское отделение Института восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки) при МГУ по специальности историк-востоковед, референт-переводчик. Преподавала на кафедре японской филологии ИСАА. Кандидат исторических наук. В 1996–1997 гг., получив грант Японского фонда МИД Японии, находилась на стажировке в университете Кэйо (Токио). В 1998–2000 гг. в этом же университете на литературном факультете вела специальный курс сравнительной этики. С 1998 г. преподает в Иокогамском государственном университете и Токийском университете иностранных языков. С 1989 г. участвует в специальных проектах японской телерадиокорпорации NHK. Автор нескольких десятков статей, опубликованных в России, Японии и США. В 2006 г. вышла в свет ее книга «150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и ее основатель Архиепископ Николай». Начиная с 1977 г. сотрудничает с Московской Патриархией — участница многих международных христианских и межконфессиональных конференций и симпозиумов. Сфера научных интересов: история японского православия, история христианства в Японии, история культурных связей России и Японии, история музыки и медицины.

В Киото, неподалеку от императорского дворца, находится православный храм в память Благовещения Пресвятой Богородицы, построенный в 1903 г., накануне Русско-японской войны. В 1967 г. храм получил статус памятника культуры префектуры Киото.

Деревянный храм в византийском стиле в виде креста, белый снаружи, с особо выдающимся алтарем, крытый медными листами и увенчанный небольшим куполом, был сооружен по проекту архитектора Мацумуро Сигэмицу, выпускника технического факультета Токийского императорского университета. Его площадь составила 217,78 кв. м, глубина — 27 м, а высота колокольни с семью колоколами — 22,3 м. Освящать храм приехал из Токио Архиепископ Николай. Как явствует из дневника Владыки Николая, богослужение Храмоосвящения и Литургию совершали прекрасным солнечным днем, в воскресенье, 10 мая 1903 г. В храме, рассчитанном на 500 человек, присутствовало более 600. Вокруг церкви теснились не вместившиеся, прислушиваясь через открытые двери и окна к тому, что читали и пели внутри. Все собравшиеся, а их было свыше 1000 человек, восхищались красотой храма, подобного, по замыслу Архиепископа Николая, великолепию древней столицы Японии, или «японской Москвы», как Владыка называл Киото. Поэтому и место для него выбрали в одном из лучших кварталов города по соседству с императорским дворцом.

Что касается внутреннего устройства храма и его красивого убранства, то здесь постарались жертвователи из России: из Москвы были получены ико-

ностас и колокола, облачения и утварь. О металлических хоругвях известно, что они от Кремлевских хоругвеносцев, которые прислали также священные сосуды. Из Санкт-Петербурга пришли дары от Иоанна Кронштадтского. На напрестольном Евангелии, которым по сей день пользуется во время богослужения отец Иоанн Оно, Владыка Николай сделал надпись, что оно «в благословение Миссии и церкви в Японии прислано, вместе с тремя напрестольными крестами, двумя приборами литургических сосудов и другими церковными вещами, отцом Протоиереем Кронштадтского Собора, Иоанном Ильичом Сергиевым, при любезном письме его. Получено 8 (21) июня 1900 г. Токио, Епископ Николай». Вся церковная утварь, присланная Иоанном Кронштадтским, изготовлена из серебра.

Видимо, учитывая влажный японский климат, все присланные москвичами иконы, в полном составе которых на иконостасе выражены самые важные догматы православной христианской веры, писаны на металлических листах, и хотя от времени они немного потускнели, но по-прежнему привлекают своим высоким художественным исполнением и красотой иконописи. Особенно выделяется образ Иверской Божией Матери, копия с чудотворной Московской, писанная В. Гурьяновым. Слева и справа от иконостаса висят две небольшие иконы Николая Чудотворца, какие можно часто видеть в России в домах верующих. По сохранившимся на них надписям известно, что пожертвованы они русскими людьми. Та, что слева, — «от военнопленных чинов 2-й Тихоокеанской эскадры. 1(14) октября 1905 г., г. Киото», справа — «от православных военнопленных, находящихся в городе Киото, в помещениях Фусими, 9 мая 1905 г. (праздник Св. Николая)».

Ни войны, ни время не властны над храмом Благовещения Пресвятой Богородицы. В годы Второй мировой войны муниципалитет Киото издал план, согласно которому улицы древнего города подлежали расширению во избежание сплошных пожаров при бомбардировках. По этому плану сносили целые кварталы, среди которых находился и квартал с храмом. К счастью, очередь до него не дошла в связи с капитуляцией Японии. Православные Киото, опасаясь за свой храм, разобрали иконостас и в течение всего военного времени хранили в своих домах все иконы и церковную утварь. И сейчас верующие (их около 300 человек) молятся в своем храме, одном из немногих полностью сохранившимся в том виде, в каком создал его Архиепископ Николай¹.

Кто же эти православные военнопленные, пожертвовавшие иконы, которые так любовно сохранили японцы? Известно, что в результате Русско-японской войны на территории Японии оказалось около 73 тыс. русских пленных солдат и матросов. Как правило, они содержались на территории буддийских храмов в различных уголках страны. Согласно японской историографии, уделившей достаточно много внимания проблеме русских военнопленных, это следующие города (всего 29): Мацуяма, Маругамэ, Химэдзи, Фукутияма, Нагоя, Сидзуока, Ниносима, Хамадэра, Дайри, Фукуока, Тоёхаси, Ямагути, Оцу, Фусими, Кокура, Нарасино, Канадзава, Кумамото, Сэндай, Курумэ, Сакура, Такасаки, Сабаэ, Дзэнцудзи, Цуруга, Осака, Хиросаки, Акита, Ямагата.

В Фусими (район Киото) военнопленные содержались в трех местах. Во-первых, в храме Хонкокуин, где с марта 1905 по январь 1906 г. находились 55 офицеров и 54 унтер-офицера. Во-вторых, в храмах Мёхоин, в котором размещались 18 офицеров и столько же унтер-офицеров, и Тидзякуин. В последнем с июля 1905 по январь 1906 г. жили 43 офицера, среди которых были вице-адмирал Зиновий Рождественский и контр-адмирал Николай Небогатов, и 42 унтер-офицера. Но больше всего пленных, 1500 нижних чинов, с марта по декабрь 1905 г. пребывали в храме Тофукудзи — главном храме секты Риндзай. Он был построен в 1236 г. и, по замыслу его устроителей, не должен был

уступать Тодайдзи и Кофукудзи, двум великим храмам древней столицы Японии — Нары. Территория Тофукудзи по размерам намного превосходит знаменитые храмы Нары, это настоящий храмовый комплекс. Превращенный в место содержания огромного количества пленных, Тофукудзи был разделен на три района, куда входило 17 отделений, центрами которых являлись малые храмы. Пленные содержались в них строго по национальной принадлежности и вероисповеданию: православные русские, католики поляки, мусульмане татары и иудеи евреи. Всем пленным разрешалось выходить в город: офицеры ходили свободно, а унтер-офицерам полагалось выходить группами более десяти человек в сопровождении японского солдата или полицейского. Таким образом, христиане могли посещать в Киото католические храмы и православный храм, о котором речь шла выше².

В храме Рэйунин (восьмом отделении первого района) поселили 50 русских. Рэйунин, один из старейших малых храмов Тофукудзи, был построен в 1380 г. и стал резиденцией настоятеля Сёсэцу, известного своим духовным покровительством клану Хосокава. В знак особых заслуг настоятеля Хосокава пожертвовали в Рэйунин камень Иай-сэки, символизирующий святую гору Сюмисэн, где живет Будда. Иай-сэки установили в центре разбегающихся окружностей из белого песка, а вокруг него расположены светлые камни, символизирующие девять гор, и темные камни, символизирующие восемь морей. Таким образом здесь воссоздан символ буддийского мироздания. Этот сад камней не менее знаменит, чем Рёандзи, но в отличие от него не открыт для обычных посетителей. Им могут любоваться только пришедшие в храм для осуществления тех или иных треб. Настоятель Рэйунин, преподобный Морисада Оканэ, любезно провел меня в сад, показал семейные реликвии³ и рассказал о своем деде.

Во время Русско-японской войны в храме жил маленький послушник по имени Сюкэн Оканэ. Перед самой войной его отец, крестьянин с острова Сикоку, отдал десятилетнего сына в учение в надежде, что тот станет священником. Маленький Сюкэн подружился с пленными и не отходил от них ни на шаг, слушая и запоминая повседневные русские слова и выражения. С крестьянской основательностью он завел себе записные книжки, умещавшиеся в его карманах, и детской рукой старательно выводил слоговой азбукой *катакана*, а что уже мог и иероглифами, все, что слышал от русских. Например, вот что можно прочесть в одной из них в японской транскрипции: *бобы, горох, лосось, кета, горбуша, обед, завтрак, молоко, репка, вареный рис, соленая рыба, сушеная каракатица, говядина, овощи, яйцо, конфета, морковь, яблоко, абрикос, персик, стакан, рюмка, блюдо, вилка, водка, скатерть, салфетка, кушанье, аппетит, земляной орех, сытый, налево, направо, жить, искать, беспокоиться, электричество, здоровье и т. д.* — более 300 слов. А также некоторые выражения: *Вы не любите баранину? Отрезать вам кусок говядины? Не угодно ли вам супца? Очень вкусная рыба. Слава богу, ничего себе. Пожалуйста, пейте чай. Доброго пути. У вас очень широкая столовая — даже двенадцать человек здесь могут обедать. Принесите еще немного хлеба. Я налью вам рюмочку водки. Еще вам рюмочку? Выпьем же за здоровье. Господа, кушайте. Мне странно не голодать. Накрыть стол. Пойте. Здравствуйте, друг. Очень приятно. Весна наступает.* И подобных выражений, благодаря которым можно составить представление о жизни пленных, не менее 200.

Особую ценность представляет книжица, где сохранилась поименная запись военнопленных и их адреса, а старательной рукой Сюкэна под именем и фамилией каждого пленного *катаканой* записаны их чтения. Благодаря этому до нас дошли имена военнопленных, содержащихся в Рэйунин с 24 марта по 19 ноября 1905 г. (орфография сохранена):

ст. Петр Ефимов, ст. Ефрем Михайлов, ст. Алексей Афанасьев, еф. Николай Фадеев, еф. Иван Иванов, ря. Иван Игнатьев, ря. Иван Дмитриев, ря. Ефим Никитин, еф. Андрей Глебов, еф. Захар Мищанинов, еф. Абрам Иванов, ря. Степан Фокин, ря. Алексей Михайлов, ря. Арсентий Петров, ря. Яков Иванов, ря. Григорий Восечка, ря. Павел Александров, ря. Петр Кондратьев, ря. Иван Лобанов, ря. Михаил Зерний, ря. Иван Мазур, ря. Егор Олещанский, ря. Демьян Полищук, ря. Роман Курилов, ря. Елисей Сторадуб, ря. Григорий Окопов, еф. Павел Грищенко, ря. Ефим Сологуб, еф. Давыд Пекшин, еф. Алексей Федоров, ря. Антон Артомошкин, ря. Сергей Новиков, ря. Лукьян Бушов, ря. Исак Селик, ря. Алексей Балин, ря. Михаил Бычков, еф. Андрей Меньшой, ря. Борис Абрамов, ря. Семен Ляпунов, ря. Сидор Волно, еф. Семен Слюсор, ря. Семен Лехков, ря. Антон Христенко, ря. Степан Прикипелов, еф. Степан Коченко, ря. Кузьма Бибилов, ря. Александр Гуценко, ря. Тихон Бузуленко. Под списком стоят подписи: Петр Ефимов и Егор Филилев.

Далее приводится запись адресов пленных (написаны двумя разными почерками). Вот как выглядит география мест, откуда русские люди уходили на войну:

В Россию, станция Пыталова, Псковской губернии, Островской уезд, Вышгородецкую волость, в деревню Бараусы, получить крестьянину Петру Ефимову. (Рядом этот же адрес в следующем написании:)

В Россию, Псковскую губернию, ста. Пыталова, Островской уезд, Вышгородецкую волость, в деревню Бараусы, получить Петру Ефимову.

В Россию, Псковскую губернию, Островской уезд, в Лисенскую волость, в деревню Вошкина, получить Ефрему Михайлову.

В Россию, город Канев, Киевскую губернию, Экономия Василия Максимовича Максимова. Для М. Фалковский.

В Россию, в Полоцкую губернию, город Липно, в рынке Дом Зюлковского, получить Ивану Певняковскому.

В Россию, Псковскую губернию, Островской уезд, Вышгородецкую волость, в деревню Стомари Якову Андрееву.

В Россию, Самарской губернии Бузулукского уезда Лобазинской волости того же села получить Давыду Пекшану (в списке пленнх — Давыд Пекшин).

В Россию, Москва, Калужская улица, Голицинская Больница, получить Марии Ивановне с передачей Егору Егоровичу Чуркину.

В Россию, в Карскую область, Казманского уезда Хоросанской волости селения Каракурть, получить Хачатуру Терпосоянцу для передачи селения Гилян-тан Каранету Апопову (в списке пленнх — Окопов).

В Россию, Самарскую губернию, Бузулукского уезда Курмаевскую волость, село Кондауровку, получить — Константин Михайлович Ревутов.

В Россию, в Смоленскую губернию, в Поречинской уезд, на станцию Голынку, в деревню Ботolino, получить Абраму Иванову.

В Россию, В Нижегородскую губернию, Васил....ракой (нрзб) уезд, Набыкаскую (?) Почтовую станцию, передать в деревню Сарайки Алексею Балину.

В Россию, Оренбургской губернии и того же уезда Михайловской волости Архангельской выселок, получить Ефиму Ивановичу Сорокину.

В Россию, Каменец-Подольскую губернию, Ямпольского уезда станция Ярошенка, село Грищенки Черемошен, Ея Высокоблагородию госпоже Урбанской с передачей Павлу Никифоровичу Грищенку.

В Россию, Псковскую губернию, Островской уезд, на станцию Крюки, в деревню Бобыли, получить Алексею Афанасьеву.

В Россию, Оренбургской губернии и уезда Репьевской волости хутор Американской, Оренбургскому мещанину Семену Васильевичу господину Брыскову.

В Россию, Псковскую губернию, Порховской уезд, Вышегородскую волость, в деревню Антонова, получить Якову Иванову.

Теплится надежда, что кто-то увидит в этих списках родные имена и вместе с нами помянет добрым словом японского мальчика, сохранившего их.

Среди семейных реликвий преподобного Морисады Оканэ есть русская азбука размером с записную книжку, подаренная любознательному Сюкэну. Она издана в 1905 г. в Токио Русской Духовной Миссией и содержит в себе молитвы, заповеди, нравоучительные басни и таблицу умножения. Известно, что по инициативе Архиепископа Николая было образовано Православное товарищество духовного утешения военнопленных, в котором приняли участие не только христиане, но и лица другой веры (среди них был и выдающийся государственный деятель Японии Хиробуми Ито). В уставе, утвержденном в мае 1904 г. японским правительством, определялась цель общества: удовлетворять духовным нуждам военнопленных согласно христианской гуманности. Для этой цели японским священникам, знающим русский язык, поручалось отправиться в места содержания пленных и совершать для них богослужения. По свидетельству этих священнослужителей, духовное пение русских производило особое впечатление на присутствовавших там офицеров-наблюдателей и другой японский персонал⁴. Маленький Сюкэн, всегда бывший рядом со своими русскими друзьями, на отдельных листках чисто и красиво записал *катаканой* молитвы Символ Веры и Достойно есть. Обладавшему хорошим слухом мальчику (ведь русские слова он записывал со слуха) не могли не понравиться русские песнопения. А пленные пели не только во время богослужения, но и просто, для души. И не только пели, но и играли на музыкальных инструментах, сделанных собственными руками. Старательный Сюкэн зарисовал их на листочке и, как обычно, подписал *катаканой* русские названия: *цимбал, гусли, скрипка, смычок, флейта, сигнальный рожок, гармонь, бубен, тарелки, звонок, колокол*. По сей день в Рэйунине, в специально устроенной стеклянной витрине, бережно хранятся те гусли, бубен и скрипка, а также самодельная балалайка и рядом с музыкальными инструментами походные котелок с фляжкой и солдатская каска.

У Конфуция есть высказывание о том, что приобщение к музыке — это воспитание внутренней гармонии. Магическое представление о целебном свойстве музыки описано во многих древних трактатах, о ее живительной силе можно прочесть у Гомера в «Одиссее» и «Илиаде». В Санкт-Петербурге, в Музее музыки в Шереметьевском дворце, среди хранящихся там нескольких десятков японских музыкальных инструментов есть *сямисэн* и круглая лира из березы, изготовленные военнопленными японцами⁵. В апреле 2004 г. газета и телевидение «Асахи» сообщили о том, что хранитель Музея музыки В.В. Кошелев впервые привез на реставрацию в Японию эти самодельные инструменты. Как они оказались в России? В 1904–1908 гг. свыше 1500 пленных Русско-японской войны содержались в селе Медведь Новгородской губернии. Около 30 человек скончались и были погребены на старинном кладбище вблизи лагеря. В 1908 г. их останки были вывезены соотечественниками на родину, а на месте захоронения пленных остались лишь надгробные камни. Со временем эти гранитные валуны стали одной из достопримечательностей села, за ними ухаживали новгородские краеведы и школьники. Сейчас на месте сельского кладбища устроен мемориал, где собраны 12 валунов, на которых еще можно различить иероглифы с именами и воинскими званиями военнопленных.

А из Рэйунина все русские пленные отправились на родину. Сбылись пророческие слова Архиепископа Николая из его «Приветствия русским братьям

от Японской Церкви» в 1905 г.: «Не замедлит время, когда вы оставите нашу страну, но добрый след останется за вами...»⁶.

Примечания

¹ Подробнее см.: Э. Саблина. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и ее основатель Архиепископ Николай. — М.—СПб., 2006, с. 189–193.

² Подробнее см.: Синъити Хияма. Фукутияма хорё сюёдзё-но росиадзин касикан-но тэгами (Письмо русского унтер-офицера из лагеря военнопленных в Фукутияме). — Росиа то Нихон (Россия и Япония). Вып. 7. Токио, 2008, с. 27–43; Юка Курата. Хиросаки росиадзин хорё сюёдзё то Kh.P. Биричи (Лагерь русских военнопленных в Хиросаки и Х.П. Бирич). — Там же.

³ Описываемые документы хранятся у Морисады Оканэ дома — в храме Рэйунин.

⁴ Подробнее см.: Э. Саблина. Цит. соч., с. 104–119.

⁵ Дзётаро Ота. Нихон-но суторадивариусу ка (Японский Страдивари?). — Росиа то Нихон (Россия и Япония). Вып. 6. Токио, 2005, с. 239–248.

⁶ Приветствие русским братьям от Японской Церкви. Токио, 1905, с. 7–8.

ЯПОНСКАЯ МИССИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА

Э.А. Барышев

Барышев Эдуард Анатольевич родился в 1976 г. В 1994 г. поступил на отделение международных отношений исторического факультета Уральского государственного университета, где изучал историю и культуру Японии, российско-японские отношения и японский язык. В 1998–1999 гг. проходил стажировку в Сидзуокском университете (Япония). После окончания УрГУ в 2001 г. отправился на стажировку в Японию по стипендии Министерства просвещения Японии, где продолжил изучение истории российско-японских отношений. В 2004 г. окончил магистратуру, а в 2007 г. — докторантуру университета Кюсю (г. Фукуока). Итогом многолетних исследований стал выход в ноябре 2007 г. на японском языке монографии «Эпоха русско-японского союза, 1914–1917: Правда о „необыкновенной дружбе“». В настоящее время продолжает свои исследования в университете Кюсю в качестве иностранного стипендиата Японского общества по развитию науки.

Одним из замечательнейших событий в истории российско-японских межгосударственных связей непременно стоит назвать визит в Японию в конце 1915—начале 1916 г. великого князя Георгия Михайловича (1863–1919).

Сын великого князя Михаила Николаевича (1832–1909), Георгий Михайлович приходился двоюродным дядей последнему российскому императору. Имея звание генерал-лейтенанта, он являлся почетным шефом 3-й батареи лейб-гвардии Конной артиллерийской бригады, 81-го Апшеронского и 5-го Кавказского стрелковых полков, носивших его имя. Георгий Михайлович был широко известен как страстный нумизмат, исследователь старины и на протяжении целых 20 лет являлся бессменным управляющим Русским музеем им. императора Александра III в Петербурге (ныне Государственный Русский музей). С начала Первой мировой войны великий князь в качестве генерал-адъютанта выполнял роль ближайшего доверенного лица Николая II, а в сентябре 1915 г. был официально назначен особоуполномоченным императора при Ставке Верховного Главнокомандующего. Основной его обязанностью являлся контроль состояния различных воинских частей на фронте и в тылу.

Решение об отправке великого князя в Японию было принято в Ставке в конце 1915 г. достаточно неожиданно как для японского, так и для российского правительства. Внешне цель миссии состояла в передаче японскому императору Тайсё поздравлений по случаю коронации и выражения благодарности за помощь, которую японское правительство оказало России в ходе «Великой европейской войны». Но Николай II и высшее военное руководство страны возлагали большие надежды на то, что отправка в Токио представителя российского императорского дома приведет к росту военных поставок из Японии, в коих Россия продолжала испытывать острую нужду. В связи с

этим для великого князя в Ставке была подготовлена памятная записка, определявшая перечень «средств государственной обороны», которые Россия хотела получить от Японии. В данном перечне были указаны: ружейные патроны, винтовки, пулеметы, артиллерийские орудия разного типа и калибра и даже колючая проволока¹. Впрочем, ведение непосредственных переговоров по военно-технической и политической части было решено поручить специалистам. Сам же великий князь должен был взять на себя выполнение «внешней стороны чрезвычайного посольства», состоявшей, по его собственным словам, в «оказании японцам внимания с целью снискать их расположение»².

В состав свиты великого князя были включены восемь человек из окружения императора и самого посланника: среди них оказались генерал-адъютант свиты Его Величества И.Л. Татищев (1859–1918), управляющий двором Его Высочества полковник Г.В. Каховский (1868–?), начальник Дальневосточного отдела Министерства иностранных дел камергер Г.А. Козаков, полковник Генерального штаба Г.А. Муханов (1870–?) и некоторые другие. Кроме того, к миссии были прикомандированы еще восемь человек сопровождающих. 23 декабря (здесь и далее все даты указаны по новому стилю) члены свиты великого князя и сопровождающие его лица были приняты Николаем II в Царском селе, а 28 декабря «русское посольство» отправилось с Николаевского вокзала Петрограда по Сибирскому железнодорожному пути на Восток. Вместе с российской миссией следовал и представитель японского военного ведомства в Ставке Верховного Главнокомандующего генерал-майор Масатакэ Накадзима (1870–1931), во многом благодаря усилиям которого и состоялся данный визит представителя российского императорского дома в Японию.

6 января 1916 г. экстренный поезд великого князя прибыл в столицу русской Маньчжурии. На харбинском вокзале, украшенном российскими флагами, великого князя приветствовали зарубежные и российские дипломаты, администрация города, представители торгово-промышленного мира, члены местной японской общины. После непродолжительных, но достаточно помпезных приветствий в здании железнодорожного вокзала посланник российского императора снова занял место в вагоне, и особый поезд продолжил путь.

Около 8 часов вечера по местному времени поезд великого князя прибыл на станцию Куаньченцзы. В честь приезда царского посланника на вокзале были построены две роты военного гарнизона из состава Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. С японской стороны Его Высочество встречали: генерал-майор Дзиро Сираи (1867–1934), капитан 1-го ранга Котаро Танака (1868–1939), церемониймейстер Дзиндзабуро Кимура, майор Хитоси Куросава (1878–1927), включенные в состав японской свиты великого князя, а также представители администрации Квантунского генерал-губернаторства. Обилие японских чиновников на вокзале Куаньченцзы означало, что линия российских железных дорог на этом обрывалась. Великий князь со свитой должен был проследовать на конечную станцию ЮМЖД Чаньчунь, где им предстояло пересест в специальный поезд, следующий на юг, в сторону Мукдена.

Несмотря на достаточно сильный холод — температура воздуха опустилась до минус 20 градусов, — вдоль железнодорожной линии Чаньчунь–Мукден через каждые 300 метров были поставлены солдаты японской охраны. Японские власти, помня печальный и даже трагический опыт двусторонних встреч — нападение в Оцу на наследника российского престола цесаревича Николая в 1891 г. и убийство в Харбине выдающегося японского государственного деятеля Хиробуми Ито в 1909 г., — приняло самые серьезные меры

предосторожности. Внутри поезда также было размещено множество жандармов и других стражей порядка³.

Встретить высокого российского гостя спешили многие именитые военные и политические деятели Японии. В канун православного Рождества со станции Нандэун в Сеуле в сторону китайской провинции Аньдун отправились на специальном поезде остальные члены японской свиты великого князя: корейский генерал-губернатор Масатакэ Тэраути (1852–1919), посланник в Мексике Минэитиро Адати (1869–1934), морской агент при корейском генерал-губернаторе контр-адмирал Ёсиоми Мори (1868–1949) и сопровождающие их лица. 7 января в 11 часов утра на станции Аньдун «посольство» великого князя вместе с многочисленной японской свитой пересело в поезд, направляющийся через Пхеньян и Сеул в Пусан, где прибытия высоких особ уже поджидали японские военные корабли — императорский флагман «Касима» и корабль сопровождения «Сикисима».

В 10 часов утра следующего дня царский посланник, прибывший в корейский порт, пройдя вдоль строя почетного караула и многочисленной толпы студентов и школьников, взшел на борт линкора «Касима». В 3 часа 30 минут корабли подняли якорь и направились к берегам Японии. Вместе с «посольством» великого князя на борту «Касимы» находился и присоединившийся к нему морской агент в Японии А.Н. Воскресенский (1879–1930).

В проливе Каммон (между островами Кюсю и Хонсю) корабли приветствовали местные жители, стоявшие по берегам пролива и на палубах многочисленных судов и размахивавшие японскими и российскими флагами. На борту флагманского корабля для великого князя был устроен показ японских единоборств, таких как *сумо*, *дзюдо* и *кэндо*; состоялась фотографическая съемка на память. Великий князь не преминул воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить свое удовольствие устроенным для него приемом. Благодарственные слова Его Высочества тут же появились на страницах газет⁴.

После двухдневного морского «круиза» по Внутреннему Японскому морю днем 11 января линкор «Касима» в сопровождении «Сикисимы» и присоединившихся к ним эсминцев «Сию» и «Асакадзэ» вошел в порт Кобэ. Здесь великого князя встречали высокие японские чиновники и военные, а также представители российского посольства в Токио — Н.А. Малевский-Малевич (1855–?), военный атташе Н.М. Морель и атташе А.Ф. фон Рёнке. Представитель российского императорского дома сошел на японскую землю у Американской пристани, сел в приготовленную для него карету и под охраной взвода японских кавалеристов отправился к железнодорожному вокзалу. Около 5 часов вечера под гром артиллерийского салюта специальный поезд, провожаемый звуками российского и японского гимнов, отправился с вокзала Кобэ в Токио.

Особенно тщательно к приезду царского посланника готовились в столице, где он должен был быть официально принят в качестве гостя японского императора. Образцом для встречи великого князя служил прием в японской столице английского принца Артура Коннаутского (Prince Arthur of Connaught, 1883–1938) в феврале 1906 г., когда последний посетил Японию в качестве представителя короля с целью вручения императору Мэйдзи высочайшего английского ордена — ордена Подвязки. Особой торжественностью приема политическое руководство Японии стремилось показать, что Россия является для нее таким же важным стратегическим союзником, как и европейская островная держава.

12 января 1916 г. на Токийском вокзале состоялась торжественная встреча Его Высочества великого князя Георгия Михайловича. На площади перед

вокзалом были развешены флаги и широкие бело-красные полотнища. Здесь же были сооружены две разукрашенные колонны, на верху которых развевались российские и японские флаги, а по бокам золотыми буквами были сделаны приветственные надписи на русском языке «Добро пожаловать!» и «Город Токио». Сбоку от колонн были установлены сооружения, напоминающие купола русских церквей. Подобные украшения были также сооружены у ворот Бабасаки-мон в императорском дворце и у дворца в Касумигасэки, где должен был остановиться высокий гость из Петрограда.

Уже в половине седьмого утра полицейские оцепили пространство от железнодорожного вокзала до дворца в Касумигасэки. Спусти некоторое время на обочинах дороги выстроились шпалерами солдаты Гвардейской и Первой пехотных дивизий, а также многочисленные группы школьников, держащие в руках российский и японский флаги. В начале десятого из ворот императорского дворца в сопровождении генерал-адъютанта Кодзио Утиямы (1859–1945) и министра двора Таканао Хатано (1850–1922) выехал в карете сам император Тайсё, облаченный в парадную форму верховного главнокомандующего. На груди *тэнно* красовались многочисленные ордена и медали. Это был первый и, пожалуй, единственный случай, когда император для встречи высокого гостя выехал за пределы своего дворца. Для встречи высокого гостя на Токийский вокзал прибыл весь цвет японского политического мира: премьер-министр Сигэнобу Окума (1838–1922), министр иностранных дел Кикудзио Исии (1866–1945), военный министр Итиносуке Ока (1860–1916), морской министр Томосабуро Като (1861–1923) и многие другие.

В 9 часов 35 минут поезд с великим князем остановился на платформе Токийского вокзала, раздался артиллерийский салют, трубы заиграли «Боже, Царя храни!». Как только великий князь, в темно-синей шинели и казацкой фуражке с красно-белым околышем, вышел из вагона, император обратился к нему с коротким приветствием, пожал ему руку и коротко представил наследных принцев. Поприветствовав митрополита Сергия и произведя смотр строю солдат Гвардейской и Первой пехотных дивизий, великий князь в сопровождении императора направился к выходу. Разместившись вместе с принцем Котохито Канъином (1865–1945) в нарядно украшенной карете, высокий гость проследовал по дороге, расцвеченной российскими и японскими флагами, по направлению ко дворцу в Касумигасэки.

Дворец, в котором суждено было остановиться великому князю, служил местом, где принимали самых важных зарубежных гостей императора. Комнаты великого князя, из которых открывался вид на морское побережье близ района Синагава, располагались на верхнем этаже особняка европейской постройки: специально по этому случаю они были устланы коврами, украшены новыми обоями и роскошно меблированы. Внутренний дворик украсили несколько десятков саженцев деревьев в стиле *бонсай*: белые азалии (рододендроны), сосны и уже начинавшие расцветать сливы. Так как было известно, что августейшая особа является большим поклонником живописи, в его временной резиденции были выставлены различные произведения японского искусства: около 50 картин, 30 мечей и несколько десятков лакированных, керамических и других изделий.

Вечером 12 января великий князь, облачившись в парадную темно-зеленую форму генерал-лейтенанта, с несколькими орденами на груди, отправился в императорский дворец для выполнения своей официальной миссии. В начале седьмого великий князь в сопровождении свиты под звуки российского и японского государственных гимнов вошел в Зал приемов дворца Хоо-но ма (Палата Феникса). Подойдя к императору, великий князь на великолепном

французском выразил поздравления российского императора по случаю благополучного завершения коронации, передал письменное послание от Николая II и вручил августейшей чете российские ордена. «По случаю такого замечательного торжества, как коронация Его Величества, российский император решил командировать меня в Японию с тем, чтобы передать Его Величеству свои поздравления и пожелания славного и блестящего правления. Я по-настоящему счастлив, что мне доверена столь важная миссия. Узы боевой солидарности в настоящей войне с общим противником должны еще более укрепить русско-японскую дружбу. Русский народ никогда не забудет дружеского расположения Японии, обеспечившей безопасность наших транспортных коммуникаций на Тихом океане и предоставившей нашей армии необходимые оружие и боеприпасы. В качестве знака глубокого уважения и искренней дружбы Его Величество император российский просит Его Императорское Величество принять орден Святого Андрея Первозванного с бриллиантами и желает вручить от имени российского царя и царицы Вашей супруге орден Святой Екатерины»⁵. В ответ после выражения глубочайшего удовлетворения царским вниманием японский император прикрепил к мундиру великого князя орден Хризантемы и вручил ордена остальным членам свиты.

В половине седьмого в императорском банкетном зале Хомэйдэн начался торжественный ужин в честь великого князя, на котором присутствовали все наследные принцы, государственные старейшины-*гэнро*, министры, свита великого князя, работники российского посольства. Газета «Асахи», не скупясь на подробности, описывала атмосферу того вечера следующим поэтическим образом: «Все во дворце было устроено блестяще, без малейшей погрешности. Благодаря установке особого устройства температура в помещении поддерживается на уровне 60 градусов по Фаренгейту (примерно 15,6 градуса по Цельсию. — Э.Б.), поэтому совсем тепло, как весной. В ярком свете пятицветных иллюминационных ламп, разливающимся с высокого потолка, освещаются отливающий золотом занавес, пурпурного цвета ковры и все изящное благолепие внутреннего убранства. От всего этого слепит глаза. Саженьцы *бонсай* и благоухание живых цветов в зале напоминают цветущий весенний сад. Повсюду чувствуется приятный аромат разлитых по полу духов. Его Величество в парадной форме генералиссимуса и с орденами на груди... в окружении наследных принцев Фусими, Канъин со своими супругами и других представителей императорского дома появляется в сопровождении премьер-министра Окумы и других высокопоставленных чиновников. Его Высочество великий князь выходит в сопровождении членов своей свиты, российского посла и других сотрудников посольства. Общее число тех, кто удостоился чести присутствовать на этом вечере... превысило сто человек. Все они стоят в парадной форме, поблескивая золотыми галунами, словно чудесные изваяния. Духовой дворцовый оркестр исполняет японский и российский государственные гимны, и начинается банкет... Гости переполнены восхищением от чести прикоснуться своими руками и губами до разносимых по столам блюд, приготовленных со всей душой главными императорскими кулинарами, и бокалов, наполненных лучшими винами мира»⁶.

Праздничный вечер начался с краткого тоста японского императора, произнесенного по-японски и переведенного одним из церемониймейстеров на французский. В нем, после выражения приличествующих этому случаю любезностей, микадо предложил выпить «за здоровье Императора России и Его Семейства». В ответ на это великий князь произнес благодарственные слова, выдержанные в том же высоком дипломатическом стиле. В своей речи он, в частности, отметил: «...выдающиеся услуги, оказанные моей стране правительством Вашего Величества, вызывают в русском правительстве чувства глу-

бокой признательности и оставят неизгладимый след в истории дружеских отношений между нашими народами». После этого царский посланник вместе с «горячими пожеланиями всему доблестному японскому народу» предложил поднять бокал «за драгоценное здоровье Вашего Величества и Ее Величества императрицы». Содержание этих тостов, которые вскоре должны были появиться на страницах газет, как водится, было заранее согласовано между представителями российской и японской сторон⁷.

По свидетельству члена свиты великого князя Н.М. Могилянського (1871–1933), присутствовавшего на данном банкете, Его Высочество с большим достоинством представлял честь царской короны: «... всеми было отмечено спокойное, отчетливое и ясное произнесение великим князем своей короткой речи, каждое слово которой было слышно в любом углу зала. Видная, стройная фигура великого князя, произносившего свою речь стоя, крупные, красивые черты лица, живые глаза и удивительно мягкий задушевный тон и приятный тембр голоса даже на нас, уже привыкших к тому, что своей спокойной простотой, обходительностью и приветливостью великий князь всюду производил самое приятное впечатление, оказали свое действие, и я вполне понимаю, что экспансивный полковник Муханов не удержался, чтобы не воскликнуть довольно громко в самое ухо мне, хотя намерение было, очевидно, сказать тихо: „Ну и молодец наш Дэнка („Его Высочество“ по-японски. — Э.Б.), ей-Богу“»⁸.

После завершения праздничного банкета император пригласил Его Высочество и других высоких гостей в Пионовый зал (Ботан-но ма), а в половине девятого вечера в Главном зале дворца на специально установленной для этого сцене состоялся показ традиционных танцев *бугаку*. Японское грациозное искусство пришлось гостю по вкусу, и он неоднократно высказывал свое удовольствие. Около 10 часов в другом зале императорского дворца под аккомпанемент военного оркестра школы Тояма начался еще один банкет а-ля фуршет, на котором присутствовали более 70 знатных гостей. В половине двенадцатого, когда банкет подошел к концу, император Тайсё проводил великого князя до выхода, и Георгий Михайлович отправился обратно в Касумигасэки.

На следующий день, 13 января, император Тайсё в строгом соответствии с дипломатическим этикетом нанес ответный визит великому князю и отправил на имя Николая II и его супруги телеграмму, в которой выражал свою признательность за вручение ему высшего российского ордена. После непродолжительной беседы с императором великий князь облачился в парадную форму, чтобы нанести визит вежливости наследным принцам, а затем посетить британское, американское, французское и итальянское посольства. В час дня в резиденции принца Фусими состоялся обед, на который были приглашены все члены свиты, работники российского посольства, высшие военные и гражданские чины Японии. В три часа великий князь вернулся в Касумигасэки, где встретился с представителями иностранных дипломатических миссий и принял премьер-министра Окуму, чудом оставшегося в живых после совершенного на него накануне покушения.

Но главный визит был намечен на вечер: в половине шестого в сопровождении посланника Адати и начальника Дальневосточного отдела МИДа Козакова великий князь посетил район японской столицы под названием Мэдзиро, где располагалась резиденция князя Аритомо Ямагаты (1838–1922). В приемной генерал-фельдмаршала российский посланник вручил князю украшенный бриллиантами орден Святого Александра Невского и от имени российского императора выразил князю благодарность за большой вклад в развитие русско-японских добрососедских отношений. Затем великий князь,

обращаясь к Ямагате, произнес: «Как уже было сказано вчера мной в ответном слове на приветственную речь Его Величества японского императора, несколько лет назад Россия, поддавшись на подстрекательство Германии, столкнулась в войне с Японией, после чего, однако, двусторонние отношения, к счастью, не только восстановились до их прежнего уровня, но и стали перерастать во все более дружественные. Летом позапрошлого года внезапно разразилась Великая европейская война. В силу того что Германия уже десять с лишним лет назад тайно начала готовиться к этой войне, военные действия затянулись на крайне длительный срок. Стало ясно, что четыре миллиона винтовок, которыми располагала Россия в начале войны, не смогут удовлетворить наших потребностей. Несмотря на то что все российские арсеналы в настоящее время работают в круглосуточном режиме, прекращая свою работу лишь на 2 часа для чистки оборудования, вкладывая все свои силы в производство оружия и боеприпасов, мы продолжаем испытывать в них огромный недостаток. То, что Япония, осознав вышеуказанные условия, в рамках своих возможностей прилагает свои силы для предоставления российской армии оружия и боеприпасов, оказывая тем самым нашим войскам огромную помощь, не может не вызывать чувства благодарности со стороны российского императора и всего нашего общества. Именно поэтому российский император пожелал поручить мне выполнение особой миссии с тем, чтобы выразить свою глубокую благодарность Его Величеству японскому императору и Вашему превосходительству. Российский император горячо желает, чтобы и в будущем — точно так же как в прошлом и настоящем — Япония оказывала России посильную помощь. Надеюсь, что благодаря усилиям Вашего превосходительства и других влиятельных японских политиков данная цель будет достигнута и страны-союзы в самое ближайшее время одержат решительную победу над врагом»⁹.

В ответ Ямагата пообещал приложить все свои силы для решения вопроса военных поставок. Оставляя резиденцию Ямагаты после 30-минутной беседы представитель дома Романовых, не скрывая своей радости, крепко жал руку посланнику Адати, благодаря японского дипломата за прекрасный перевод его речи, смысл которой был хорошо понят князем. То, что аудиенция у лидера Совета *гэнро* состоялась сразу на следующий день после приема у императора, несомненно свидетельствует о важности данного визита. Российская сторона была прекрасно осведомлена о скрытых пружинах японской внутренней политики и придавала самое большое значение «неконституционному правительству» *гэнро*.

Не только Ямагата, но и многие другие японские военные и политические деятели получили ордена из рук российского князя. Вошедшему в свиту Георгия Михайловича графу Тэраути, точно так же как и Ямагате, был вручен убранный бриллиантами орден Святого Александра Невского; начальнику свиты генерал-адъютанту Утияме преподнесли орден Святой Анны 1-й степени; премьер-министру Окуме и министру иностранных дел Исии были пожалованы ордена Святого Александра Невского без бриллиантов; военный министр Ока, министр двора Хатано и морской министр Като были отмечены орденом Белого орла; генерал-лейтенант Мицуоми Камио и вице-адмирал Садакити Като в память о взятии Циндао были награждены орденами Святого Владимира со шпагой.

После посещения Аритомо Ямагаты великий князь отправился на торжественный ужин, который устраивал в его честь наследный принц Канъин. На этом ужине кроме российской и японской свиты великого князя и членов российского посольства присутствовали также военный и морской министры, министр иностранных дел Исии с супругой, начальник Генштаба Юсаку Уэ-

хара (1856—1933), президент японского Общества Красного Креста Ёсимото Ханабуса (1842—1917), вице-президент Японо-русского общества Симпэй Гото (1857—1929) и другие официальные лица. По российскому календарю этот день являлся не чем иным, как кануном Нового 1916 года. Можно предположить, что великий князь находился в те минуты в прекрасном расположении духа, полный надежд на то, что его миссия закончится так же успешно и торжественно, как началась.

В первый день Нового года свита великого князя отправилась вместе с работниками русского посольства в Собор Воскресения Христова, известный в Японии под именем «храм Николая». Службу вел преемник Николая Японского митрополит Сергей. Газета «Иомиури» от 15 января 1916 г. крайне поэтически описывала минуты православной службы. «Перед сверкающим золотом иконостасом, состоящим из бесчисленного множества образов, тихо подрагивает свет свечей. Повсюду растекается запах ладана. Перед подсвечниками выстроились благоговейные лица верующих. Почти 200 юношей и девушек из духовной семинарии воодушевленно поют псалмы. Великий князь, облаченный в военную форму с накинутой поверх нее серой шинелью, осеняя себя крестным знамением, проходит справа от подсвечника вперед к хоругвям. Все стоят. На плечах у членов свиты сверкают эполеты. Звуки псалма плавно замолкают, неслышно открываются царские врата, и из алтаря появляется фигура митрополита Сергия...»¹⁰. После завершения праздничного новогоднего молебна и вознесения молитв за благополучное прибытие в Японию все участники молебна выстроились на площадке перед храмом и исполнили российский гимн.

Затем великий князь и его спутники отправились на обед, устроенный от имени Японо-русского общества в главной резиденции принца Канъин, являвшегося почетным президентом данного общества. После обеда великий князь побывал в столичном универмаге «Мицукоси» и осмотрел коллекцию музея Уэно (в настоящее время Токийский государственный музей), а вечером в здании русского посольства состоялся ответный ужин, на который были приглашены премьер-министр Окума и высокие чины из дипломатического и военно-морского ведомств. В тот же самый день великому князю были переданы подарки от японской августейшей четы — памятные фотографии и вышитая в традиционном японском стиле ширма.

Утром 15 января великий князь отправился вместе со своими спутниками и членами японской свиты на утиную охоту во дворец Хама-рику. Великому князю предоставили возможность самому подержать сеть и изловить несколько птиц необычным способом. В половине третьего великий князь в сопровождении наследного принца Канъин посетил усадьбу маркиза Маэды, где ознакомился с собранием редких вещей: в европейском здании усадьбы были выставлены древние книги, а в японском — боевые доспехи, мечи и другие принадлежности славного предка рода — Тосииэ (1539—1599). Необыкновенно удовлетворенный осмотром предметов традиционного японского искусства, великий князь заявил, что «русско-японская дружба стала даже крепче, чем простой союз»¹¹.

Необходимо обратить внимание на одну из важнейших сторон тогдашних русско-японских отношений, а именно финансовую. Существовали обстоятельства, позволявшие российской стороне рассчитывать на успешный исход переговоров и надеяться на отпуск японским правительством определенного количества оружия, прежде всего винтовок, которых так не хватало на русском фронте. Дело было в следующем: Япония не желала отпускать России оружие главным образом потому, что сомневалась в платежеспособности последней. Россия же не могла позволить себе вывозить за границу зо-

лото в больших количествах, так как это подрывало фундамент ее финансовой системы, державшейся на «золотом стандарте». Именно поэтому с начала ноября 1915 г. в Токио начались переговоры об открытии кредита для российского правительства. Сначала японский синдикат предложил следующие условия: 50—60 млн. иен под 7% годовых с вывозом в Японию 30 млн. рублей золотом (в то время курс рубля фактически равнялся курсу иены). Российская сторона отвергла данное предложение, однако в конце концов должна была уступить требованиям японской стороны и согласиться на вывоз определенной суммы в качестве залога¹².

Утром 8 января, в начале визита, когда поезд с великим князем только подходил к Пусану, в порт Майдзуру из Владивостока прибыли военные корабли «Токива» и «Титосэ». На борту «Титосэ» находились российские чиновники из министерства двора и правления Государственного банка. Они везли с собой ценные подарки японскому императору по случаю его коронации (например, среди них был роскошный журавль из золота и с платиновым клювом — подарок императора Николая II) и серебряные слитки стоимостью 10 млн. иен, передававшиеся Банку Японии в качестве залога. В обмен на серебро Япония соглашалась принять к оплате векселя российского казначейства на сумму в 50 млн. иен. Из них 15 млн. шли как бы на приобретение этого серебра, которое оставалось на хранении на Осацком монетном дворе, т.е. Россия уступала серебро Японии лишь временно. Взамен она получала право использовать в остальные векселя казначейства на сумму в 35 млн. иен для закупки оружия, боеприпасов и других товаров военного назначения.

Кроме того, банковские служащие должны были проследить доставку в Японию упакованных в 232 коробки 1247 золотых слитков стоимостью около 20 млн. иен. Последние причитались японской стороне в качестве «вознаграждения» за перевоз первой крупной партии золотых слитков — на сумму приблизительно 80 млн. иен — из Владивостока в Оттаву, в местное отделение Банка Англии (вывоз золота являлся необходимым условием русско-английского соглашения от 30 сентября 1915 г. о предоставлении России кредита на сумму в 25 млн. фунтов стерлингов). На момент погрузки во Владивостоке эти золотые слитки формально принадлежали Банку Англии, переуступавшему их в свою очередь японскому правительству. Из порта Майдзуру серебряные и золотые слитки под присмотром японских и российских чиновников были немедленно переправлены на Осацкий монетный двор, а чиновники министерства двора с ценными подарками направились в Кобэ, ожидая прибытия «русского посольства». Таким образом, великий князь прибыл в Японию отнюдь не с пустыми руками. Серебряные и золотые слитки должны были «умаслить» несговорчивых японских политиков и бизнесменов¹³.

15 января в резиденции премьер-министра состоялось внеочередное совещание членов правительства, посвященное вопросу военных заказов России в Японии. На этом заседании было принято решение «удовлетворить в некоторой степени пожелания России»¹⁴. Принятие этой резолюции, с одной стороны, демонстрировало «магическую силу» серебряных и золотых слитков, а с другой стороны, было следствием усилий генерал-фельдмаршала Ямагаты, считавшего необходимым закрепить во время мировой войны отношения с «северной соседкой». По-видимому, именно на этом совещании было принято окончательное решение о предоставлении России кредита. Именно в эти дни центральные газеты Японии сообщили о том, что японский банковский синдикат согласился принять к учету казначейские билеты российского правительства в размере 50 млн. иен.

Вечером того же дня в усадьбе президента Банка Японии Ятаро Мисимы (1867–1919) в районе Нихонбаси по инициативе Японо-русского общества состоялся званый ужин, на котором посланник русского царя вновь встретился с графом Тэраути и бароном Гото, увиделся с крупнейшими промышленниками и предпринимателями Японии того времени, такими как Эйити Сибусава (1840–1931), Кихатио Окура (1837–1928), Тораносукэ Фурукава (1887–1940), Такаминэ Мицуи (1857–1948), и другими рангом ниже. Думается, что именно вышеуказанные лица, связанные самым тесным образом с влиятельнейшими представителями кланов Тёсю и Сацума, и составляли ядро тех общественно-политических сил Японии, которые держали в руках будущее двусторонних отношений. Японо-русское общество выступало не более чем нарядной вывеской, за которой скрывались интересы вышеуказанных воротил японского финансового и экономического мира, стремившихся «застолбить» себе во время войны подобающее место на российском рынке. На политической арене их интересы особо настойчиво и энергично защищал заместитель председателя Японо-русского общества барон Гото, который, не занимая в то время никаких официальных постов, осуществлял связь между различными политическими и экономическими силами Японии. По-видимому, этот званый ужин был первым звучным аккордом во время пребывания великого князя в Токио. Он заставлял российского посланника надеяться, что мольба России о помощи будет услышана. А пока оставалось ждать, что решит японская сторона.

16 января в начале одиннадцатого утра великий князь со своей свитой отправился со станции Уэно в Никко. «Русское посольство» прибыло туда около 5 часов вечера, разместилось в одном из старейших европейского стиля отелей «Каная» и тотчас же отправилось в известное святилище Тосёгу к могиле основателя династии Токугава — Иэясу. На следующий день они совершили осмотр местных достопримечательностей, а вечером вернулись в Токио.

18 января российского посланника «потчевали» у себя японские военные. В первой половине дня великий князь сначала с нескрываемым интересом наблюдал за тем, как японские солдаты и офицеры владеют клинком и штыком, посетил армейские казармы, побывал на строевых учениях и увидел, как японские военные «отчеканивают» церемониальный марш. Затем он посетил Центральный кадетский корпус, где смог сам лично «проэкзаменовать» юных военных в знании русского языка, полюбоваться соревнованиями по борьбе *дзюдо* и поединками на клинках, а также посмотреть, как молодые японцы преодолевают полосу препятствий.

В полдень великого князя приветствовали в Токийском артиллерийском арсенале. Здесь российского гостя встретили высшие лица военного ведомства во главе с министром Окой и его заместителем Кэнъити Осимой (1858–1947). После обмена приветствиями великий князь встретился с техническим персоналом, отвечающим за изготовление оружия для российской армии, и вручил работникам памятные золотые и серебряные медали. После обеда в ресторане «Коракуэн», на котором присутствовали также наследные принцы Канъин и Куни, великий князь и его спутники отправились смотреть цех по производству винтовок, а затем вернулись обратно в Касумигасэки. Великий князь был необычайно поражен тяжелыми условиями жизни простых японцев, трудившихся в Арсенале, и решил пожертвовать 2 тысячи иен столичной администрации на улучшение жизни бедняков.

19 января для высокого гостя была организована экскурсия в город Камакура, а вечером во дворце в Касумигасэки был устроен званый ужин, на котором присутствовали представители императорского дома, маршалы, министры и другие важные лица.

20 января, в последний день пребывания в Токио, около полудня великий князь в парадном мундире и при орденах отправился в императорский дворец, чтобы попрощаться с японским монархом. Император Тайсё, облаченный в военную форму, встретил посланника в Палате Феникса. После недолгого разговора и совместного обеда процессия великого князя выехала из дворца. В 3 часа дня император прибыл к великому князю в Касумигасэки с ответным визитом.

Поздним вечером в Императорском театре по инициативе токийских промышленников и предпринимателей для российского князя был организован особый театральный вечер. Газета «Иомиури» описывала его следующим образом: «С самого утра в театре начались приготовления. У главных ворот, у южного и северного входов вывешены российские и японские флаги. Ими же украшены окна театра. С внутренней и наружной стороны помещение освещено иллюминацией. Разостланы новые ковры, тут и там расставлены саженцы растений *бонсай*. Температура в здании поддерживается на уровне от 19 до 21 градуса Цельсия. Повсюду растекается такой аромат, что кажется, будто находишься не на земле, а на небесах». Среди присутствующих можно было увидеть представителей императорского дома, известных политических деятелей, а также влиятельнейших бизнесменов. Заключительную точку в токийском пребывании великого князя также ставила японская экономическая элита, а не политики¹⁵.

Пребывание в Токио российского посланника подошло к концу, тем не менее, вопреки ожиданиям великого князя, японское правительство и японские экономические круги не собирались поставлять России оружие в ущерб своим собственным интересам: их интересовала выгодная его продажа. Идея русско-японского военно-политического союза, которую вынашивал князь Ямагата, также не находила особых сторонников в среде военных и дипломатов. Окура и Мицуи были готовы лишь оказать России помощь оружием, если военное министерство согласится уступить контролируемому ими концерну «Тайхэй кумиай» оружие по бросовой цене. Военное же министерство, вынужденное отчитываться перед японским правительством (а то, в свою очередь, перед парламентом), не могло предоставить России оружие в кредит, так как могло быть обвинено в подрыве безопасности страны и помощи «потенциальному противнику» в ущербе национальным интересам. В данных условиях единственным выходом из этого тупика был учет обязательств российского казначейства и подключение к этому делу японских экономических кругов, не связанных с концерном «Тайхэй кумиай».

Согласно источникам, в те дни, когда великий князь Георгий Михайлович находился в Никко, Малевскому-Малевичу от имени близкого к Ямагате известного промышленника Фусаносукэ Кухары (1869–1965), владельца компании «Кухара когё» («Горнозаводская компания Кухары», ныне известная во всем мире корпорация «Хитати»), было передано предложение о поставке России 600 тыс. винтовок и 600 млн. патронов к ним. Именно такого масштабного заказа и ждала российская сторона! 17 января посол сообщил об этом предложении министру иностранных дел Сазонову. Много сделавший для увеличения японских поставок оружия военный агент В.К. Самойлов (1866–1916) также докладывал в эти дни военному министру «о готовности японского правительства оказывать содействие в снабжении русской армии боевыми припасами». Однако, к горькому сожалению, Россия не обладала финансовыми возможностями для оплаты данного заказа. В ответе Сазонова от 21 января — уже после отъезда великого князя из Токио — послу предписывалось «затянуть переговоры, не предпреляя их исхода ни в положительном, ни в отрицательном смысле»¹⁶.

21 января великий князь Георгий Михайлович и его свита после девятидневного пребывания в Токио должны были отправиться в обратный путь. В половине десятого утра великий князь в обычном парадном мундире генерал-лейтенанта выехал из Касумигасэки и направился к Токийскому вокзалу. Процессия, сопровождаемая эскортом гвардейцев, проследовала по улицам столицы вдоль «живой изгороди» из солдат и школьников. На вокзале состоялись торжественные проводы высокого гостя. Здесь русского великого князя ожидали наследные принцы, послы ведущих держав, министры и другие гражданские и военные лица. После теплых рукопожатий и приветствий великий князь под звуки русского гимна произвел смотр строю японских гвардейцев и сел в вагон поезда. В 10 часов 50 минут особый поезд под крики «банзай» отправился в путь.

Впрочем, на этот раз путь был недолог: поезд следовал до станции Кодзу, откуда «русское посольство» в автомобилях направилось на снискавший славу японского «Баден-Бадена» курорт Хаконэ-Мияносита. Вечером следующего дня, после непродолжительного, но замечательного отдыха и осмотра живописных окрестностей, великий князь и его свита вернулись в Кодзу, откуда на поезде отправились дальше на запад.

Утром 23 января великий князь и его спутники прибыли в древнюю столицу Японии Киото. В распоряжение великого князя и его приближенных на трое суток предоставлялись номера в роскошном особняке «Тёракукан» («Место нескончаемого блаженства»), построенном в 1909 г. и названном так знаменитым князем Ито, который останавливался здесь перед самой своей смертью. Остальным лицам свиты были предложены номера в «Kyoto Hotel», в котором еще в 1891 г. жил будущий император Николай II.

Сразу же по приезде в Киото посланник русского царя в парадном мундире отправился в усыпальницу императора Мэйдзи и его супруги в местечке Момояма, где возложил цветы и поклонился праху выдающегося правителя Японии. Затем великий князь и его спутники отправились в Осаку, где посетили военный арсенал, занимавшийся производством боеприпасов для России. После осмотра цехов великий князь вручил работникам арсенала, отличившимся в труде, медали, памятные значки и подарки.

Утром 24 января представитель дома Романовых в сопровождении свиты посетил места, где всего два месяца назад проходила коронация императора Тайсё. Местные чиновники во главе с губернатором префектуры Киото показали гостю дворец Сисиндэн («Фиолетовые императорские палаты»), где проходила главная часть церемонии, а также одну из загородных резиденций императора — дворец Нидзё и некоторые другие достопримечательности. Затем российский посланник посетил фабрику ткацких изделий «Кавасима оримон», входившую в число поставщиков русского императорского дома, отстоял службу в местном православном храме (Соборе Благовещения Пресвятой Богородицы) и вернулся в «Тёракукан».

Во второй половине дня русского посланника вновь ожидала важная встреча. На этот раз великий князь должен был посетить расположенную в окрестностях города Кобэ усадьбу «негоцианта» Кухары, где ему был устроен роскошный прием. После обеда с русскими закусками гостю было предложено посмотреть специальное театральное представление и фехтовальные поединки на мечах, а затем отведать еще и японский ужин. Ясно, что встреча великого князя преследовала не развлекательные цели. Кухара, являвшийся фактическим наследником финансовой империи, построенной на рубеже веков Дэндзабуро Фудзитой (1841–1912), был одним из тех, кто готов был взять на себя выполнение заказа на изготовление 600 тыс. ружей и патронов к ним. Кухара являлся одним из «kozyрей» в той политической игре, которую на-

стойчиво и азартно вел генерал-фельдмаршал Ямагата. В телеграмме, направленной по просьбе великого князя в Петроград 27 января на имя Сазонова, особоуполномоченный императора просил министра иностранных дел передать министру финансов о том, что задержки по военным поставкам производят в Японии «тягостное впечатление» и что необходимо немедленно уплатить по исполненным заказам и внести задатки по контрактам, подписанным с японским правительством¹⁷. По-видимому, «тягостное впечатление» создавалось у великого князя вследствие продолжительной беседы с Кухарой, во время которой, можно предположить, японский бизнесмен связывал вопрос дальнейших поставок оружия в Россию со своевременной оплатой «живыми деньгами».

25 января великий князь посетил еще одну сокровищницу Японии — город Нара. По сообщениям японских чиновников, бывших с российским посланником в эти дни, великий князь, очарованный местными видами и древней японской культурой, каждый день слал телеграммы царю и находившейся в Англии супруге, урожденной греческой принцессе Марии, в хвалебных тонах описывая в них все увиденное. 26 января великий князь в сопровождении посланника Адати осмотрел достопримечательности Киото, а поздним вечером продолжил свой путь на запад. Кроме российских и японских лиц свиты вместе с великим князем находились посол Малевский-Малевич и морской агент Воскресенский.

Утром следующего дня поезд великого князя прибыл в город Хиросима. Из порта Удзина «русское посольство» на уже знакомом им линкоре «Касима» отправилось в Курэ, где великому князю и его спутникам предстояло осмотреть новейший Военно-морской арсенал (ныне на его месте расположен завод «INI Marine United», известный до недавнего времени под названием «Исикавадзима-Харима дзюкогё», выпускающий крупные гражданские и военные суда). После осмотра завода великий князь и его спутники вновь поднялись на борт флагмана и отправились на остров Миядзима, куда прибыли около 4 часов дня. Здесь была сделана последняя остановка в собственно Японии перед отбытием на материк. Рано утром 28 января 3-я эскадра вышла на рейд и взяла курс на Корею.

29 января линкор «Касима» и сопровождающие его суда прибыли в Пусан, где великий князь и его спутники пересели на особый поезд ЮМЖД и отправились в сторону Сеула. В столице Корейского генерал-губернаторства им предстояло стать на один день гостями графа Тэраути. В Сеуле великому князю также были оказаны соответствующие почести: его познакомили с местными властями города и различными его достопримечательностями.

Вечером 30 января «чрезвычайное посольство» снова двинулось в путь. Точно так же, как и во время следования в Японию, генерал Тэраути, посланник Адати и некоторые чиновники Корейского генерал-губернаторства проводили высокого гостя до станции Аньдун. Часть лиц японской свиты великого князя — контр-адмирал Мори, церемониймейстер Кимура и другие — сопровождала «августейшую особу» до Чаньчуня, куда «русское посольство» прибыло утром 31 января. Здесь великий князь распрощался с японскими военными и на поезде КВЖД направился со станции Куаньченцзы в Харбин.

После недельной инспекционной поездки по Дальнему Востоку, во время которой великий князь посетил Владивосток и Хабаровск, ознакомился с положением переселенцев и осмотрел лагеря военнопленных, 8 февраля особый поезд с великим князем и его свитой проследовал снова через Харбин на запад. 19 февраля после долгого 54-дневного путешествия длиной около 25 тыс. км великий князь Георгий Михайлович и его спутники благополучно прибыли в Петроград.

Спустя два дня, 21 февраля, великий князь встретился с императором и доложил о результатах поездки. Согласно представленному им отчету, в подробностях описывающему состояние российских заказов в Японии, за время пребывания великого князя в Стране восходящего солнца было сделано следующее: 1) начаты — как оказалось потом, пустые — переговоры с промышленником Кухарой о заказе 600 тыс. винтовок, 2) удалось добиться согласия японского правительства предоставить 100 горных артиллерийских орудий (в памятной записке, составленной на имя великого князя 27 декабря 1915 г., указывалось количество в 120 штук), 3) достигнуто соглашение о поставке Японией единовременно 20 млн. ружейных патронов (40% от запрашиваемого количества), 4) размещен крупный заказ на трехдюймовые снаряды для полевых орудий. Что касается винтовок и пулеметов, то неуступчивая позиция японского правительства в этом вопросе объяснялась нехваткой данного вида оружия в самой японской армии. В отчете, в частности, говорилось: «Уступка просимого нами количества пулеметов была бы равносильна разоружению в этом отношении японской армии». Доклад обращал серьезное внимание и на финансовую сторону вопроса. В качестве одной из главных проблем, тормозивших дело военных закупок в Японии, называлась в отчете проблема задержки платежей, кроющаяся в «позднем ассигновании Англо-Русским обществом в Лондоне (имелся в виду Англо-русский комитет по снабжению, или Англо-русский заготовительный комитет, образованный в Лондоне в начале войны. — Э.Б.) потребных на уплату по контрактам сумм»¹⁸. По сообщению японского военного агента Масадзуми Одагири, Николай II был крайне изумлен тем, что дело увеличения японских поставок оружия особенно не продвинулось¹⁹.

Тем не менее с исторической точки зрения следует признать, что миссия великого князя все же сыграла немалую роль в смысле укрепления русско-японского сотрудничества: размещение военных заказов на ружейные патроны, артиллерийские орудия и снаряды, окончательное решение о выделении России 50-миллионного кредита, открывшего путь дальнейшим поставкам боеприпасов, а также начало русско-японских дипломатических переговоров в феврале 1916 г. были, несомненно, следствием данного визита. Хотя на первый взгляд миссия великого князя состояла в выполнении простых дипломатических формальностей, достигнутым успехам Россия была обязана, как указывал в своем докладе начальник Дальневосточного отдела МИДа Козаков, той популярности, которую приобрел в Японии высочайший царский представитель «благодаря обаянию своей личности»²⁰.

Судя по воспоминаниям спутника великого князя профессора Могилянско-го, Его Высочество в полной мере осознавал долю своей ответственности за успех «чрезвычайного посольства» и прилагал все силы к тому, чтобы японская сторона уступила просьбам России о помощи. «Конечно, первая встреча, ее характер зависели от правительства... Не подлежит, однако, сомнению, что в дальнейшем росте энтузиазма и теплоты приема многое зависело от личности великого князя, его искреннего желания и заботы о том, чтобы всем вокруг него было легко на душе и спокойно. Начать с того, что великий князь без возражений принял почти всю, порою утомительную, программу, которая была выработана для приема Его Высочества... Великий князь всю программу активно проделал с улыбкой одобрения и благодарностью к устроителям и исполнителям всякой мелочи». Приоткрывая завесы «дворцовой» дипломатии, Могилянский свидетельствует: «А ведь были моменты нелегкие. Значительной выдержки требовало, например, выдержать весь четырехчасовой спектакль (устроенный японскими бизнесменами накануне его отъезда из Токио. — Э.Б.) и не подать виду, что это мучительно скучно. А уйдя великий

князь, сколько было бы нарушений в предположениях, сколько разочарований и огорчений!»²¹.

В завершение нужно сказать: успешным или нет оказалось «чрезвычайное посольство», сам великий князь приложил немалые усилия для благополучного исхода своей миссии — и отдать должное его «нецарственному» терпению и верному служению России в тот сложный исторический период. Изучение этого «августейшего» визита заставляет исследователя глубже задуматься о том, что представляла собой царская Россия и в особенности государственная жизнь страны накануне ее краха. Кроме того, изучение миссии великого князя Георгия Михайловича показывает, насколько важными для русско-японских отношений являлись связи между двумя императорскими домами.

Примечания

¹ 14 декабря 1915 г. Памятная записка по вопросу о предоставлении японским правительством из военного запаса ныне же для удовлетворения потребностей наших действующих армий некоторых средств государственной обороны. — Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 676 (великий князь Георгий Михайлович), оп. 1, д. 362: Памятные записки, ведомости и сведения о закупке в Японии орудий и боевого снаряжения для воинских частей (1 декабря 1915—19 января 1916 г.), л. 11.

² Дневник Министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. Подг. А.А. Попов. — Красный Архив. 1928, т. 6 (XXXI), с. 46—47.

³ Токио Асахи симбун. 08.01.1916, с. 4.

⁴ Токио Асахи симбун. 12.01.1916, с. 4.

⁵ Рококу кодзоку Джорджи Михайловичи тайко хонити иккэн (О визите в Японию члена российского императорского дома Его Высочества Георгия Михайловича). — Нихон гайко бунсё. Дай 1 сацу. Тайсё 5 нэн (Японские дипломатические документы. Т. 1. 1916 г.). Токио, 1967, с. 387—388.

⁶ Токио Асахи симбун. 13.01.1916, с. 5.

⁷ См.: Приамурские ведомости. 23.01.1916, с. 3.

⁸ Н.М. Могиланский. В гостях у микадо (Дневник). — ГАРФ, ф. Р-5787, оп. 1, д. 22, с. 48.

⁹ Рококу тайко то ото. Тайсё гонэн итигашу (Русский великий князь и ответ князя Ямагаты. Январь 1916 г.). — Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки: Сэйхэн омоидэ-гуса (Записи бесед Аритомо Ямагаты в начальный период Тайсё: Политические воспоминания). Токио, 1981, с. 79—82.

¹⁰ Иомиури симбун. 15.01.1916, с. 5.

¹¹ Иомиури симбун. 16.01.1916, с. 4.

¹² А.Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, с. 399—400; № 137. Нота российского Министерства финансов английскому послу в Петрограде, 5 февраля / 23 января 1916 г. — Международные отношения в эпоху империализма (далее — МОЭИ). Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. Серия III. М.—Л., 1938, т. 10: 14 января—13 апреля 1916 г., с. 145, прим. № 1.

¹³ См.: Сэйдзи Сайто. Нихон кайгун-ни ёру росиа кинкай-но юсо, 1916—1917 нэн (Переправка российского золота японским военным флотом в 1916—1917 гг.). — Кокусай сэйдзи. 1991, № 97: Сёва ки-ни окэру гайко то кэйдзай (Дипломатия и экономика в эпоху Сёва), с. 158—164; Осака Майнити симбун. 11.01.1916; А.Л. Сидоров. Цит. соч., с. 400.

¹⁴ Иомиури симбун. 16.01.1916, с. 2.

¹⁵ Иомиури симбун. 21.01.1916, с. 5.

¹⁶ № 69. Посол в Токио министру иностранных дел, 24/11 января 1916 г. — МОЭИ. Цит. соч., с. 72, прим. № 1, с. 73, прим. № 1.

¹⁷ № 107. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу. — МОЭИ. Цит. соч., с. 118, прим. № 3.

¹⁸ Доклад великого князя Георгия Михайловича о поездке в Японию. — ГАРФ, ф. 601 (Император Николай II), оп. 1, д. 796, с. 1—9.

¹⁹ № 283. Японский военно-морской агент в Петрограде Одагири товарищу японского военного министра Ошима. — МОЭИ. Цит. соч., с. 302.

²⁰ № 41. Советник IV политического отдела министру иностранных дел, 21/8 января 1916 г. — МОЭИ. Цит. соч., с. 42.

²¹ Н.М. Могиланский. Цит. соч., с. 48.

СЮМЭЙ ОКАВА: ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

В.Э. Молодяков*

В истории Японии XX в. Сюмэй Окава (1886—1957) занимает особое место, а его богатая событиями жизнь и противоречивая посмертная репутация отразили многие прихотливые узоры в судьбе его страны. Он не занимал никаких постов в государственном аппарате, но был вхож в высшие «коридоры власти» и в результате оказался единственным частным лицом среди бывших лидеров страны, преданных суду Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ). Он был хорошим администратором и удачливым бизнесменом, но отдавал все силы радикальной реформе системы, в которую столь успешно интегрировался, не останавливаясь перед насильственными, революционными методами. Он написал много ученых трудов и преподавал в престижных университетах, но запомнился современникам как пламенный публицист и трибун национальной революции. Он считался фанатичным националистом и врагом «белых», но превосходно знал западную культуру и предпочитал строгий европейский костюм традиционному кимоно. На протяжении многих лет он пользовался большой популярностью и влиянием в Японии, но за ее пределами известен только по имени и почти не привлекал внимания ученых.

Парадоксы судьбы Окавы этим не исчерпываются. На скамье подсудимых Токийского процесса он сидел — хоть и недолго — рядом с представителями режима, которые в 1932 г. отправили его в тюрьму как вдохновителя и идеолога антиправительственного заговора. Потом его «простили» и освободили, но он не козырял тремя годами, проведенными в заключении, и не изображал из себя жертву. В 1960-е годы вышло семитомное собрание его сочинений, но наследие Окавы не привлекло к себе того внимания, которое выпало на долю его бывшего друга, а затем соперника — идеолога государственного социализма Икки Киты, казненного в 1937 г. и посмертно прославленного в качестве борца с милитаристским режимом. Долгое время Окава оставался кумиром небольших, маргинальных националистических групп, в основном из числа его бывших учеников, а в исторических трудах упоминался, как правило, «за компанию» с другими «ультраправыми», «японскими фашистами» и «военными преступниками», без различия нюансов и оттенков.

Положение изменилось только в 1990-е годы, во многом благодаря работам историка Такэхиро Оцуки, показавшего полную неприменимость к Окаве традиционных идеологических дихотомий «левый — правый» и «прогресс — реакция»¹. Будучи националистом и врагом левых идеологий (коммунизм, социализм, анархизм) во внутренней политике, Окава не считал Советскую Россию врагом Японии на международной арене и, более того, полагал возможным некое сотрудничество с ней ради грядущего освобождения

Азии от гнета «белого империализма». Идеологи Коминтерна его сочинений, возможно, не читали, а вот их образованные референты и помощники наверняка ознакомились с ними. Будучи национальным и консервативным революционером, Окава призывал соратников изучать опыт Ленина, Ататюрка и Неру, извлекать из него уроки, но не копировать. В монографии «Консервативная революция в Японии: идеология и политика» (М., 1999) я показал, что идеи и деятельность Окавы отлично вписываются в общемировую парадигму «третьего пути», имеющего, по моему глубокому убеждению, не только прошлое, но и будущее. В новом тысячелетии в Японии наблюдается всплеск интереса к идеям Окавы о возрождении и единстве Азии, об экономических корнях японско-американских противоречий, наконец, о причинах и неизбежности межцивилизационных конфликтов, о чем он писал много раньше Хантингтона².

Через пятьдесят лет после смерти Окава перестает быть «историей», а такое случается не часто. Понимая уязвимость подобных сопоставлений, рискну сравнить его с «харбинским одиночкой» Николаем Устряловым — идеологом сменевеховства и национал-большевизма, идеи которого переживают сейчас второе рождение. Полномасштабное исследование жизни и деятельности Окавы в нашей науке еще впереди (за пределами Японии о нем не написано ни одной книги!). В настоящей статье я рассматриваю только один, наименее изученный период его жизни — последние годы.

30 декабря 1948 г. у токийской психиатрической клиники Мацудзава собралась небольшая группа людей. Из ворот вышел высокий худой человек в темном пальто и больших круглых очках. Судя по сделанной здесь же фотографии, лицо его было сосредоточенным и спокойным. Трехлетнее пребывание в неволе Сюмэя Окавы закончилось. Но как и почему он оказался в «психушке»?

2 декабря 1945 г. имя Окавы появилось в опубликованном Штабом оккупационных войск списке «военных преступников категории А» (главной), который американские журналисты цинично прозвали «хит-парадом Макартура». Включенным в список давалась неделя или десять дней на то, чтобы завершить свои «земные» дела, после чего за ними приезжала американская военная полиция и отвозила в одну из двух отведенных для них тюрем — Сугамо в токийском районе Икэбукуро и Омори на островке в Токийском заливе. Бежать никто не пытался — да и некуда было. Самоубийство тоже выбрали немногие.

12 декабря за спиной Окавы закрылись железные ворота тюрьмы Сугамо. Подавленный неволей, он вел себя беспокойно, хотя в отличие от большинства новых «товарищей по несчастью» — бывших министров, генералов, послов — имел за плечами опыт тюремного заключения. У него стала развиваться психопатия, на что обратили внимание психиатры, задачей которых было благополучно довести «пациентов» до начала открытого процесса. 3 мая 1946 г., в первый день работы МВТДВ, сидевший на скамье подсудимых Окава непрерывно вертелся, пытался снять не только пиджак, но и рубашку, а затем внезапно ударил ладонью по голове сидевшего перед ним бывшего премьер-министра Тодзио Хидэки³ и начал выкрикивать бессвязные фразы по-японски и по-английски (сохранились фотографии и хроникальная киносъемка). Случившееся скандализовало публику и подпортило общую торжественную картину «суда народов». По решению председателя заседание немедленно прервали, а когда оно возобновилось, Окавы на скамье подсудимых уже не было. Его поведение вызвало закономерные сомнения в душевном здоровье, поэтому по настоянию защиты была назначена врачебная экспертиза. Больного поместили в 361-й госпиталь армии США, где под строгим

контролем находились на излечении заболевшие «военные преступники». Вскоре врачи признали его невменяемым, а потому неподсудным. Трибунал согласился с их вердиктом.

Окава продолжал оставаться под арестом, но был переведен в больницу Токийского университета, а в августе 1946 г. — в психиатрическую клинику Мацудзава, где находился под постоянным наблюдением американских и японских врачей и вооруженной охраны, но в условиях несравненно лучше тюремных. Ему разрешили частое общение с женой и младшим братом, врачом-психиатром по специальности. Был ли Окава сумасшедшим? Директор Международной клиники в Токио, доктор Евгений Аксенов, в те годы регулярно наблюдавший его, как и других «военных преступников», несколько раз утвердительно говорил автору этих строк, что Окава был холериком от природы и несомненным невротиком (как заключили врачи, на почве перенесенного в молодости сифилиса), но умело симулировал такую степень сумасшествия, которая позволила признать его невменяемым. Советы брата-психиатра, которыми он пользовался, были как нельзя к месту. В быту Окава вел себя спокойно, много читал и писал и лишь иногда демонстрировал болезненное состояние, особенно когда в 1947 г. в прессу проникли слухи о его выздоровлении и возможном привлечении к суду. Эти толки возобновились осенью 1948 г., когда оккупационные власти рассматривали вопрос об организации второго Токийского процесса с Окавой в качестве одного из главных фигурантов. Однако после казни в ночь с 23 на 24 декабря 1948 г. семи «главных военных преступников» во главе с Тодзио «сёгун Макартур» распорядился освободить девятнадцать оставшихся «военных преступников категории А», которые находились в заключении, но так и не были преданы суду. Окава оказался в их числе. Можно сказать, что ему повезло: приговоренный к смертной казни за сотрудничество с режимом Муссолини, американский поэт Эзра Паунд провел в психиатрической клинике целых 13 лет.

Что ждало Окаву в новой, оккупированной Японии? Семья окружила его заботой и вниманием, но он остался практически без средств к существованию, поселившись с женой в префектуре Канагава, в старом деревенском доме, отремонтированном друзьями. Состояние, заработанное бизнесом и гонорами, которые регулярно поступали до конца войны, «съела» послевоенная инфляция. Надеяться на переиздание старых книг, большинство которых оказалось под запретом, не приходилось, равно как и на чтение публичных лекций, ранее дававших хороший доход. Формально Окаве не было запрещено выступать в печати, хотя по освобождению он был ограничен в правах. Мало кто отважился бы издавать и продавать новые книги столь одиозного и неуютного властям автора, однако надеяться оставалось только на них и на старые связи в журнальном и издательском мире. В заточении Окава написал большую часть полумемуарной, полуфилософской книги «Врата умиротворения» и перевел на японский язык Коран, пользуясь переводами на китайский и европейские языки, так как не знал арабского.

1949 год ушел на восстановление контактов с редакторами и издателями, на правку рукописей и чтение корректур. Перевод Корана был опубликован в 1950 г. издательством «Ивасаки», которое в 1961–1974 гг. выпустило посмертное собрание сочинений Окавы в семи томах. Японские мусульмане не считают этот перевод аутентичным, но с уважением вспоминают Окаву как идеолога единства Азии и сторонника сотрудничества Японии с миром ислама, о чем он неоднократно говорил и писал. Гораздо больший интерес вызвала публикация «Врат умиротворения», начатая в феврале 1950 г. журналом «Сэкай сьондзю». Первые главы были немедленно переведены на английский язык в Штабе оккупационных войск и приобщены к обширному досье на их

автора, который продолжал оставаться под постоянным наблюдением. Ничего «экстремистского» в рассуждениях о том, «может ли человек быть счастливым в тюрьме» и «может ли человек быть счастлив в сумасшедшем доме», не было, поэтому власти не препятствовали публикации. Рассчитывать на большее в условиях оккупации и постоянного полицейского контроля, разумеется, не приходилось. В 1951 г. «Врата умиротворения» вышли отдельным изданием, но особого успеха не имели — время не благоприятствовало подобным книгам.

Здорово и объективно — необходимость симулировать сумасшествие уже отпала — описывая свой опыт, Окава начал с разъяснения, что понимает под «счастьем» не «удовольствие», которого трудно ждть от тюрьмы или психиатрической клиники, но «умиротворение» (*анраку*), состояние спокойствия и внутренней гармонии. Он был убежден, что заключенные страдают не столько от физических, сколько от душевных, психологических мук, которые сам Окава, по его словам, научился преодолевать. Уже на первых страницах замечали привычные для его читателей ссылки на Милля, Аристотеля и Владимира Соловьева, трактат которого «Оправдание добра» Окава считал одной из главных книг своей жизни. Работа над переводом Корана, который давался с большим трудом, стала для него средством внутренней дисциплины, спасая от болезни (автор настаивал, что был тяжело болен, но излечился), меланхолии и депрессии. Упорство, с которым он с утра до вечера непрерывно покрывал иероглифами листы бумаги, убеждало персонал клиники в том, что больной — неизлечимый маньяк. Они не знали, что именно такими занятиями был заполнен его довоенный трехлетний тюремный срок, проведенный в гораздо худших условиях. Тогда Окава не только вел дневник и написал несколько новых книг, но, выйдя на свободу, смог в полном объеме вернуться к литературной и публицистической деятельности. Правда, к революции в Японии он уже не призывал.

«Врата умиротворения» стали последней прижизненной книгой Окавы и последним его крупным произведением. После нее он написал лишь несколько небольших статей, преимущественно для возродившихся с концом оккупации журналов националистической ориентации, вроде существовавшего до сих пор «Фудзи». Писать «в прежнем духе», как будто ничего не произошло, казалось ему бессмысленным даже в условиях свободы печати — ситуация в стране и мире изменилась кардинально и, на его взгляд, непоправимо. Поделившись во «Вратах умиротворения» опытом и размышлениями трех лет, проведенных в заключении, он как будто выговорился. В новой Японии места ему не было. Оставалось вспоминать о прошлом и осторожно высказываться по поводу настоящего — если спрашивали.

6 августа 1951 г. оккупационные власти сняли ограничения в правах с двух с половиной тысяч «ультранационалистов», рассчитывая использовать их в борьбе с коммунистическим и социалистическим движением. В отличие от них Окава был официально восстановлен в правах только в апреле 1952 г., причем с сохранением негласного надзора над ним. Он никогда открыто не выступал против оккупационных властей, но и не предпринимал никаких попыток сотрудничать с ними или хотя бы найти общий язык, как это сделали бывшие лидеры националистических организаций Ёсио Кодама или Рёити Сасакава, ставшие верными солдатами антикоммунистической и антисоветской «холодной войны». Даже по окончании оккупации Окава предпочитал не высказывать свое мнение о международных проблемах, а предаваться воспоминаниям о революционном прошлом или в общих фразах критиковать коррупцию и упадок нравов в послевоенной Японии, призывая к духовному

возрождению в традиционном духе⁴. Неудивительно, что некоторые молодые радикалы поспешили объявить его «лжепатриотом».

Окончание оккупации в апреле 1952 г. не внесло серьезных изменений в жизнь Окавы. Деятели возрождавшегося националистического движения, уже полностью утратившего консервативно-революционный, «третьепутейский» характер, почитали его как патриарха и пытались вовлечь в свою деятельность, но скорее в качестве «свадебного генерала», нежели активного участника. С одной стороны, это отвечало традициям японской политики, требующей присутствия почетных «старейшин» в любой организации: знаменитый политолог Масао Маруяма остроумно прозвал таких людей *о-микоси*, уподобив священному паланкину, который выносится только во время храмового праздника⁵. С другой стороны, сам Окава, которому в 1952 г. исполнилось 66 лет, не находил себе места в послевоенных националистических кругах, еще более раздробленных и окончательно маргинализировавшихся по сравнению с довоенным периодом. Все попытки объединения многочисленных, но ничтожных по количественному составу «ультраправых» организаций различного толка, начавшиеся после объявления «обратного курса» в 1951 г., закончились провалом (громкие заявления и воинственные призывы «вождей» не получили никакой массовой поддержки) и новой волной расколов и взаимных обвинений⁶. После участия в нескольких объединительных съездах и конференциях в 1952–1953 гг. национальные революционеры старшего поколения вроде Ниссо Иноуэ и Косабуро Татибаны предпочли остаться в стороне от непрерывных склок и предались писанию мемуаров и этико-философских трактатов.

Окава нашел себе весьма неожиданное занятие. С ноября 1953 г. он начал ездить по Японии с лекциями о... новых методах сельского хозяйства, чем вызвал пристальное внимание к себе американской контрразведки и местной полиции, исправно снабжавшей «большого брата» требуемой информацией. Он выступал преимущественно в домах зажиточных крестьян, способных вместить несколько десятков человек (такова, судя по полицейским отчетам, была его обычная аудитория), реже в помещениях школ и сельскохозяйственных организаций и кооперативов. На лекциях часто присутствовали полицейские в штатском, против чего Окава не возражал. Нетрудно предположить, что в устройстве скромных по масштабу, но многочисленных лекционных турне патриарха консервативной революции по деревням префектур Фукусима, Иватэ, Ямагата, Миядзаки, Нагано, Гумма участвовали националистические или ветеранские организации, где находились его поклонники. На коммунистов и социалистов имя Окавы продолжало действовать как красная тряпка на быка, о чем бы он ни говорил.

В чем была суть рекламировавшихся им новшеств, именовавшихся «сельскохозяйственный метод Дайва»? Окава предлагал подвергать находящиеся в земле зерна и семена воздействию электрического тока в течение тридцати минут с помощью специального аппарата (его описание и чертежи остались неизвестны автору этих строк), чтобы контролировать естественные электрические поля в почве, возникающие между сухими и влажными участками и ускоряющие рост сельскохозяйственных культур. Работу следовало начинать с измерения естественных электрических полей и определения их контуров. Дополнительно он предлагал использовать энергию электрических полей воздуха и ионизировать минеральные удобрения с целью повышения их эффективности⁷. В ряде случаев лектор демонстрировал свой аппарат на практике. В те годы во многих странах развернулось изучение естественного почвенного электричества и проводились опыты по электростимуляции жизнедеятельности растений. Автор настоящей работы некомпетентен оценивать предла-

гавшиеся Окавой методы (разработанные, надо полагать, не им лично), но революции в сельском хозяйстве они, во всяком случае, не сделали. Чиновники Министерства сельского и лесного хозяйства Японии отказали ему в поддержке, заявив, что сами долгое время вели подобные эксперименты, но не получили никаких значимых результатов. Ну а уверения Окавы, что этот же аппарат способен возвращать природный цвет седым волосам и лечить невралгию и зубную боль, не вызывали доверия даже в глухой провинции, поскольку явственно отдавали шарлатанством.

Утверждая, что пропагандируемые им методы позволяют вдвое увеличить урожаи риса и вдвое-втрое — урожаи бобов и картофеля, Окава заявлял, что его цель — не просто решение глобальных продовольственных проблем, но «возвращение на землю» всей нации и создание в Японии новой, сельскохозяйственной цивилизации на традиционной основе, поскольку капиталисты и рабочие находятся в состоянии непрерывного противоборства. Ни либеральный капитализм американского типа, о котором он высказывался неизменно отрицательно, ни коммунизм советского типа принципиально не подходят «стране богов» и «стране риса». Ничего принципиально нового в сказанном не было: к этому с начала XX в. призывали идеологи и практики *нохонсюги* — аграрного варианта японского социализма, близкого взглядам германских «фёлькише» и некоторых групп русских народников, — видевших корень всех бед в городской цивилизации и распаде освященного веками крестьянского уклада жизни. До войны урбанист и модернист Окава никогда — по крайней мере публично — не высказывал подобных взглядов, хотя блокировался с наиболее радикальными представителями *нохонсюги* вроде Косабуро Татибаны, стараясь привлечь крестьянство на сторону национальной революции⁸.

Что стояло за этой бурной деятельностью? Уверенность в гениальности своего метода? Желание заработать деньги? Легальное прикрытие для политической пропаганды и мобилизации возможных единомышленников? Возможно, и то, и другое, и третье. Во всяком случае, успеха он не добился и новой популярности не завоевал. 4 апреля 1955 г. 68-летний Окава потерял сознание во время очередного выступления и вынужден был прекратить чтение лекций, хотя продолжал вести переписку и изредка встречаться с «товарищами по оружию». Именно в связи с оружием его имя снова мелькнуло в газетах в августе 1955 г.: во время земляных работ у дома в токийском квартале Ками-Осаки, где Окава жил в годы войны (до августа 1944 г.), а также находилось общежитие одной из националистических организаций, были обнаружены 46 ржавых армейских пистолетов и один револьвер. По факту находки началось расследование (вырезка из газеты была подшита в досье американской контрразведки на Окаву), но бывшего хозяина дома оно, насколько можно судить, не коснулось и во всяком случае не имело для него серьезных последствий.

Большой радостью для Окавы стало полученное из Америки письмо Поля Ришара (1874–1967), французского философа-мистика, который еще до Первой мировой войны решительно отверг европейскую цивилизацию ради восточной и перебрался в Индию, выступая за ее освобождение от английского колониального господства. В 1916–1920 гг. Ришар и его тогдашняя жена Мирра Альфасса — будущая сподвижница Шри Ауробиндо Гхоша и «мать» его ашрама (духовного центра) в Пондишери в Индии — жили в Японии, которой оба искренне восхищались. Окава стал их ближайшим другом и единомышленником и перевел на японский язык некоторые сочинения Ришара. С отъездом последнего из Японии в Индию (где осталась Мирра), а затем в Европу в первой половине 1920-х годов общение прервалось, однако, работая в 1953 г. над воспоминаниями, натурализовавшийся к тому времени в США

философ тепло вспомнил старого приятеля, тем более что сам он даже после Второй мировой войны продолжал называть Японию «страной богов». Окава и Ришар обменялись несколькими письмами, но возраст и расстояние помешали им еще раз встретиться в этой жизни. После смерти друга Ришар прислал теплое письмо издателям собрания его сочинений, куда вошли и переводы его произведений, сделанные Окавой⁹.

Последняя значимая «невстреча» в жизни Окавы произошла незадолго до его смерти. 10 октября 1957 г. он получил официальное приглашение в индийское посольство на встречу с премьер-министром Джавахарлалом Неру, прибывшим в Токио с официальным визитом. Связь Окавы с индийским национально-освободительным движением, которому он всегда сочувствовал и по мере сил помогал, насчитывала более сорока лет: его первая большая работа, выпущенная отдельным изданием в 1916 г., называлась «Настоящее и будущее национального движения в Индии». После войны индийский премьер, возможно, предпочитал не вспоминать, что ему была посвящена одна из центральных глав в книге Окавы «Строители Азии», изданной в 1941 г., хотя через несколько месяцев после ее выхода Неру — в качестве лидера Индийского национального конгресса — отказался принять сторону Японии в войне против Англии. Тем не менее он пожелал встретиться с давним соратником, пусть даже получившим клеймо «военного преступника категории А», — как, кстати, и тогдашний глава японского правительства Нобусукэ Киси, прошедший три года в тюрьме, но так и не преданный суду. Однако Окава с марта 1957 г. тяжело болел и не смог принять приглашение индийского лидера, глубоко тронувшее его¹⁰.

24 декабря 1957 г. Сюмэй Окава скончался в своем доме от сердечного приступа в возрасте 71 года. На церемонию захоронения урны с его прахом в токийском храме Мэгуро-фудо в феврале 1958 г. собралось около трех тысяч человек. Лидеры враждовавших между собой националистических организаций и групп пришли отдать последний долг патриарху консервативно-революционного движения. Как остроумно заметил один иностранный наблюдатель, такое единство они демонстрируют только на похоронах и юбилеях. Но вряд ли кто-то из них мог тогда предположить, что идеям Окавы суждена столь долгая жизнь. Сегодня он уже перестал быть маргиналом, хотя еще не признан истеблишментом. Не станет ли двадцать первый век временем переоценки его наследия — в том числе за пределами Японии?

Примечания

¹ *Такэхиро Оцука*. Окава Сюмэй то киндай Нихон (Сюмэй Окава и современная Япония). Киото, 1990; *он же*. Окава Сюмэй: ару фукко какусинсюгися-но сисо (Сюмэй Окава: философия консервативного реформатора). Токио, 1995.

² Новейшие работы: *Масару Сато*. Нитибэй касйэн-но синдзицу. Окава Сюмэй тё «Бэй-эй Тоа синрякуси»-о ёмитоку (Правда о начале японско-американской войны. Читая и комментируя книгу Сюмэя Окавы «История американско-британской агрессии в Восточной Азии»). Токио, 2006; *Хидэюки Сэкиока*. Окава Сюмэй-но дайадзиасюги (Паназиатизм Сюмэя Окавы). Токио, 2007. В последние несколько лет в Японии переизданы книги Окавы «Введение в ислам», «2600 лет истории Японии», «Путь» (сборник лекций по философии этики) и «Исследование системы акционерных колонизационных компаний» (докт. дис.).

³ Беседа в начале сентября 1952 г. с неназванным по имени иностранным журналистом, Окава так объяснил свой поступок: «Обвинитель Кинан произнес утомительную тираду о правосудии и гуманности, а все 27 военных преступников, сидевшие перед ним, имели столь рабский и жалкий вид, будто совершенно забыли, как гордо они держались в годы войны. Их идиотский вид внушал мне такое отвращение, что я вопреки собственной воле хлопнул Годзио по лысой голове. Возможно, это было какое-то помутнение рассудка, но серьезных проблем с мозгами у меня не было». Интервью опубликовано 11 сентября 1952 г. в газете «Токио нити-нити»; англй-

ский текст, полученный непосредственно от интервьюера, находится среди документов Штаба оккупационных войск по наблюдению за Окавой. Копии части этих документов находятся в собрании университета Такусёку и впервые вводятся в научный оборот в настоящей работе.

⁴ Характерные примеры его работ тех лет: Сэйдзи-но фухай то Нихон какумэй (Коррупция политики и японская революция). — Нихон суюхо. 1953, № 4; Ямато гокоро-э-но фукки (Возвращение к «духу Ямато»). — Фудзи. 1954, № 5; Кита Икки кун-о омоу (Думая о господине Икки Ките). — Фудзи. 1958, № 2.

⁵ Масао Маруяма. Гункоку сихайся-но сэйсин кэйтай (Психология лидеров воюющего государства). — Маруяма Масао сё (Сочинения Масао Маруямы). Т. 4. Токио, 1995, с. 140–142.

⁶ Помимо обширной, но пристрастной, а потому неравноценной литературы на японском языке, отмечу информативную и до сих пор сохраняющую научную ценность монографию: *Ivan Morris. Nationalism and the Right Wing in Japan. A Study of Post-War Trends.* L.—N.Y., 1960.

⁷ В досье Окавы сохранился английский перевод буклета с кратким описанием «сельскохозяйственного метода Дайва», который он раздавал или продавал слушателям, но без каких-либо комментариев относительно его содержания.

⁸ Подробнее см.: В.Э. Молодяков. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999, гл. 5–6.

⁹ Воспоминания Ришара, изданные под редакцией и с дополнениями его сына, см.: *Michel Paul Richard. Without Passport: The Life and Work of Paul Richard.* New York—Bern, 1987. Подробнее об отношениях Окавы и Ришара см.: *Такэхиро Оцука.* Окава Сюмэй: ару фукко какусинсюгиса-но сисо, с. 73–84, 194–195; *Василий Молодяков.* Окава Сюмэй-но сэкай, сэкай-но Окава Сюмэй (Мир Сюмэя Окавы. Сюмэй Окава в мире). 2: Окава Сюмэй то Пору Рисяру (Сюмэй Окава и Поль Ришар). — Синнихонгаку. 2008, № 11.

¹⁰ Окава Сюмэй канкэй мондзё (Документы Сюмэя Окавы). Токио, 1998, с. 697–698.

На вкладке:
Храмовый комплекс Сэнгакудзи

**Как гласит надпись, здесь, недалеко от храма Сэнгакудзи,
совершили сэппуку 14 самураев**

Памятник Кураносукэ Оиси — князю, за которого отомстили 47 верных самураев

Могила К. Оиси

Могилы верных самураев

В день праздника в храм приходит огромное число людей

Тлеющие курительные палочки можно получить при входе на кладбище

Положив курительную палочку, каждый складывает ладони и почтительно склоняет голову

Шествие самураев завершается у могилы К. Оиси

Здание музея 47 самураев

Вид на ворота комплекса изнутри, со стороны храма

СЭНГАКУДЗИ ГЛАЗАМИ ФОТОГРАФА

О.В. Андреева

Публикуя фоторепортаж об очередной поездке в Японию, писатель и фотограф Евгений Козловский, поделился наблюдением: «Снимки от следующих поездок, как правило, оказываются бледнее, чем от первой... То ли свежесть впечатлений, то ли просто везло больше, но старый альбом показался мне все-таки лучше нового» (Digital camera. 2008, № 68). Возможно, такое отношение фотографа к собственным работам связано с эмоцией новизны и чувством необычности по отношению к снимаемым впервые объектам. Иными словами, нажимать на спуск гораздо приятнее, если видеоискатель направлен на новенькое. В такой момент впечатления сами собой концентрируются в кадре тем единым и неповторимым образом, ради которого и стоит расчехлять фотоаппарат, — в подтверждение мысли о первичности творческой составляющей самого фотографа по отношению к технике как вторичной составляющей съемочного процесса. Но не все так однозначно.

Профессиональные фотографы любят снимать одни и те же сюжеты: изучают предмет и условия съемки, тщательно подбирают соответствующие технические аксессуары и стараются предвидеть и учесть все возможные «неожиданности». Во время съемочной сессии уже не будет времени на переживание собственных эмоций и даже может не оказаться достаточно времени для главного — установки оптимального режима параметров съемки. Вот почему фотографы тратят много времени на предварительную подготовку и неспешную *вдумчивую* работу — они точно знают, что хорошая фотография состоит из ряда правильно подобранных технических приемов.

Иногда «правильные параметры» приходится искать целый год. Особенно когда снимаешь архитектуру, сады и парки в Токио: близко расположенные друг к другу (практически вплотную) строения, узкие улочки, очень яркое солнце... Приходится ждать погоды или выбирать для съемки другой предмет, тот, что «выгоднее лежит». Лучшие фотографии японской столицы сделаны с вертолета и с обзорных площадок 250-метровых зданий, так как больше, кажется, неоткуда. Если нет цели запечатлеть конкретный объект в лучшем его виде, а есть желание просто поснимать городскую жизнь такой, какой она открывается взору фотографа здесь и сейчас, то для творчества открывается очень много пространства. К тому же токийцы миролюбивы и снисходительны к объективам туристических камер: если у кого-то и нет желания или времени позировать специально для вас, то хотя бы активно протестовать они не будут. А это большой плюс.

Между тем при первом взгляде не всегда открывается характер объекта. И тогда приходится искать, ждать погоды или подходящего события. Например, храмовый комплекс Сэнгакудзи, знаменитый тем, что триста с небольшим лет назад там были похоронены «47 верных самураев», которые отомстили за своего сюзе-

рена князя Асано, доведенного до самоубийства (за подробностями отсылаю к роману Дзиро Осараги «Ронины из Аки», недавно переведенному на русский язык Александром Долиным), по внешнему облику мало чем отличается от множества других храмов. И так же как и другие токийские храмы, со временем он был вынужден потесниться и подпустить к своим стенам — практически вплотную — частные жилые дома. Из-за этого прекратился равномерный доступ солнечного света на ворота со стороны входа, и примерно половину кадра с видом занимает резкая тень. Припаркованные машины тоже стали постоянным фоном панорамного вида ворот, поэтому я предпочла изобразить ворота в деталях — только небольшой фрагмент, не теряя, впрочем, надежды в будущем найти более подходящее решение. При продвижении дальше на территорию храма и кладбища принципиальных сложностей в съемке больше не будет.

Каждый год 14 декабря, в день памятной годовщины, Сэнгакудзи превращается в место паломничества: с утра до вечера к могилам верных самураев идет нескончаемый поток японцев, и вся территория храма заполняется толпой — организованной, но все же толпой, где буквально яблоку негде упасть. Прозорливые фотографы заранее занимают выгодные места, потому что перемещаться с камерой сквозь людское море вслед за выгодным ракурсом сложно, и дожидаются основного зрелища — появления 47 самураев. Одетые в костюмы той далекой эпохи, ожившие герои под предводительством Кураносукэ Оиси торжественно входят на территорию храма и шествуют к могиле сюзерена с доказательством свершившегося отмщения — головой коварного Кира, доведшего его до *сэнпуку*.

В этот день возле захоронений как никогда дымно от множества тлеющих благовонных палочек. Легкий ветер не успевает развеивать дымку. Каждый пришедший кладет тлеющую палочку к могилам, складывает ладони и почтительно склоняет голову на несколько секунд. Это не только дань памяти ушедшим людям, это — преклонение перед верностью. Доблесть, мужество, смелость и честность — вещи обычные для самураев того времени, а верность сюзерену уже после его гибели именно эти 47 выразили убедительно, сполна.

Недалеко от Сэнгакудзи, на территории, некогда принадлежавшей храму, а сейчас застроенной жилыми домами, сохранен огороженный каменной стеной небольшой участок. На воротах всегда висит замок, но сквозь вырезанные щели на деревянной черной двери можно увидеть несколько больших камней на земле. Именно здесь, как гласит надпись на табличке, совершили *сэнпуку* 14 из 47 верных самураев, включая отца и сына Оиси. Снимок этого места можно сделать, если забраться повыше по выступам ограды справа: прохожих здесь мало, поэтому смеяться над действиями иностранца с фотоаппаратом никто не будет. Когда я проделывала этот трюк, прогуливающаяся в скверике пара пожилых японцев решила выяснить, что там мне понравилось, и подошла к памятнику посмотреть. Видимо, они не знали об истории этого места и, прочитав аннотацию, ушли, довольные своими впечатлениями.

Вообще японцам свойственно обращать внимание на предмет вашего интереса. Только вы соберетесь снимать какой-нибудь листочек-цветочек, мимо которого все проходят вполне равнодушно, как сразу желание сфотографировать его появится и у других. Нормальное отношение. Я люблю смотреть на чужие фотографии знакомых мне объектов и сравнивать с результатом собственных работ. Бывает, заимствую ракурсы, а бывает, поздравляю себя с оригинальным собственным решением. Опубликованные фотографии Сэнгакудзи мне почти не попадались: возможно, это место мало для кого становится художественно интересным, кроме документалистов. Правда, в день годовщины среди могил, на самом задымленном пятачке, я заметила одного японского энтузиаста, вынырнувшего с камерой из густого тумана прямо передо мной. Интересно было бы взглянуть на его «урожай».

РУССКАЯ ТЕМА В ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

А.А. Долин

Долин Александр Аркадьевич родился в 1949 г. В 1971 г. окончил японское отделение Института восточных языков при МГУ (ныне ИСАА), до 1992 г. работал в Институте востоковедения АН СССР. Защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Поэзия японского романтизма». В 1978 г. по этой же теме опубликовал первую монографию. В годы работы в Институте востоковедения много переводил, большей частью японскую поэзию. В 1992 г. уехал на работу в Японию в Токийский университет иностранных языков, где проработал 12 лет, получив звание профессора сравнительного литературоведения. В 1995 г. в России вышел его перевод классической антологии «Кокинсю», удостоенный премии Всеяпонской ассоциации художественного перевода «Выдающийся вклад в культуру». В качестве переводчика участвовал в издании свыше десяти больших сборников и антологий японской поэзии. В течение нескольких лет вел на радио NHK в редакции вещания на Россию авторскую программу «Японская поэзия». Много печатался в японской прессе. С 2004 г. работает в новом экспериментальном Международном университете Аката.

В истории мировой культуры существует немало мифов, отражающих вековую мечту человечества об идеальной стране, далекой и манящей «Индии духа». Однако, как это ни странно, никаких академических исследований на эту тему, включающую исторический, религиозный, этнопсихологический и культурно-антропологический аспекты, по-видимому, пока не проводилось.

В целом все мифы такого рода могут быть условно разделены на две большие категории: мифы, представляющие сверхъестественный идеальный мир, и мифы, описывающие в том или ином виде Царство Божие на земле. К первой категории можно отнести все имеющиеся легенды о рае: Элизиум древних римлян, даосскую страну Персикового источника в древнем Китае, буддийскую гору Хорай (Пэнлай), Валгаллу германских племен, мусульманский рай с прекрасными гуриями, Эдем, или христианское Царство Небесное. Почти у каждого народа существует своя легенда о рае, которая часто перекликается с аналогичными легендами и мифами других племен и народов.

В то же время в различные исторические эпохи многие народы пытались создать мифы другого рода, предполагавшие наличие идеальной страны где-то в пределах Ойкумены. Во времена, предшествовавшие Великим географическим открытиям, рай на земле обычно помещался не слишком далеко от дома — как, например, Счастливая Аркадия древних греков (которая была всего лишь провинцией на Пелопонесском полуострове) или Земля Обетованная древних евреев, которая находилась в Палестине, в каких-нибудь трехстах километрах от Египта. Позже легенды о несметных богатствах и удивительных достижениях культуры далекой Аравии, неведомой Индии или государства инков вели искателей приключений на поиски Эльдорадо во все концы света.

На Руси с XIII в. в эпоху монголо-татарского ига получила хождение красивая легенда о счастливом Беловодье и невидимом граде Китеже. Миф о счастливой земле прослеживается в большинстве религий Востока, в том числе, конечно, и в Японии, где он наиболее отчетливо представлен в учении секты Чистой Земли — Дзёдо. Развитие того же мифа можно найти в идеологии различных социальных движений Востока и Запада — от тайпинов в Китае до французских якобинцев, не говоря уж о великом советском эксперименте, авторы которого попытались в буквальном смысле сказку сделать былью, не скупясь при этом на человеческий материал. От учений Фурье, Сен-Симона и Оуэна протягивается прямая линия к социалистическим режимам Европы и Азии, с одной стороны, и к нацистским утопиям об арийском рейхе, наследующем сокровенные тайны восточной духовности, — с другой. В те же самые годы миф об «американской мечте» побудил к эмиграции в Новый Свет миллионы людей в Европе и Азии.

Однако, каков бы ни был образ Земли обетованной, идеальным он мог оставаться только в легендах, до соприкосновения с реальностью. Для искателей золота в джунглях Амазонки, для узников ГУЛАГа и американских безработных миф об идеальной стране достаточно быстро рассеивался. И тогда создавался новый миф, поскольку этого требовало общественное сознание.

Более ста лет в странах Запада бытовал миф о «прекрасной Японии», инициированный Лафкадио Херном и артикулированный в новейшее время Ясунари Кавабатой в его Нобелевской речи, которая известна в России под символическим названием «Красотой Японии рожденный». От «жапонизма» начала XX в., породившего немало шедевров живописи и прикладного искусства «а ля Жапон», Запад перешел к другим видам япономании, в основе которой, конечно, все тот же миф об идеальной стране.

«Экономическое чудо», сделавшее Японию второй индустриальной державой мира, добавило к элементам традиционного восприятия Японии пиетет по отношению к ее передовым технологиям. За послевоенные десятилетия поток академической и популярной литературы о Японии породил в культурологии целую субдисциплину, которая получила название «нихондзинрон». Бесчисленные теории об «исключительности японской цивилизации», нашедшие обоснование в трудах видных ученых и целого легиона журналистов, привели в конечном счете к укоренению мифа, большая часть которого ничуть не отличается от мифов древности о Счастливой Аркадии, Аравии или Индии. Правда, на Западе миф о Японии был сильно размыт регулярными практическими контактами и колоссальным туристическим обменом, но пока об исчезновении его говорить не приходится. Лишь в последние годы миф о «великом и загадочном Китае» в сознании народов мира сильно потеснил миф о Японии.

Тем временем в России вот уже более полутора десятилетий длится очередной бум япономании, основанный на мифологеме «идеальной страны» и превосходящий все мыслимые масштабы. Мода на японскую пищу, японский интерьер, японские одежды, кино, *манга*, литературу, боевые единоборства, *икэбану*, *оригами*, чайную церемонию по силе влияния на умы в России сопоставима с подобными тенденциями на Западе. Красота японских женщин для русских — неоспоримый факт, как и кулинарные достоинства соевого творога *тофу* или соевой пасты *натто*. Причина, очевидно, в разнице условий жизни в России, на Западе и — по контрасту — в Японии. Идеальной страной для русских, и бедных и богатых, ныне стала не Америка (как было в доперестроечную эпоху), а Япония. Именно Япония предстает в российских средствах массовой информации страной мудрецов, поэтов, эстетов, аскетов, певцов, борцов, кулинаров, гурманов, парфюмеров, дизайнеров и мыслите-

лей, которые все поголовно слагают дивные непонятные вирши, пишут тушью на шелке, выращивают *бонсай*, кушают сырую рыбу, заедая соевой пастой, и давно разгадали тайну бытия при помощи психотехники Дзэн. Причем все эти качества проецируются на всю нацию и каждого ее представителя в отдельности.

Возможно, отчасти так оно и есть (это предмет отдельного исследования), но все в мире относительно. Парадоксально, но факт: на протяжении многих десятилетий лучшие умы Японии в том же самом качестве воспринимали Россию...

* * *

В конце XIX в. Россия занимала в сознании японцев особое место, заметно выделяясь из ряда западных великих держав. Великобритания, Франция и Германия олицетворяли западную цивилизацию с ее традиционными культурными ценностями, нравами и обычаями, с ее технологиями, новейшим оружием и сугубо прагматической ориентацией. Россия же, тоже великая держава, к тому же расположенная поблизости, воспринималась по-иному. Она являла собой образ бескрайней земли, населенной мужественным и добросердечным народом, страны великой культуры, которая оказалась на редкость близка по духу новой японской интеллигенции. Именно так рисуют Россию японские поэты первой половины XX в.

Русско-японская война, продемонстрировавшая миру примеры редкостной отваги и героизма обеих сторон, заставила русских уважать своего недавнего противника. Японцы же, преисполненные радости победителей, испытывали сложные чувства по отношению к поколебленному евразийскому колоссу. Во всяком случае война подогрела взаимный интерес деятелей культуры обеих стран и подтолкнула их к созданию мифов о «прекрасной стране» по ту сторону Японского моря

К началу XX в. великие русские писатели — Гоголь, Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов — были уже достаточно хорошо известны в Японии. Именно гуманистический пафос русских классиков снискал России репутацию чудесной страны, в которой крестьяне трудолюбивы, честны и талантливы, помещики богаты, благородны и гостеприимны, женщины добродетельны и очаровательны. В то же время из произведений классиков явствовало, что русские склонны к философствованию, сентиментальны и легко ранимы, что они готовы поддаться соблазну, чтобы потом истово каяться даже в мелких прегрешениях. Они экстравертны, всегда готовы излить душу постороннему и к тому же постоянно заняты мучительным самоанализом. Они любят пить, есть и кутить независимо от своего социального положения. Они живут в авторитарной стране, но ненавидят тоталитаризм и изобретают всевозможные учения, партии, движения, чтобы бороться за фантом свободы. Все эти черты русского национального характера — отчасти по причине сходства, но больше по причине различия — имели невероятную притягательную силу для прогрессивной японской интеллигенции либерального толка.

Такубоку Исикава, впоследствии знаменитый поэт жанра *танка*, одним из первых восславил «русского героя» в своем стихотворении «Памяти адмирала Макарова».

Со времен отрочества, проведенного в бедной северной деревне, Такубоку пристрастился к чтению Толстого и Достоевского, Тургенева и Горького. Огромная страна представлялась ему оплотом гуманизма и надеждой человечества. Он изучал Кропоткина и Бакунина, верил, что мировая революция начнется в России и оттуда распространится на сопредельные страны Азии. Рост

марксистского движения в России и первая (1905 г.) русская революция под-
сказали Такубоку темы многих стихов:

Кто меня упрекнет,
Если поеду в Россию,
Чтобы вместе с восставшими сражаться
И в бою погибнуть?!

Конечно, в действительности поэт не собирался присоединяться к русским
боевикам, но ему нужен был миф, нужна была «русская мечта», которую он
хотел завещать грядущим поколениям. Для Такубоку и его сподвижников
Россия стала воплощением всех социалистических чаяний, объектом почти
религиозного поклонения.

Русское имя Соня
Дал дочурке своей —
Что за дивное чувство,
Когда порою
По имени ее зову!..

В некоторых стихах увлечение поэта Россией носит характер навязчивой
идеи:

Почему, сам не знаю —
Русское имя Бородин
Весь день у меня на уме...

Однако основу этой русомании, вероятно, составлял тот «дух свободы», ко-
торый поэт усматривал в новой российской истории и культуре. Это следует
из программного стихотворения «После бесконечных споров» с его отсылкой
к героям-народникам. Стихотворение было опубликовано в 1911 г., вскоре
после суда над Сюсум Котоку и его друзьями, закончившегося казнью соци-
алистов:

Мы собираемся для споров, для жарких дискуссий,
И глаза наши горят не меньше,
Чем у русских юношей полвека назад.
Мы ведем бесконечные споры — «Что делать?»,
Но никто из нас не стукнет кулаком по столу
И не воскликнет: «В народ!»

Ближайший друг Такубоку и поэт «жизненной школы» Аика Токи разде-
лял эту страсть:

Перечитывая вновь и вновь,
Я снова скрываю слезы —
О эта книжка Тургенева в выцветшем переплете!

Некоторые стихотворения Аики полны странной ностальгии — как будто
бы поэт чувствует себя случайно родившимся на Японских островах по кап-
ризу кармы.

Пальцем вдаль указал —
Пространство преодолевая, полечу туда,
Где течет моя Волга!

* * *

Писатели и поэты либерального объединения «Сиракаба» («Береза») во главе с Санзацу Мусьякодзи, хотя и не столь патетичны, как поэты «жизненной школы», тем не менее тоже апеллируют к наследию русского гуманизма. На страницах журнала «Сиракаба» русская литература часто служила предметом дискуссий. Авторы «Сиракабы» впервые ввели в поэзию тему труда. Их произведения во многом были навеяны Октябрьской революцией и ее (скорее воображаемыми) последствиями. Здесь можно упомянуть такие стихотворения, как «Рис» и «Скрип телег» Мотомаро Сэнкэ, «Ночь в предместье» и «Новый ветер» Кихати Одзаки, «Крестьянин» Соносукэ Сато, «Рабочим» Кодзиро Фукуси. Хотя Россия и не указывается конкретно в этих стихотворениях, ее революционная энергия служит источником вдохновения поэтов. Кстати, любимыми европейскими авторами поэтов «Сиракабы» были Р.М. Рильке и Р. Роллан — оба страстные поклонники Советской России.

В первые годы Тайсё (1912–1925) «русский след» в японской поэзии *кин-дайси* оставили поэты так называемой «народной школы» (*минсюси-ха*) — Содзи Момота, Сёго Сиратори, Масао Фукуда. Идеологическую базу школы составляли идеи европейского либерализма и романы Толстого, Достоевского, Горького. «Народная школа» не принимала марксистского учения о классовой борьбе, видя альтернативу в «творческой активности» масс.

Русская тема была вдохновенно озвучена Содзи Момотой в его программном стихотворении «О Россия, ты мчишься, летишь!». Момота создал оду стране своей мечты, волшебной «птице-тройке»:

О Россия!
Ты мчишься, летишь
И в полете своем
Ты свободна!..
Мчишься ты надо всеми странами,
Надо всеми мятежами и сварами...

Это стихотворение служит, вероятно, наиболее колоритным и совершенным воплощением «русского мифа» с социалистической ориентацией. Без прямолинейного марксистского классового подхода автор воспекает «надежду прогрессивного человечества», лидера мирового интернационала. Факт тем более любопытный, что сам Момота никогда к социалистам не примыкал.

Другие поэтические объединения периода Тайсё, в особенности группы модернистского толка, тоже были увлечены «русским мифом». Поэты-модернисты именно в России искали и находили свою духовную родину. Так, Сайсэй Муруо, лидер течения неосенсуализма, относился к России и русским классикам с истинно религиозным пиететом. Его первый сборник 1918 г. «Стихи о любви» включает множество стихотворений на русскую тему: «Портрет Достоевского», «Вечер после первого прочтения „Братьев Карамазовых“», «Навеки» и др. В них мы снова находим «русский миф» в его сакрализованном варианте:

О, откуда же такие прекрасные люди?! —
Размышлял я, устремляясь туда душою.
Помыслы мои всегда стремятся к этой стране,
Что породила столько войн и революций.
(«В думах о России»)

Позже Сайсэй опубликовал три серьезных очерка о русской литературе: «Женщины в изображении Толстого», «Женщины в изображении Достоевского» и «Люди трагической судьбы». Его интерпретация Достоевского весьма близка к трактовке Будды или Христа. Сайсэй жаждал видеть в русской культуре квинтэссенцию западной цивилизации. Он часто ходил на концерты русских музыкантов (эмигрантов), рисуя в воображении образ идеальной страны титанов духа. При этом события Октябрьской революции и Гражданской войны не нашли в творчестве Сайсэя отзвука. Возможно, он считал их органичным продолжением истории великой страны, закрывая глаза на гибель миллионов.

Левоанархистские поэты из небольших объединений «Ака то куро», «Кусари», «Маво» не примкнули к основанной в 1922 г. компартии, но симпатии их были отданы Земле Обетованной — России. Сигэдзи Цубои, Дзюндзо Мацумото, Тодзабуро Оно были привлечены не только «социальным экспериментом» в России, но и осуществленными чаяниями русского авангарда, свершающейся революцией в культуре.

К тому времени работы русских авангардистов-художников были уже хорошо известны в Японии, поэтому, когда Давид Бурлюк в 1919 г. приехал в Японию, чтобы провести там два года, он был встречен с огромным энтузиазмом. Бурлюк успешно организовал ряд выставок авангардного искусства, выпустил брошюру о футуризме и непосредственно повлиял на творчество двух молодых поэтов — Рэнкити Хирато и Тая Камбары, которые перенесли на японскую почву опыт русского и итальянского футуризма. Он же зародил интерес к стихам Маяковского и других поэтов русского авангарда, которые с тех пор стали широко переводиться в Японии.

«Движение пролетарской литературы», к которому относились такие крупные журналы, как «Литературный фронт», «Пролетарское искусство» и «Боевое знамя», было основано на марксистской идеологии и полностью ориентировано на пропаганду марксизма. Для поэтов Сигэхару Накано, Хироси Макимуры, Хироси Нуямы, так же как для прозаиков Такидзи Кобаяси или Юрико Миямото, Советская Россия и в 1920-е, и в 1930-е годы представлялась Святой Землей, озаренной явлением Мессии. Работы Маркса и Энгельса рассматривались как Ветхий Завет, работы Ленина, а позже и Сталина — как Новый Завет. Едва ли можно найти хоть одного пролетарского поэта в Японии, не отдавшего дань русской революции. Спектр тем был весьма широк, а формы и жанры достаточно разнообразны: от наивной пасторали «Бедная Катюша» Фумико Хаяси до классических од — «Годовщина революции» Синкити Ито и «Россия строится» Тацуо Мураты. Огромную популярность завоевали переводы революционных стихов и поэмы Маяковского. Десятки, если не сотни пропагандистских стихов о России составили важный аспект деятельности «движения пролетарской литературы».

В 1930-е годы, когда милитаристские власти начали массированную атаку на пролетарскую литературу, многие литераторы левого толка вынуждены были совершить «поворот», отрекшись от своих убеждений, или даже перейти на позиции открытого сервилизма. Лишь единицы нашли в себе силы сопротивляться националистической идеологии. В «период мрака» открыто выражать свои симпатии революционной России осмелился только один поэт — Хидэо Огума. В таких его стихах, как «Песня выезжающей коляски, «О Волга-река!», «Хоть я и не обещаю...», Огума рисует светлый образ Страны Советов, государства равенства, братства и демократии, противостоящего всем темным силам. Стихи эти слагались в разгар сталинского террора, число жертв которого тысячекратно превышало потери среди японских социалистов и коммунистов.

Разумеется, японские литераторы были не одиноки. Многие лучшие умы человечества были введены в заблуждение пропагандой и очарованы мифом о счастливой стране, «где свободно дышит человек». Тем же мифом жило и большинство советских граждан. Для многих японцев Россия на протяжении всего двадцатого века оставалась идеальной страной, в которой мятежный дух великого народа порождает великие революции. Возможно, в том же причина необычайной популярности в Японии русских народных песен, которая лишь сейчас начинает ослабевать. Русский балет, опера, классическая музыка и литература были в глазах зарубежной интеллигенции символами «вечной России».

Именно в Японии «русский миф» выкристаллизовался в идиллическую форму, свободную от политических спекуляций. Именно в Японии сформировался широкий круг «любителей России и всего русского», которые с удивительным постоянством, из поколения в поколение, несмотря ни на что, продолжали верить в страну своей мечты. Продолжают верить и сейчас, хотя за последние десятилетия вера японцев в непогрешимость «русского пути» и преимущества русской духовности перед всеми прочими заметно пошатнулась. Кто знает, может быть, само существование этого мифа поможет и уже помогает возрождению России?

КУЛЬТ ГОРЫ ТАТЭЯМА

А.М. Дулина

Дулина Анна Михайловна в 2005 г. закончила отделение востоковедения (японский язык) гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета по специальности история и культура стран Дальнего Востока, защитив диплом на тему «Культ гор Японии: религиозно-мифологический аспект». С 2006 г. стажер-исследователь, а с 2008 г. аспирантка Тоямского университета в Японии. Сфера научных интересов: религии Японии. В данный момент занимается исследованием культа Хатиман.

Каждый, посетивший префектуру Тояма на острове Хонсю, обязательно совершит экскурсию на Татэяму, вторую по высоте (3003 м) гору после Фудзиямы, чтобы взглянуть на самый высокий водопад в стране (350 м), на самую большую криптомерию, полюбоваться с вершины прекрасным видом.

Но гора примечательна не только этим. Здесь, в монастырях, до сих пор проводятся сохранившиеся с древности уникальные религиозно-мистические обряды, которые принесли культу Татэямы известность по всей Японии.

Культ гор занимает особое место в системе религиозных верований японцев. Упоминания о священных горах и горных божествах встречаются еще в древнейших литературных памятниках — «Кодзики» («Записи о деяниях древности»), «Нихон сёки» («Анналы Японии»), географических описаниях «Фудоки», поэтической антологии «Манъёсю».

Так, в «Кодзики» и «Нихон сёки» горы упоминаются в нескольких мифах о творении всего сущего. Они являются важным ритуальным местом и в японской мифологии выступают как связующее пространство между небом и землей. Среди богов присутствуют особые горные божества. Главные божества синтоистского пантеона совершают важные религиозные действия в горах. В древних преданиях зафиксированы представления о том, что горы сошли с неба, а также верования о схождении небесных богов именно на горы. Так, бог Ниниги-но микото, являющийся первопредком императорского рода, спускается с неба на гору Такатихо.

С культом гор связаны представления о загробной жизни. Японцы верят, что в горы уходят души умерших. В горах они по прошествии тридцати трех лет очищаются от скверны, связанной со смертью, и становятся духами-предками, другими словами, горными божествами (*яма-но kami*). Весной горные божества спускаются в долину к своим потомкам для оказания помощи в посадке риса, а осенью — при сборе урожая, становясь на время божествами поля (*та-но kami*). По окончании земледельческих работ, получив угощение, они вновь возвращаются в горы уже в качестве горных божеств¹.

Превращение горы в священное место, где происходит очищение душ умерших, где обитают горные божества, повлекло за собой запрет восхожде-

ния на гору. Сакрализация горы привела также к превращению последней в «тело божества» (*синтай*), когда сама гора является божеством. Примером такой горы-*синтай* служит гора Мива в префектуре Нара.

С проникновением буддизма в Японию в середине VI в. меняется характер культа гор. Наряду с почитанием священных гор распространяется практика восхождения на горные вершины. Под влиянием даосизма и эзотерического буддизма появляется синкретическое течение «путь совершенствования и обретения чудотворных способностей» (*сюгэндо*), которое сохранилось до наших дней. Сторонники этого течения проповедуют аскетическую практику и подвижничество в горах ради обретения необыкновенных способностей. Основателем *сюгэндо* считается отшельник Эн-но гёдзя, который занимался аскезой на горе Кацураги, где овладел магией и научился творить чудеса. Таким образом, культ гор представляет собой сложный комплекс обрядов и верований, в котором имеют место не только элементы традиционных японских, но и иноземных религий.

Татэяма — одна из культовых гор Японии. Ее называют в числе трех священных гор (*санрэйдзан*) наряду со знаменитой Фудзи и менее известной Хакусан (префектура Исикава). Эти горы наиболее привлекательны для аскетов и паломников, которые способствовали широкому распространению их культа.

Красота Татэямы воспевается в поэтической антологии «Манъёсю», в стихах Якамоти Отомо²:

На белый снег,
Что даже летнею порой
Сверкает на горе Татэяма,
Не наглядеться: ведь недаром
Гора слывет в народе божеством!³

Упоминается Татэяма и в другом известном памятнике средневековой литературы — «Сборнике стародавних повестей» («Кондзяку моногатари сю»), составленном в XII в. Основными письменными источниками о культе этой горы являются «Великое сказание о горе Татэяма» («Татэяма дайэнги») и «Сокращенное сказание о горе Татэяма» («Татэяма рякуэнги»), относящиеся к эпохе Камакура (1185–1333). Оба памятника написаны в жанре религиозного произведения *энги*, в котором излагаются истории буддийских или синтоистских храмов, предания об их основателях, истории священных гор и их «открывателей», т.е. тех, кто «открыл» обряд почитания горы, явив на ней чудеса.

«Открытие» горы

Согласно источникам, Татэяма была «открыта» в 701 г. Легенда повествует, что ее «первооткрывателем» был Ариёри Саэги, сын наместника провинции Эттю (ныне префектура Тояма).

Однажды во время охоты в горах Ариёри ранил медведя из лука, тот бросился прочь и скрылся из виду. Ариёри пустился в погоню и оказался высоко в горах, где прежде никто не бывал. Нагнал он добычу у входа в горную пещеру. Такие пещеры считались местом перехода в иной мир. Но вместо раненого медведя Ариёри увидел будду Амида с торчащей в теле стрелой. Осознав содеянное, сын наместника раскаялся и обрел просветление, душа его и разум очистились. Нарек тогда Ариёри себя именем Дзико, что значит «Пе-

переродившийся благодетельным», и основал святилище на горе Татэяма. Позже здесь появились храмы Ивакурадзи и Асикурадзи⁴.

Примечательно, что в отличие от большинства историй об «открытии» гор «открыватель» этой горы — не последователь течения *сюэндо* (*сюэндзя*), обладающий чудесными способностями, и не буддийский монах, а охотник, т.е. мирянин⁵. Участие охотника в «открытии» горы отражает древние верования горных жителей. Среди преданий племен, в древности обитавших в этих местах, часто встречается легенда о некоем охотнике, который убил загадочную птицу *уто*⁶, за что попал в ад горы Татэяма.

Театр Но воплотил эту легенду в пьесе под названием «Уто». В ней некий монах совершает восхождение на Татэяму и встречает душу умершего охотника. Та рассказывает ему, что страдает в аду Татэямы, переродившись птицей за то, что при жизни охотник убил *уто*. По ее просьбе монах находит жену охотника и наказывает ей совершить приношения, чтобы спасти душу умершего.

В другой легенде горных племен птица *уто* как бы олицетворяет медведя, за убийство которого охотника ждет та же печальная участь — провалиться в ад⁷. Большинство легенд, сложных о Татэяме, рассказывают, как тот или иной персонаж попадает в преисподнюю этой горы.

«Открытие» Татэямы продолжалось вплоть до начала Х в. Последователи школы Тэндай и горные отшельники *сюэндзя* совершали восхождение на вершины Цуруги и Дайнити. Этот факт подтверждают найденные в горах металлические навершия буддийских посохов, датированные началом эпохи Хэйан (794–1185).

Подвижники способствовали популяризации культа Татэямы, рассказывая легенды о горе, главным образом сказания о перерождениях в Чистой Земле или о пребывании на разных уровнях ада горы. Без сомнения, представления об аде являются важным элементом культа Татэямы.

Ад горы Татэяма

Татэяма — гора вулканического происхождения, о чем свидетельствуют долины горячих источников и гейзеров вокруг, из которых вырываются клубы дыма, словно из самой глубины земли. Ядовитые серные пары наполняют воздух. На дне долины есть озеро с ядовитой серной водой. Неудивительно, что такая панорама послужила яркой иллюстрацией представлений об аде Татэямы. Еще с древности страх перед огнедышащими вулканами и кипящими гейзерами служил основой верований в гневных духов и демонов, обитающих в горах.

Однако широкое распространение представления об аде Татэямы получили в начале эпохи Хэйан в результате заимствования из буддизма представлений о рае и преисподней⁸. Известно, что с приходом буддизма воззрение на загробную жизнь японцев пополнилось богатой буддийской космологией. До этого несколько размытое представление о потустороннем мире сменилось систематизированным описанием ада с его многоуровневым строением. На древние представления японцев о том, что в горы уходят души умерших, где очищаются и трансформируются в духов-предков, произошло наложение буддийской картины ада.

В разнообразных письменных источниках говорится о культе ада Татэямы. В качестве иллюстрации можно привести несколько легенд. В «Записках о чудесах Лотосовой сутры в Японии» («Хонтё хоккэ гэнки») есть легенда «О женщине горы Татэяма, что в провинции Эттю». Совершавший паломничество на

Татэяму по просьбе души девушки, пребывавшей в аде этой горы, аскет посетил ее семью, проживавшую в уезде Гамо провинции Оми, и наказал ей переписать Лотосовую сутру, чтобы поднести ее душе девушки, благодаря чему она вырвалась из ада и переродилась на небе Торитэн⁹.

Подобная история, где душа умершей девушки обращается к монаху-паломнику, описана в «Кондзяку-моногатари». Дочь буддийского монаха уезда Гамо провинции Оми попадает в ад за грехи своего отца, который разбогател на изготовлении статуй Будды. Но умершую девушку спасает от мук ада переписывание раскаявшимся отцом Лотосовой сутры¹⁰.

В «Кондзяку-моногатари» есть сказание о другой девушке, которая спаслась благодаря Дзидзо босацу — бодхисаттве Кшитигарбхе. Бодхисаттва не только наказал семье покойной совершить приношение путем чтения Лотосовой сутры и изготовления статуи Будды, но, пока душа умершей была в аду, каждый день по несколько раз подменял ее и терпел за нее мучения, потому что она чтит бодхисаттву в прошлой жизни¹¹.

Другое сказание из «Кондзяку-моногатари» повествует о жене писаря провинции Эттю, которая после смерти провалилась в ад Татэямы. Ее сыновья, желая знать, где переродилась их мать, отправились на гору. Здесь они встретили горного старца *ямабуси*, который посоветовал им переписать Лотосовую сутру, чтобы их мать смогла переродиться в Краю вечной радости¹².

Во всех изложенных легендах описывается ад Татэямы, спастись из которого можно благодаря либо переписыванию Лотосовой сутры, либо приношением бодхисаттве Дзидзо. Причем в «Кондзяку-моногатари» говорится о том, что «множество грешников Японии попадет в ад горы Татэяма»¹³.

Возникает вопрос, почему именно ад горы Татэяма? Ведь по представлениям японцев, во многих горах, куда уходят души умерших, находится загробный мир. Видимо, особенности самой горы, ее Адская долина (Дзигоку дани) будили воображение, которое рисовало в красках все ужасы буддийского ада. Известность культу принесли горные отшельники, последователи *сюэндо*, которые совершали паломничество на Татэяму и рассказывали легенды об Адской долине.

Отшельники и монахи иллюстрировали свои проповеди, руководствуясь «мандалой Татэямы»¹⁴. Как известно, мандала представляет собой графическое изображение буддийского мироздания. Созерцание мандалы приводит к духовному просветлению и слиянию с космическим буддой Вайрочаной (по-японски — буддой Дайнити) — одним из пяти будд сострадания, которые помогают людям достичь просветления. Обычно мандала изображает два мира буддийской космологии — Мир алмаза (Конгокай) и Мир чрева (Тайдзокай). Миру чрева на мандале Татэямы соответствует изображение расположенных у ее подножия монастырей Асикурадзи и Ивакурадзи. Вершина Цуруги и равнина Амида (Амида-га хара) совпадают с Миром алмаза.

Помимо того что мандала является неотъемлемой частью эзотерического буддизма, она, представляя собой сакрализованное изображение горы, становится важным элементом культа гор. Происходит «мандализация» сакрального пространства, когда гора отождествляется с мандалой, а восхождение на гору — с процессом перехода от состояния ада к состоянию будды. Таким образом, аскеза в горах-мандалах помогает достичь просветления и слиться с буддой Дайнити¹⁵.

Однако мандала Татэямы отличается от «классической», двухчастной мандалы с изображением будды Дайнити в центре и бодхисаттв, помещенных в кругах и квадратах вокруг, меньшей схематичностью, а также обилием сюжетов.

Основные сюжеты мандалы выстроены трехъярусно, в соответствии с пространственной организацией буддийского космоса: нижний ярус (адское дно) — средний ярус — верхний ярус (буддийский рай), который олицетворяет будда Амида. Процесс созерцания мандалы ассоциируется с подъемом на вершину горы, к горным храмам. Нижний ярус уподобляется делам земным, средний — процессу очищения, верхний — просветлению, нирване, слиянию с буддой Дайнити, который изображен парящим на пятицветном облаке в окружении двадцати пяти бодхисаттв. Такой процесс очищения души можно проследить по одному из сюжетов мандалы, описывающему «открытие» Татэямы. Охотник Ариёри Саэги поднимается в гору, ведомый жаждой догнать добычу, но когда обнаруживает будду Амида, то раскаивается и очищается, приняв веру в него и его рай — Чистую Землю.

Сохранившиеся с древности названия горных вершин, ущелий, равнин также помогают проследить путь, который, согласно верованиям, проходит душа умершего: Адская долина, река Мертвых (Сандзу-но кава) — японский вариант реки Стикс, равнина Амида, вершина Чистая Земля (Дзёдо сан), вершина Дайнити.

Важно отметить, что в сюжетах мандалы особое внимание акцентировано на гротескном изображении ужасов ада, которые ждут всех грешников. Страданиям и наказаниям в аду посвящена значительная часть сюжетов. Например, запрет на восхождение на гору женщин, появившийся еще в древности, отражен в изображении дерева с женским лицом, ибо нарушившая запрет женщина превратилась в дерево.

Мотивы ада составляют большинство сюжетов мандалы: Огненная колесница, которая перевозит в ад души умерших; дворец Эмма; старуха-демон Дацуэба, отнимающая одежду у умерших, которые пересекают реку Сандзу; берег реки Саи-но кавара, где души умерших детей строят статую будды из камней, чтобы освободиться из ада; Путь скотов (*тикусё до*) — ад, где души умерших перерождаются лошадьми, волами и т.п.; Путь асуров (*сюра до*) — ад, где обитают демонические сущности. Мандала Татэямы изображает все шесть путей (*рокудо*) перерождений, или состояний, которые проходит человек в результате кармических воздаяний и наказаний. Таким образом, мотивы мандалы отражают трансформацию и содержание культа горы Татэяма.

Развитию представления об аде Татэямы способствовали и распространившаяся в середине эпохи Хэйан идея наступления эпохи Конца Закона (*маппо*) в 1052 г., и появившиеся религиозные произведения, описывающие муки ада и спасение в раю. Например, в «Сборнике важнейших [сведений] о возрождении [в Чистой Земле]», который написал монах Гэнсин (942–1017), рассказывается об ужасах ада и спасении в Чистой Земле будды Амида.

Представление об аде, а также культ Татэямы в целом довольно широко распространились по всей Японии. У подножия горы появились деревни, центрами которых становились синтоистские святилища и буддийские храмы, чьи настоятели возглавляли восхождения на священную гору. В эпоху Камакура храмы Ивакурадзи и Асикурадзи становятся важнейшими центрами культа Татэямы.

Деятельность храмов Ивакурадзи и Асикурадзи

Храмы Ивакурадзи и Асикурадзи находятся у подножия горы Татэяма. Причем храм Асикурадзи (досл. «Кладовая в камышах»), расположенный выше на четыреста метров, считается горным храмом (*яма-но мия*), главным святилищем, а Ивакурадзи (досл. «Кладовая в скале») — деревенским (*сато-но*

мия). Между ними существует тесная связь. Считалось, что божество горы перемещается между этими святилищами. Однако их роль в отправлении культа несколько различается. Храм Ивакурадзи, находившийся в селении, удовлетворял религиозные нужды местных жителей, связанные с повседневной жизнью и сельскохозяйственной деятельностью, такие как, например, встреча и проводы горного божества, спускавшегося в этот храм на время земледельческих работ для оказания помощи. Подобное функционирование буддийского храма говорит о заимствовании древнего обряда синтоистского святилища, находившегося прежде на этом месте.

Храм Асикурадзи практиковал восхождение на гору Татэяма. Считалось, что, совершив восхождение на вершину Татэямы, переродишься уже безгрешным. В этом и есть чудотворная сила горы, утверждали монахи. Множество паломников со всей страны стекались к подножию горы Татэяма. Последователи течения *сюэндо* почитали Татэяму как одно из важных мест культового восхождения.

Постепенно храм Ивакурадзи, сохранив за собой проведение обрядов земледельческого цикла, отходит на второй план, а Асикурадзи становится основным местом отправления культа Татэямы, суть которого заключается в последовательном восхождении на вершину и совершении соответствующих обрядов.

Главным объектом культа храма Асикурадзи издавна считается Омбасама, или Убасон, что в переводе с японского означает «Почтенная старуха». Этот культ корнями уходит в древность, в верования горных племен. Известно, что у горных жителей божество горы выступает в образе женщины, чаще всего уродливой, безобразной старухи, которая поджидает путников в горах. Итиро Хори предполагает, что эти представления восходят к верованиям в гору-Божественную мать-прародительницу, известную в мировой традиции как Богиня плодородия¹⁶.

Со временем культ Богини-прародительницы видоизменился под влиянием буддизма, и горная старуха-демон стала бодхисаттвой Каннон, милосердной покровительницей людей. Монахи и отшельники отождествляют Омбасаму также с реинкарнациями будды Амида и будды Дайнити и называют ее Великое воплощение Татэямы (*татэяма дайгонгэн*). Тогда же появляется и название вершины, на которой расположен храм Асикурадзи, — Дайнити.

В народе Убасон почитается как горная колдунья Дацуэба, которая, по преданиям, перевозит умерших через реку Сандзу и забирает их одежду, чтобы они не смогли вернуться в мир живых. Она отдает одежду старику Кэнъэо, который развешивает ее на деревьях вдоль реки. Однако в местности Асикура есть своя легенда, записанная в «Татэяма рякуэнги», которая гласит, что во времена сотворения мира с Неба спустилась богиня, в правой руке она держала семена пяти злаков, а в левой руке — росток конопли (символ монашеской одежды, которую шили из конопляной ткани). Она передала людям пищу и одежду, иными словами, стала Матерью-прародительницей всего человечества. Но богиня была смертна (особенность синтоистских божеств). После смерти она отправилась в мир иной, где стала богиней, которая управляет душами умерших. Эта легенда напоминает сюжет об Идзанами-но микото, описанный в «Кодзики» и «Нихон сёки»¹⁷.

Истоки легенды о богине смерти японские этнографы видят в следующем: топоним «аси» («тростник», «камыш») часто входит в название древних захоронений. Следовательно, Асикура — место древнего захоронения (могила Ариёри Саэги находится именно здесь), где упокаиваются души умерших. За вершиной Дайнити находится страна мертвых. Неудивительно, что именно

Асикурадзи играет важнейшую роль в культе горы Татэяма, приоритетное место в котором занимает представление об аде¹⁸.

Говоря о топонимах, интересно отметить, что в названии горы Ояма, на которой расположен храм Ивакурадзи, иероглиф «о» имеет значение «самец», т.е. мужское начало. Значит, согласно учению об инь-ян, храм Ивакурадзи символизирует собой мужское, светлое начало, а Асикурадзи — противоположное темное, женское начало. Храмы эти воплощают разные полюсы культа: Ивакурадзи — рождение (и связан с земледельческими обрядами), а Асикурадзи — смерть (и связан с культом ада и представлениями о загробной жизни).

Таким образом, в обрядовой деятельности обоих храмов прослеживаются древние пласты народных верований и более новые пласты привнесенных религий. Такая многослойность присуща всем культам гор в Японии. Однако в культе горы Татэяма присутствует редкий по своему содержанию обряд, который является его яркой особенностью.

Обряд «посвящения на мосту, покрытом белым полотном»

В Асикурадзи начиная с эпохи Камакура проводится уникальный обряд, заменивший обряд восхождения на гору, в котором могли участвовать только мужчины.

Согласно древней религиозной традиции, женщинам, как существам с рождения нечистым, запрещалась подниматься на священные горы. Заслушавшие они рисковали обратиться в камень или дерево, как повествует множество легенд. Но путь к спасению от мук ада был, и его проповедовали священнослужители храма Асикурадзи. Именно здесь проводится уникальный обряд очищения женщин — «обряд посвящения на мосту, покрытом белым полотном» (*нуно хаси кандзё э*), подобного которому нет во всей Японии¹⁹.

В день осеннего равноденствия женщины в одеждах умерших входят во «дворец», где Эмма, буддийский царь Яма, вершит над ними свой суд. Затем по устеленному белым (символ чистоты) полотном мосту они переходят реку Сандзу и оказываются во «дворце Убасон» (*уба до*). И здесь в кромешной тьме верующие женщины возглашают имя будды Амида (элемент, привнесенный школой Тэндай). Через некоторое время монахи распахивают двери «дворца», впуская лучи солнца. Внезапный свет создает такой эффект, что верующим кажется, будто они попали в Чистую Землю будды Амида. По преданию, этот ритуал придумала мать Ариёри, за что ее чтили как саму старуху Омбасаму или милосердную Каннон.

Как видно из вышеописанного, в культе горы Татэяма большое место занимают буддийские представления об аде, а также вера в спасение из ада и перерождение в раю, «Чистой Земле» будды Амида. Благодаря этому японский исследователь Х. Икэгами относит Татэяму к числу «буддийских гор» наряду с горами *синто*, горами народных верований и горами аскетических практик²⁰.

Кульг гор в Японии обычно обозначается термином «сангаку синко». Часто японские ученые употребляют термин «сангаку сюкё» («религия гор»), который указывает не на систематизацию представлений о горах, как того требует использование термина «религия», а на их всеобъемлющий характер, сложность и широту распространения. Специфика горных верований в Японии, безусловно, вытекает из особенностей религиозного мировоззрения японцев, которому свойствен синкретизм.

Культ горы Татэяма, который гармонично сочетает автохтонные японские верования (культ предков) и привнесенные религии (буддизм), является ярким примером «горных верований» Японии. И сегодня к подножию горы Татэяма со всей Японии стекаются паломники и просто туристы, желающие полюбоваться снежными вершинами, древними местами поклонения божествам и буддам, купить амулет, отгоняющий злых духов, знаменитые снадобья из трав Татэямы, которые якобы передают чудодейственные силы этой горы.

Примечания

¹ Янагита Кунио дзэнсю (Полное собрание сочинений Кунио Янагиты). Т.15: Сэндзо-но ха-наси (Рассказы о предках). Токио, 1998, с. 57.

² *Якомоти Отомо* (ок. 717–785) — поэт и составитель антологии «Манъёсю», придворный чиновник, наместник провинции Эттю.

³ Манъёсю. М., 1971, с. 145.

⁴ Татэяма рякуэнги (Сокращенное сказание о горе Татэяма). — Эттю татэяма кобунсё (Древние тексты о Татэяме провинции Эттю). Токио, 1982, с. 25.

⁵ *Сигэо Такасэ*. Татэяма синко-но рэкиси то бунка (История и культура культа горы Татэяма). Токио, 1981, с. 123.

⁶ *Тупик-носорог* — птица из семейства чистиковых, обитает на побережьях Северной Америки и Азии.

⁷ Татэяма рякуэнги, с. 27.

⁸ *Ацу Фукуэ*. Татэяма синко то татэяма мандара — асикурадзи сю то-но досин кацудо (Культ горы Татэяма и мандала Татэяма — деятельность монахов Асикурадзи). Токио, 1998, с. 178.

⁹ Там же, с. 181. *Торитэн* (санскр. Траястримса) — вторая из шести небесных сфер, относящихся к материальному миру согласно буддийской космологии. Находится на вершине мифологической горы Сумэру, где обитает бог Индра. Вокруг горы возвышаются четыре пика, на которых обитают по восемь небожителей, отсюда и название небесной сферы Торитэн — Небо Тридцати Трех, т.е. Индры и еще тридцати двух небожителей.

¹⁰ Кондзяку моногатари сю (Сборник стародавних повестей). — Нихон котэн бунгаку дзэнсю (Полное собрание классической литературы Японии). Токио, 1999, т. 35, свиток XIV, сказание 7, с. 425–428.

¹¹ Там же. Токио, 2000, т. 36, свиток XVII, сказание 27, с. 357–359.

¹² Там же, т. 35, свиток XIV, сказание 8, с. 428–433.

¹³ Там же, сказание 7, с. 426.

¹⁴ Мандала сохранилась до наших дней, ознакомиться с ней можно в Музее горы Татэяма в префектуре Тояма.

¹⁵ *А.М. Горбылев*. Эволюция представлений о сакральном пространстве в VII–XV вв. «Мандализация» пространства. — История и культура Японии. М., 2002, с. 129–137.

¹⁶ См. там же, с. 122.

¹⁷ *Сигэру Горай*. Яма-но сюкё сюгэндо (Религия гор: течение *сюгэндо*). Токио, 1991, с. 160; *Ма-кото Хиросэ*. Татэяма синко (Культ горы Татэяма). Тояма, 1969, с. 90–94.

¹⁸ *Ма-кото Хиросэ*. Цит. соч., с. 94–95.

¹⁹ *Сигэру Горай*. Цит. соч., с. 143; *Ма-кото Хиросэ*. Цит. соч., с. 97.

²⁰ *Хиромаса Икэами*. Сангаку синко-но сёкэйтай (Различные формы культа гор). — Сангаку сюкё-но сэйрицу то тэнкай (Формирование и развитие религии гор). Токио, 2000, с. 85–95.

ПРАКТИКА ДЗАДЗЭН В ЯПОНСКОМ ДЗЭН-БУДДИЗМЕ И МОЙ ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

С.А. Василюк

Василюк Светлана Анатольевна в 1989 г. окончила среднюю школу в г. Холмске Сахалинской области. В 1990–1992 гг. училась в Южно-Сахалинском государственном педагогическом институте на кафедре истории. Затем обучалась в университете Флорида Атлантик (США), где в 1999 г. получила степень бакалавра. В 2002 г. ей была присвоена степень магистра в университете Джона Хопкинса в Вашингтоне, а в 2006 г. — степень кандидата политических наук (Ph.D.) в университете Хосэй (Токио). Сейчас она преподает в университете Хосэй на кафедре политологии и работает научным сотрудником в Институте энергетической экономики в Токио.

Многие религиозные культы и течения получили распространение на территории Японии в результате контактов с внешним миром, продлившихся до начала периода самоизоляции страны в первой четверти XVII в. Случаи религиозной нетерпимости, хотя и имели место, особенно в отношении христианства в начале и середине XVII в., были крайне редким явлением. Различные религиозные течения и культы сумели «прижиться» в японском обществе, зачастую адаптировавшись к существующим традиционным обрядам и местным поверьям. Буддизм, проникший в Японию с континента в середине VI в., также не был исключением.

В результате его широкого распространения в Японии образовался беспрецедентный симбиоз буддизма с автохтонной религией — *синто*. Более того, и ныне, несмотря на попытки правительства Мэйдзи (1868–1912) поставить одну религию над другой, буддизм и *синто* остаются двумя ведущими религиями японцев.

В процессе адаптации к японской реальности буддизм разделился на несколько течений, наиболее интересным из которых на сегодняшний день является дзэн-буддизм, в свою очередь разделившийся на три школы. Со времени проникновения в Японию из Китая в XII в. он приобрел большую популярность среди населения, а также получил широкую поддержку у правящих и военных кругов феодальной Японии. В период расцвета дзэн-буддизма в XIII–XIV вв. его эстетическая концепция сдержанной, незатейливой красоты и природной гармонии оказала огромное влияние на культуру Японии, в частности на изобразительное и театральное искусство, литературу, поэзию, архитектуру, садово-парковое искусство. Принципы дзэн-буддизма заметно ощущаются и в боевых искусствах (*каратэ, дзюдо, кэндо, айкидо*). Знаменитая чайная церемония (*тядо* или *тя-но ю*) появилась на свет и получила распространение в Японии благодаря медитации *дзадзэн*. Зеленый чай начал ввозиться в Японию из Китая в первую очередь по заказу буддийских монахов, которые использовали этот напиток как стимулирующее средство

при медитации *дзадзэн*. Чаепитие, проводимое монахами с целью духовной подготовки к медитации, вскоре превратилось в ритуал, который рассматривался как процедура духовного обновления участников чайной церемонии. Дзэн-буддизм также повлиял на формирование социальных установок в японском обществе.

Дзэн-буддизм, как и другие течения буддизма, основывается на трех принципах веры: в Будду Гаутаму (но не как во всемогущего Бога, а как в исключительного человека, испытавшего абсолютное просветление); в Дхарму (причем реальность не разделяется на материальную и духовную, а выражается в космической взаимосвязи между всем существующим); а также в Сангху (буддийскую общину, основанную самим Буддой).

Основными положениями философии дзэн-буддизма являются три следующих принципа: пребывание в настоящем и погружение в данный момент; осознание и соблюдение принципа причинно-следственной связи и полной взаимосвязи, существующей в мире; а также следование «восьмеричному пути»¹, придерживаясь во всем умеренности.

Интересно отметить, что, с одной стороны, «настоящее» в буддийской философии воспринимается как существующая реальность, а с другой стороны (в этом и заключается парадокс), каждый момент реальности, существующий только в «настоящем», связан и обусловлен прошлым, от которого он вместе с тем не зависит. Так же и человек в своих действиях является одновременно и свободным, и «связанным» действиями других людей.

Кроме того, подобно другим религиям, в буддизме огромное значение придается следованию моральным и этическим принципам. От адептов ожидается соблюдение «десяти заповедей» буддизма: не убивать; не красть; не прелюбодействовать; не лгать; не клеветать; не грубить; не пустословить и сплетничать; не быть алчным; не причинять вреда другим; верить в закон причины и следствия, не отрицать существования будд, прошлых и будущих жизней, беречь три главные ценности буддийской веры — Будду, Дхарму и Сангху.

В отличие от других течений буддизма в дзэн-буддизме главное внимание уделяется процессу, благодаря которому возможно обретение всеобъемлющего познания, достигнутого самим Буддой Гаутамой. Согласно учению дзэн-буддизма, каждый человек, преодолев свое духовное невежество, сможет достичь стадии абсолютного познания и тем самым найти источник настоящего счастья и гармонии. Также предполагается, что на пути к своему просветлению и перерождению каждый человек должен отречься от логики материального мира и углубиться в познание самого себя. Поскольку существовали совершенно разные подходы к вопросу о том, как преодолеть человеческое невежество и достигнуть духовного прозрения, сформировались три основные школы — Сото, Риндзай, и Обаку, которые существуют и по сегодняшний день.

В школе Сото наибольшее значение придается практике *дзадзэн*, о которой будет сказано ниже. Школа Риндзай главным считает изучению *коанов*, философских головоломок дзэн-буддизма, которые могут быть разгаданы только на уровне интуиции и только теми членами этой школы, которые смогли достичь состояния абсолютного познания. В отличие от этих двух школ последователи школы Обаку призывали к преклонению перед именем и образом Будды, посвящая себя постоянным, ежедневным молитвам.

В данной статье особое внимание уделяется школе Сото — самой распространенной в Японии. Ее учение проникло в Японию из Китая и получило широкое распространение благодаря одному из основателей школы — Догэну (1200–1253). По возвращении из Китая, где он обучался основам китай-

ского чань-буддизма под руководством ведущих буддийских философов с 13 до 23 лет, Догэн начал распространять медитацию и философию дзэн-буддизма в Японии. В 1244 г. он основал храм Эйхэйдзи (в префектуре Фукуи), где провел все последующие годы.

Согласно учению Догэна, *дзадзэн* занимает очень важное место в философии дзэн-буддизма. Это нечто большее, чем просто «медитация в сидячем положении», которая практиковалась индийскими йогами задолго до появления дзэн-буддизма. По Догэну, основное значение практики *дзадзэн* в том, что это единственный путь, ведущий к абсолютному просветлению и обретению гармонии духа. Вместе с тем в школе Сото достижение состояния абсолютного познания, или просветления, не является главной целью *дзадзэн*. Парадокс учения Догэна заключается в том, что именно медитация в стиле *дзадзэн* может привести к абсолютному просветлению, но в то же время она сама как таковая и есть абсолютное и всеобъемлющее познание. Так, медитируя в тишине полутемного помещения, человек естественным образом приходит к абсолютному пониманию истины и бытия, существующих в окружающей его реальности и сосредоточенных в каждом текущем моменте «настоящего».

Дзадзэн обычно практикуется следующим образом. Медитация должна проходить в идеальной тишине, при закрытых дверях, в полусосвешенной комнате, желательно покрытой *татами*. Практикующий, который должен быть одет в удобную одежду, садится на низкую твердую подушечку (*дзабутон*) в удобной позе, полностью или частично скрестив ноги (в позе лотоса или полуплотоса), распрямив спину, слегка подняв подбородок, сложив руки одной ладонью на другую и держа глаза открытыми. Постоянно соблюдая прямую осанку, практикующий должен дышать спокойно и равномерно, при этом пытаясь остановить любую мыслительную деятельность, происходящую в сознании. Сознание должно находиться в состоянии так называемого «расслабленного внимания», достичь которого очень трудно, особенно начинающим. Тем не менее в процессе овладения медитацией *дзадзэн* практикующим становится намного легче освободиться от любых мыслей и контролировать свои желания, при этом углубляя самопознание и совершенствуя гармонию духа.

Учение Догэна о роли медитации *дзадзэн* зафиксировано в его философских трудах, наиболее важным из которых является «Сокровищница ока истинной Дхармы (Закона)» («Сёбогэндзо»). Постигание этого труда (состоящего из четырех томов в переводе на английский язык) особенно сложно для тех, кто мало знаком с философскими учениями буддизма. Даже опытные буддийские мастера стлкнувались и продолжают сталкиваться с многими трудностями при изучении и интерпретации этой работы. Согласно одному из ведущих современных мастеров дзэн-буддизма Гудо Нисидзимуе, особенность «Сёбогэндзо» заключается в том, что данная книга «разъясняет, чем отличается философский и рациональный буддизм от того, что мы обычно понимаем под „буддизмом“»². Большое значение в этой работе придается освещению практики *дзадзэн*, которая, согласно Догэну, представляет собой не что иное, как метод абсолютного познания действительности. Как говорит Нисидзима, «*дзадзэн* — это альфа и омега буддизма. Хотя различные теории могут быть интеллектуально привлекательны, быющее сердце буддизма скрывается в самом акте *дзадзэн*». Иначе говоря, *дзадзэн* является не только одним из популярных методов буддийской медитации, но и методом достижения внутренней гармонии посредством духовного пробуждения.

Те, кто регулярно практикуют медитацию *дзадзэн*, испытывают многочисленные положительные изменения в обычной жизни. Им со временем удается овладеть мастерством ставить барьер и даже полностью освободиться от так называемых «абсолютных» понятий и истин, негативного взгляда на

жизнь, а также от суеты мелких жизненных забот. Кроме того, было неоднократно подтверждено официальными медицинскими исследованиями, что практикующие медитацию *дзадзэн* испытывают множественные положительные эффекты, улучшающие их физическое здоровье и психическое состояние. Интересно отметить, что многие известные западные психологи и психиатры, такие как Карл Юнг, Карен Хорни, Эрих Фромм и др., также изучали эффект практики *дзадзэн* в плане исцеления всевозможных видов «блуждания разума».

Начиная с середины XX в. японский дзэн-буддизм начал распространяться в западной культуре, привлекая своей философией мирного сосуществования и достижения полной гармонии с окружающим миром. Эстетические принципы, гуманизм и универсальность дзэн-буддизма, а также импонирующие простота и относительная незатейливость практики *дзадзэн* обусловили широкое распространение этой философии как в Японии, так и в других странах мира. Хотелось бы верить, что благодаря дальнейшему распространению этой миролюбивой философии в нашем беспокойном и хаотичном и в то же время взаимосвязанном мире постепенно появится больше гармонии, понимания и терпимости в отношениях между людьми и народами.

Мое первое личное знакомство с практикой *дзадзэн* состоялось спустя месяц после прибытия в Токио осенью 2002 г. Получив двухлетнюю стипендию от Министерства просвещения Японии (ныне Министерство просвещения и науки) для исследований в области современных российско-японских отношений в университете Хосэй в Токио, я решила сделать все возможное, чтобы погрузиться в изучение японской культуры и языка. Несмотря на большую занятость в университете и мой хаотичный стиль жизни в Токио, которым, как кажется, заражаются многие иностранцы сразу же после прибытия в этот космополитический центр Японии, я стремилась воспользоваться любым случаем, чтобы приобщиться к пониманию новой для меня страны и культуры.

При первом же предложении поучаствовать в занятиях Кружка юных буддистов Токийского университета я загорелась желанием изучить совершенно новую для меня философию дзэн-буддизма и приобщиться к медитации *дзадзэн*, о которой тогда имела ограниченное представление. Проживая в США, где сейчас «бум здоровья», я часто слышала о положительном эффекте медитации, помогающей избавиться от стрессов современной жизни и приблизиться к состоянию нирваны. В то же время религиозным аспектам медитации почти не уделялось никакого внимания. Поэтому меня очень заинтересовало, каким образом медитация, в частности *дзадзэн*, могла бы привести к более глубокому пониманию и приобщению к японскому дзэн-буддизму.

При первом же посещении кружка мне удалось познакомиться с группой энтузиастов японского дзэн-буддизма школы Сото со всего мира и принять участие в их 30-минутной практике *дзадзэн* и прослушать лекцию, посвященную изучению работы «Сёбогэндзо». Оказалось, что Кружок юных буддистов Токийского университета проводит лекции о буддизме и медитацию *дзадзэн* в историческом культурном центре Токио Хонго-Сантэмэ уже на протяжении 30 лет. Собрания кружка проходят три раза в месяц, и приобщиться к японскому дзэн-буддизму школы Сото могут все желающие за символический взнос — 400 иен (около 125 рублей). В дополнение к регулярным занятиям участникам кружка предоставляется возможность дважды в год испытать буддийский «отшельнический» образ жизни, приняв участие в трехдневном «отлучении» на территории буддийского храма вдали от Токио, что позволяет участникам оторваться от ежедневной суеты и погрузиться в поиски духовного возрождения посредством практики *дзадзэн*.

Духовным лидером Кружка юных буддистов Токийского университета является 90-летний Гудо Нисидзима, который вот уже на протяжении 60 лет занимается практикой *дзадзен*, изучением и переводами работ Догэна. Более того, благодаря своему отличному знанию английского языка Нисидзима посвятил более 30 лет распространению знаний о японском дзэн-буддизме и медитации *дзадзен* за рубежом, до сих пор участвуя в лекциях, конференциях и исследованиях, несмотря на свой почтенный возраст.

Став регулярным членом кружка с декабря 2002 г., я получила редкую возможность приобщиться к изучению японского дзэн-буддизма в мультикультурном контексте. В сентябре 2003 г. меня пригласили прочитать доклад о социально-культурном аспекте японского общества на международной научно-практической конференции «Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур» в Сахалинском государственном университете. Проконсультировавшись с лидерами Кружка юных буддистов Токийского университета, я решила представить краткий доклад об истории японского дзэн-буддизма, который вызвал большой интерес, особенно среди студентов и научных работников факультета японской культуры (в настоящее время — кафедра литературы и культуры Востока). Несмотря на то что моя основная исследовательская деятельность не имеет прямого отношения к изучению вопросов японской культуры и религии, я до сих пор продолжаю посещать собрания Кружка юных буддистов Токийского университета, практиковать *дзадзен* и изучать философские труды Догэна под руководством учителя Нисидзimy.

Примечания

¹ «Восьмеричный путь» буддизма — это «правильные»: 1) взгляды, 2) мышление и размышление, 3) речь, 4) действия и поведение, 5) жизнедеятельность и род занятий, 6) усилия, 7) память и намерения и 8) медитация.

² См.: Гудо Нисидзима. *How to Practice Zazen*. Tokyo, 1990, p. 3–4.

ПОВЕСТЬ О ГЭНДЗИ
(Гэндзи-моногатари)

Мурасаки Сикибу

В четырех книгах

Перевод с японского и примечания
Татьяны СОКОЛОВОЙ-ДЕЛЮСИНОЙ

Книга 3

Первая зелень 2
(Окончание)

Гэндзи так редко бывал у принцессы, что уехать сразу же казалось ему неудобным, и хотя он изнемогал от тревоги... Но вот пришел гонец с известием, что у госпожи Весенних покоев прервалось дыхание, и Гэндзи, забыв обо всем, в отчаянии бросился на Вторую линию. О, какой мрак царил в его душе! Возле дома на Второй линии до самой Большой дороги толпились и шумели люди. Из дома доносились рыдания и стоны, позволяющие предположить самое худшее. Не помня себя от горя, Гэндзи вошел в покои госпожи.

— Последние дни она чувствовала себя лучше — и вдруг совершенно неожиданно... — рыдали дамы. — О госпожа, возьмите и нас с собою! — тщетно взывали они, теряя рассудок.

Алтари для оградительных служб были уже разбиты, и монахи один за другим уходили, стеная. В покоях остались лишь те, кому было положено там находиться. «Значит, это и в самом деле конец», — понял Гэндзи. Горе его было беспредельно.

— Все же не исключено, что это лишь козни злых духов. Не следует раньше времени предаваться отчаянию. — Успокоив дам, Гэндзи позаботился о том, чтобы были даны новые, еще неслыханные обеты, и послал за самыми известными заклинателями:

— Даже если исчерпала она отмеренный ей жизненный срок, разве не может он продлиться? Ведь существует обет великого Фудо⁴⁰, задержите же ее хотя б на полгода!

И, окутанные черным дымом, словно от их голов поднимавшимся, заклинатели принялись за дело.

— О, взгляните на меня еще хоть раз! — взывал к госпоже Гэндзи. — Я никогда не прошу себе, что не был рядом с вами в последний миг!

Казалось, что и он вот-вот расстанется с этим миром. Нетрудно себе представить, в каком отчаянии были дамы! Но вот — уж не потому ли, что стенания Гэндзи дошли до самого Будды, — злой дух, упорно не покидавший тела больной в течение долгих лун, перешел наконец на маленькую девочку-посредника и разразился стонами и проклятиями, а к госпоже вернулась жизнь.

Гэндзи возрадовался, но одновременно содрогнулся от ужаса. Усмиренный молитвами дух заговорил, и вот что он сказал:

— Уходите, все уходите, оставьте меня с господином. О да, я хотела отомстить вам за все обиды, за все испытания, выпавшие мне на долю. Но, увидев, сколь велико ваше горе, поняв, что оно может стоить вам жизни, я сжалилась над вами и обнаружила себя. Так, я приняла иное обличье, но прежние чувства и теперь живы в моем сердце, они-то и привели меня сюда. И хотя я решила, что никогда не откроюсь вам... — Тут девочка зарыдала, и волосы упали ей на лицо.

Вглядевшись, Гэндзи узнал духа, уже являвшегося ему однажды, и снова содрогнулся от ужаса и отвращения. Стараясь предупредить новый взрыв ярости, он схватил девочку за руку:

— Но могу ли я верить? Я знаю, что иногда лисы и прочие злые твари в безумии своем порочат память ушедших. Откройте свое настоящее имя! Или напомните о чем-то, что известно мне одному. Тогда я поверю вам.

И дух ответил, рыдая:

— Давно уже я
В ином пребываю обличье.
Ты же ничуть
Не изменился, все так же
Смотришь, не узнавая...

О, как тяжело...

Дух рыдал, извергая проклятия, и все же — нельзя было не узнать... Гэндзи в ужасе отшатнулся. «Я не должен разрешать ей говорить», — подумал он.

— Оттуда, с небес, я видела, сколь много сделали вы для моей дочери, и признательность моя безгранична. Но разошлись теперь наши дороги, и даже судьба дочери больше не волнует меня. Единственное, что осталось от меня в мире, — это мои обиды. Я хорошо помню, как вы пренебрегали мной, когда я была жива, как отдалились от меня... Но труднее всего смириться с тем, что теперь, когда меня нет уже в этом мире, вы, беседуя с возлюбленной супругой своей, говорите обо мне как о дурной, недоброй женщине. А я-то надеялась, что вы простили меня и не позволяете другим порочить мое имя... Потому-то я и приняла это ужасное обличье и столь упорно преследовала вашу супругу. В моей душе нет ненависти к ней лично, но вы находитесь под надежной защитой высших сил, и к вам я не сумела приблизиться. О, вы были так далеко, что до меня долетали лишь еле слышимые звуки вашего голоса. Умоляю, облегчите мои страдания. Все эти обряды, чтение сутр лишь усугубляют мои душевные муки. Мое тело обжог пламенем, и я не слышу священных слов. О, как мне горько! Прошу вас, расскажите обо мне Государыне. Пусть не допускает в сердце свое ревности и злобы. Скажите, чтобы добродетельными поступками постаралась она облегчить бремя, отяготив-

шее ее душу за годы, проведенные в Исэ. Ах, когда б вы знали, какое мучительное раскаяние терзает меня!

Она готова была продолжать, но Гэндзи показалось нелепым беседовать с духом, и он распорядился, чтобы девочку заперли, а госпожу потихоньку перенесли в другие покои.

Тем временем слух о кончине госпожи Мурасаки разнесся по миру, и у дома на Второй линии стали появляться гонцы с соболезнованиями. Право, не к добру...

В тот день весь двор отправился смотреть на возвращающуюся из Камо праздничную процессию, и многие узнали о произошедшем лишь на обратном пути.

— Какое несчастье! — сокрушались одни. — Кому же и жить, как не ей? Судьба всегда была к ней столь благосклонна, неужели в самом деле угас этот чудный свет? Наверное, поэтому и небо так потемнело — вот-вот польет дождь.

— Столь совершенные особы редко задерживаются надолго в этом мире, — возражали другие.

— Так что «могло быть милее нам»?⁴¹ Право, сказано словно о ней...

— Увы, слишком долгое благоденствие ей подобных кое для кого оборачивается порой жестокими муками.

— Уж теперь-то Третья принцесса займет в доме положение, приличное ее званию.

— Да, до сих пор она была лишена этого, бедняжка.

Среди возвращавшихся был и Уэмон-но kami, который, с трудом пережив вчерашний день, на сей раз все-таки поехал на праздник и взял с собой младших братьев своих — Садайбэна и Тосайсё. Он услышал, о чем переговариваются люди, и сердце его тоскливо сжалось.

— «Да и что в нашем зыбком мире...»⁴² — пробормотал Уэмон-но kami словно про себя и велел ехать на Вторую линию.

«А что, если слухи неверны? — подумал он. — Тогда соболезнования окажутся неуместными». Он сделал вид, что не имел иного намерения, кроме как по обыкновению своему справиться о здоровье госпожи. Но, увидев толпы рыдающих людей, понял: услышанное было правдой.

Приехал принц Сикибукё и, ничего перед собой не замечая, прошел во внут-

ренные покои. До того ли ему было, что-бы передавать Гэндзи чьи-то соболезнования?

К Уэмон-но ками, поспешно вытирая слезы, вышел Удайсё.

— Что же произошло? — спрашивает Уэмон-но ками. — Люди говорят недоброе, но поверить в это невозможно. Удрученные долгой болезнью госпожи, мы пришли справиться о ее самочувствии.

— Состояние госпожи давно уже внушало опасения, — отвечает Удайсё. — И вот сегодня на рассвете прервалось ее дыхание. Говорят, всему виной злые духи. Я слышал, будто жизнь вернулась к ней, и многие уповают на лучшее. Однако надежда слишком слаба. О, как это тяжело!

Судя по всему, он много плакал, глаза его покраснели и опухли от слез. Потому ли, что Уэмон-но ками и сам в те дни пребывал в несколько необычном состоянии духа, или по какой другой причине, но только ему показалось странным, что Удайсё так печалится из-за своей мачехи, которую почти не знал.

Многие приходили справиться о здоровье госпожи, и Гэндзи сказал:

— Передайте всем, что состояние больной давно уже было тяжелым, сегодня же нам показалось, что дыхание ее прервалось, и дамы, придя в отчаяние, подняли весь этот шум. Сам я до сих пор не могу успокоиться. Мысли мои расстроены, и свою благодарность за участие я выражу как-нибудь в другой раз. Надеюсь, меня извинят.

Уэмон-но ками, подавленный сознанием своей вины, вряд ли пришел бы в дом Гэндзи, когда бы не стечение столь горестных обстоятельств. Он казался смущенным, в движениях его ощущались неловкость и принужденность, а ведь будь он чист душою...

Даже после того как жизнь вернулась к госпоже, Гэндзи долго не мог унять мучительного беспокойства и заказывал все новые и новые молебны. Мясудокоро и живая была ему неприятна, а уж в этом неожиданном, страшном обличье тем более. При одной мысли о ней он содрогался от ужаса. Даже заботы о Государыне-супруге не доставляли ему теперь отрады, и в конце концов, придя к выводу, что все женщины по природе своей греховны⁴³, Гэндзи проникся величайшим отвращением к миру. В том, что это была

именно мясудокоро, он не сомневался, ибо кто, кроме нее, мог подслушать слова, произнесенные им однажды, когда они беседовали с госпожой наедине? Как тяжело было у него на душе! Госпожа упорствовала в своем желании стать монахиней, и, рассудив, что это и в самом деле может оказать на нее благотворное действие, Гэндзи разрешил ей подстричь волосы на темени и принять первые пять обетов⁴⁴.

Сколько мудрых и трогательных слов было сказано монахом-наставником, когда говорил он о благодати, осеняющей принявшего обет!

Забыв о приличиях, Гэндзи ни на шаг не отходил от госпожи. Плача и отирая слезы, он вместе с ней возносил молитвы Будде. Увы, в столь горестных обстоятельствах даже самому мудрому человеку трудно сохранить самообладание. И днем и ночью Гэндзи помышлял лишь о том, как спасти госпожу, как удержать ее в этом мире. Ничто другое не занимало его, он совершенно упал духом, лицо его побледнело и осунулось. В темные, дождливые дни Пятой луны больной стало немного лучше, хотя по-прежнему ее мучили боли, и говорить о выздоровлении было рано.

Желая облегчить страдания ушедшей мясудокоро, Гэндзи распорядился, чтобы в покоях госпожи ежедневно читали одну из частей сутры Лотоса и свершали самые действенные обряды. Отобрав монахов, известных особенно звучными голосами, он повелел им постоянно читать сутру у изголовья больной. Ибо дух время от времени обнаруживал свое присутствие, испуская жалобные стоны, и окончательно не покидал ее тела.

Наступила жара, госпожу мучили приступы удушья, она все больше слабела, и Гэндзи был в отчаянии.

Чувствуя, что вот-вот расстанется с этим миром, госпожа с болью смотрела на супруга. «Я не так уж дорожу жизнью, — думала она. — Его же страдания и теперь велики, а когда я уйду совсем...»

И вот, потому ли, что она принудила себя выпить целебного отвара, или по какой другой причине, но только к началу Шестой луны здоровье госпожи заметно укрепилось и она могла даже приподнимать голову.

Гэндзи никогда еще не находил ее такой прекрасной, но, увы, в этом тоже виделся ему дурной знак, и он не решался ее оставить даже на короткое время.

Принцесса же после того злополучного дня испытывала постоянное недомогание, и, хотя ничего угрожающего в ее состоянии не было, она начиная с прошлой луны почти ничего не ела, очень побледнела и осунулась.

Уэмон-но Kami, которому далеко не всегда удавалось справиться с обуревавшей его страстью, время от времени навещал ее, но их мимолетные, словно сон, встречи лишь усугубляли смятение, царившее в ее душе.

Принцесса благоговела перед Гэндзи, в ее глазах ему не было равных. А Уэмон-но Kami... Несомненно, любая другая женщина сумела бы оценить по достоинству благородство его манер, тонкую прелесть лица, но принцесса, с детства привыкшая видеть рядом несравненного Гэндзи, не испытывала к Уэмон-но Kami ничего, кроме неприязни, и можно только сетовать на судьбу, которая заставила ее так страдать из-за этого человека.

Заметив, в каком она состоянии, кормилица и прочие дамы не преминули попенять Гэндзи: «В такое время господину следовало бы навещать супругу почаще». Услыхав, что принцесса нездорова, Гэндзи решил навеститься в дом на Шестой линии.

Госпожа, изнемогавшая от жары, вымыла волосы, и это немного освежило ее. Она лежала, раскинув мокрые пряди вокруг себя. Сохли они медленно, но не сбивались, не путались, а струились красивыми волнами. Побледневшее и осунувшееся лицо ее было прекрасно, оно поражало какой-то особенной голубоватой белизной, прозрачная кожа словно светилась изнутри. Легкая и хрупкая, как пустая куколка бабочки, госпожа была необыкновенно хороша.

В доме на Второй линии долгое время никто не жил, и он успел прийти в запустение, зато теперь там было тесно и шумно. В последние дни, когда здоровье госпожи поправилось, она часто любовалась приведенным в порядок садом, светлыми ручьями, один вид которых веселил душу, и умиленно думала о том, что не зря задержалась в этом мире.

От покрытого цветущими лотосами пруда веяло прохладой, на прекрасных зеленых листьях словно драгоценные камни сверкала роса.

— Взгляните! — говорит Гэндзи. — Словно только им ведомо, что такое прохлада.

И, чуть приподнявшись, госпожа смотрит на пруд. А ведь совсем недавно трудно было даже предположить...

— Уж не сон ли, думаю я, на вас глядя, — говорит Гэндзи, и на глазах его появляются слезы. — Сколько раз мне казалось, что и моя жизнь вот-вот оборвется...

— Капли росы
Сверкают на листьях лотоса.
Увижу ли я,
Как исчезнут они? Моя жизнь
Продлится ль хотя бы настолько?—

говорит растроганная до слез госпожа.

— Поклянемся друг другу,
Что не только в нынешнем мире,
Но и в мире грядущем
Будем мы неразлучны с тобою.
Как на лотосе эти розинки, —

отвечает Гэндзи.

Уходить ему не хотелось, но прошло уже несколько дней с тех пор, как его известили о нездоровье принцессы, а он, целиком поглощенный заботами о другой, до сих пор не удосужился ее навестить. Вправе ли он пренебрегать чувствами ее отца и брата? К тому же теперь, когда свет блеснул наконец меж туч, ничто не мешало ему ненадолго отлучиться. И Гэндзи отправился в дом на Шестой линии...

Принцесса, терзаемая сознанием собственной вины, боялась смотреть Гэндзи в глаза и, с трудом скрывая смущение, не отвечала на его вопросы. Решив, что она обижена, хотя старается этого не показывать, Гэндзи принялся утешать ее. Призвав к себе даму постарше, он осведомился о самочувствии принцессы.

— Госпожа, судя по всему, в необычном состоянии, — объясняет дама.

Гэндзи поражен:

— Невероятно! Ведь так давно уже...

«Сколь прихотлива судьба, — думает он. — Женщины, которые постоянно находятся при мне, и те...»

Не спрашивая ничего у самой принцессы, он с жалостью и умилением смотрит на ее осунувшееся лицо.

Гэндзи провел в доме на Шестой линии дня два или три: после столь долгого отсутствия уезжать раньше было неудобно. Однако тревога за госпожу ни на миг не оставляла его, и он то и дело писал к ней.

— Только что расстались, а уже так много слов скопилось в его душе. Да, не повезло нашей госпоже! — ворчали дамы, не ведая о том, что принцесса и сама безгрешна.

Между тем Кодзидзю места себе не находила от беспокойства. Услыхав о том, что в дом на Шестой линии приехал Гэндзи, Уэмон-но ками, совершенно потеряв голову, написал принцессе длинное, полное упреков письмо. Улучив миг, когда Гэндзи ненадолго вышел во флигель и покои опустели, Кодзидзю тихонько показала его принцессе.

— Ах, это невыносимо! Я не желаю даже смотреть на него. Мне сразу делается хуже.

И, отвернувшись, принцесса легла.

— Все же взгляните хотя бы на эту приписку. Удивительно трогательно написано, — настаивала Кодзидзю, разворачивая письмо, но тут послышались чьи-то шаги, и, поспешно загородив госпожу занавесом, она вышла. Немудрено вообразить, в каком смятении была принцесса!

Вошел Гэндзи, и, не успев как следует спрятать письмо, она сунула его под сиденье. Гэндзи же пришел попрощаться, ибо вечером собирался вернуться в дом на Второй линии.

— Вам как будто лучше, — говорит он. — А состояние госпожи по-прежнему вызывает опасения, и я не хотел бы огорчать ее своим невниманием. Верьте мне и старайтесь не придавать значения наветам злых людей. Скоро вы и сами поймете.

Разумеется, от Гэндзи не могла укрыться какая-то странная принужденность, проглядывавшая в облике принцессы. Обычно она чувствовала себя с ним совершенно свободно и, по-детски шаловливая, охотно отвечала на шутки. Сегодня же ее словно подменили: она дичилась, избегала его взгляда...

Впрочем, скорее всего она была просто обижена.

Пока они лежали в дневных покоях и беседовали, спустились сумерки. Задремавшего было Гэндзи разбудило звонкое стрекотание цикад.

— Что ж, пока различимы дороги...⁴⁵ — говорит он, переодеваясь.

— Но отчего вы не хотите дождаться луны?⁴⁶ — спрашивает принцесса. Право, кто устоит против ее юной прелести?

«Видно, надеется хотя бы до тех пор...»⁴⁷ — растроганно думает Гэндзи.

— Хочешь, наверное,
Чтоб мои рукава промокли
От вечерней росы,
Потому и уходишь, едва
В саду зазвенели цикады...⁴⁸ —

в простоте душевной говорит она, и, умиленный, он снова опускается рядом. Разве можно ее оставить?

Пенье цикад
И в том, и в другом саду
Сердце волнует.
Что слышится в нем теперь
Той, которая ждет?

Раздираемый противоречивыми чувствами, Гэндзи долго сидел, вздыхая, но в конце концов, не желая огорчать принцессу, остался в доме на Шестой линии еще на одну ночь.

Все же на сердце у него было неспокойно, мысли постоянно устремлялись к другой, и, отдавав немного плодов, он очень скоро удалился в опочивальню. На следующий день Гэндзи поднялся рано, решив выехать до наступления жары.

— Вчера я где-то оставил свой веер. А этот никуда не годится, — сказал он и, положив на пол веер, который был у него в руке, прошел в покои, где дремал вчера днем, и огляделся. Приметив, что из-под смявшегося угла сиденья выглядывает краешек светло-зеленого листка бумаги, он, ни о чем не подозревая, вытащил его. Два листка, обильно пропитанные благовониями, были густо исписаны явно мужским почерком и вид имели весьма многозначительный. Прочтя письмо, Гэндзи без труда догадался, кем оно было написано.

Дама, которая держала перед ним открытую шкатулку с зеркалом, не обрати-

ла на листки решительно никакого внимания — мало ли что может читать господин? Однако Кодзидзю по цвету узнала вчерашнее послание, и сердце ее тревожно забилося. Она боялась даже смотреть туда, где Гэндзи вкушал утреннее угощение. «Наверное, все же это другое письмо, — думала она. — Не может быть... Это слишком ужасно. Неужели госпожа не успела его спрятать?»

Принцесса же, ни о чем не догадываясь, еще спала.

«Ах, какое дитя! — думал Гэндзи. — Разбрасывать такие письма... А если бы его нашел кто-нибудь другой? Непростительное легкомыслие! Впрочем, я всегда знал — если женщине недостает душевной тонкости, покоя не жди».

После того как Гэндзи уехал, а дамы разошлись, Кодзидзю подошла к принцессе.

— Что вы изволили сделать со вчерашним письмом? — спросила она. — Сегодня утром совершенно такое же письмо я видела в руках у господина.

Ужас охватил принцессу, и новые потоки слез побежали по ее щекам. Нельзя сказать, что Кодзидзю не жалела ее, но, право же, подобная неосмотрительность...

— Куда вы изволили положить письмо? Когда пришли дамы, я покинула вас, дабы не подавать подозрений в том, что нас связывают какие-то тайны. Господин же пришел значительно позже. Я была уверена, что вам удалось спрятать письмо.

— Ах нет! Я как раз читала его, когда господин вошел. Я не успела его спрятать и просто засунула под сиденье, а потом забыла.

Ну что можно было ей ответить?

Подойдя к сиденью, Кодзидзю поднимает его, но, увы...

— Ужасно! Господин Уэмон-но kami и так живет в вечном страхе, трепеща при одной мысли, что нашему господину станет известно...Надо же случиться такой беде! И времени прошло совсем немного! Какое же вы дитя! Воспользовавшись вашей неосторожностью, Уэмон-но kami увидел вас, а увидев, не сумел забыть и долго умолял меня... Но я и представить себе не могла, что дело пойдет так далеко. Ах, как мне жаль вас обоих!

Кодзидзю говорила прямо, не обинуясь, но принцесса не обижалась, она была слишком молода, да и сердце имела доброе, а потому, не отвечая, лишь молча плакала.

Чувствуя себя совсем больной, она не дотрагивалась до пищи, и прислуживающие ей дамы возроптали:

— Ну можно ли было оставлять нашу госпожу в таком состоянии! Ведь та совсем уже поправилась, а господин только о ней и заботится.

Найденное письмо показалось Гэндзи весьма подозрительным, и, когда рядом никого не было, он внимательно прочел его. «Может быть, это написал кто-то из дам, нарочно подражая почерку Уэмон-но kami?» — предположил было он, но содержание письма, слог не вызывали сомнений. Уэмон-но kami писал, что долгие годы беспрестанно помышлял о ней, что и теперь, когда мечта его наконец осуществилась, не может обрести покоя... Много было в этом письме трогательного и достойного восхищения, но Гэндзи подумал не без некоторого пренебрежения: «Разве можно писать так открыто? Нынешние молодые люди слишком неосторожны. Вот я, к примеру, всегда старался учитывать возможность того, что письмо попадет в чужие руки, а потому даже в случаях, требующих обстоятельности, предпочитал ограничиваться намеками». «Но как мне быть с принцессой? — спрашивал себя Гэндзи. — Скорее всего, и ее состояние... Какое несчастье! Смогу ли я и впредь заботиться о ней, несмотря на столь неопровержимое доказательство ее вины?»

Разумеется, он предпочел бы, чтобы все осталось по-прежнему, но ведь мужчина, узнав о неверности своей возлюбленной, всегда чувствует себя уязвленным и невольно отдаляется от нее, даже если никогда особенно не дорожил ею и видел в ней лишь красивую игрушку. А в этом случае... Какая непростительная дерзость! Правда, некоторые не останавливаются и перед тем, чтобы соблазнить супругу самого Государа, и тому есть неоднократные примеры, но ведь это совсем другое дело... Прислуживающие в Высочайших покоях мужчины и женщины могут свободно сообщаться друг с другом, и стоит ли удивляться тому, что в чем-то сердце вспыхивает тайная

страсть? Далеко не все дамы разумны и благонравны, даже среди нёго и кои встречаются особы весьма несовершенно, легко впадающие в заблуждение. Впрочем, чаще всего, если, конечно, нет никаких явных улик, провинившиеся остаются служить во Дворце, и в мире никогда не узнают о случившемся. Но женщине, составляющей главнейший предмет попечений супруга и пользующейся его исключительным вниманием, большим даже, чем та, с которой его связывает истинное чувство, позволить себе пренебречь своим попечителем... Такого еще не бывало! Гэндзи просто кипел от негодования. Легко может статься, что какая-нибудь прислуживающая Государю дама, поступившая на придворную службу исключительно по воле случая и тяготящаяся своими обязанностями, начнет благосклонно внимать чьим-то нежным речам, отвечать на письма — ведь некоторые просто неприлично оставлять без ответа — и в конце концов вступит с кем-то в тайную связь. Ее нельзя не осудить, но можно понять. А принцесса? Ожидал ли кто-нибудь, что она отдаст свое сердце такому, как Уэмон-но ками?

Но как ни велика была досада Гэндзи, он решил ничем не выдавать себя и страдал молча. «А что, если покойный Государь тоже все знал и только делал вид, будто ни о чем не догадывается? — думал он, вспоминая прошлое. — Что может быть ужаснее того, что совершил я сам?» В самом деле, вправе ли он осуждать заблудившихся среди отрогов горы, «которой название Любовь»⁴⁹? Гэндзи старался казаться спокойным и беззаботным, но госпожа не могла не видеть, что какая-то тайная печаль лежит у него на сердце. «Он приехал сюда из жалости ко мне, едва не расставшейся с миром, — подумала она, — и теперь, наверное, тревожится за принцессу».

— Мне гораздо лучше, — говорит она, — а Третья принцесса, кажется, нездорова. Не стоило вам так спешить.

— Да, принцесса была нездорова, но ничего опасного в ее состоянии нет, так что беспокоиться нечего. Когда я там был, от Государя то и дело присылали гонцов. Кажется, и сегодня принесел от него письмо. Государь-монах поручил ему заботиться о принцессе, и он почитает своим долгом входить во все ее нужды.

Малейшее невнимание с моей стороны вселяет тревогу в сердца высочайших особ, а мне не хотелось бы их огорчать. — И Гэндзи вздыхает.

— По-моему, прежде всего следует подумать о самой принцессе, — замечает госпожа. — Боюсь, что она недовольна вами. Возможно, сама она и не ропщет, но обязательно найдутся дамы, которые станут внушать ей дурные мысли.

— Вы совершенно правы, — улыбаясь, отвечает Гэндзи. — Наверное, я слишком черств, ибо думаю о том, как бы не обидеть властелина страны, в то время как вы проявляете такую трогательную заботливость по отношению к его сестре... Даже о дамах ее не забываете. А ведь она причинила вам немало горя...

Когда же госпожа предложила ему вернуться в дом на Шестой линии, Гэндзи сказал:

— Мы вернемся туда вместе. А пока набирайтесь сил.

— Мне хотелось бы еще немного отдохнуть здесь. Поезжайте первым, когда же принцесса почувствует себя лучше...

Пока они так беседовали, день склонился к вечеру.

Раньше, когда Гэндзи долго не приезжал, принцесса страдала от его холодности, теперь же ее мучили угрызения совести. Больше всего страшилась она, что слух о происшедшем дойдет до ее отца. Уэмон-но ками по-прежнему писал к ней страстно-нетиерпеливые письма, и перепуганная Кодзидзю поспешила сообщить ему о том, что случилось. Уэмон-но ками был в отчаянии. Когда же это произошло? Он знал, что все тайны рано или поздно выходят наружу, и мысль о возможном разоблачении повергала его в ужас; ему казалось, что на него постоянно обращен взыскующий взор небес. И вот случилось непоправимое: в руках у Гэндзи было неоспоримое свидетельство его преступления. Мучительный стыд овладел сердцем Уэмон-но ками: как смел он хотя бы помыслить... Все чувства его были в смятении, его постоянно знобило — и это в ту пору, когда даже утренние и вечерние часы не приносят с собою прохлады...⁵⁰.

«Господин из дома на Шестой линии так доброд к мне, — думал Уэмон-но ками. — Он всегда выделял меня среди прочих, призывая к себе и для доверитель-

ных бесед, и для развлечений. Осмелюсь ли я показаться ему на глаза теперь, когда он вправе считать меня бесчестным, неблагодарным и дерзким? Однако, если я вовсе перестану появляться в доме на Шестой линии, люди заподозрят неладное, да и сам он окончательно утвердится в своих подозрениях».

От этих тягостных мыслей Уэмон-но Kami занемог и не показывался даже во Дворце. Вряд ли его поступок мог быть расценен как тяжкое преступление, но ему казалось, что жизнь потеряла для него всякий смысл. «Ведь знал же я, что этим кончится, — думал он, терзаемый запоздалым раскаянием. — К тому же принцессе явно недостает благоразумия и душевной тонкости... Взять хотя бы тот случай с кошкой. Теперь мне понятно, почему Удайсё был так раздосадован». Как видно, желая исцелиться от пагубной страсти, Уэмон-но Kami нарочно старался очернить принцессу в собственных глазах. «Неплохо иметь дело с особой столь высокого происхождения, но Третья принцесса слишком уж изнеженна, наивна и невежественна. Она совсем распустила своих дам, а это может иметь дурные последствия не только для нее самой, но и для других». И все же он не мог не жалеть ее.

Между тем принцессе по-прежнему нездоровилось, и была она столь трогательна в своей беспомощности, что один вид ее возбуждал невольную жалость. Как ни старался Гэндзи не думать о ней, постоянная тревога жила в его сердце. Видно, не зря говорят: «Даже горечь измен...»⁵¹. Когда же он приехал на Шестую линию и увидел ее измученное лицо, ему стало так больно, что он едва не заплакал.

Множество молебнов заказал Гэндзи в разных храмах. Он не только не изменил своего отношения к принцессе, но, пожалуй, стал даже еще внимательнее, если не считать некоторой принужденности, появившейся в их беседах... Заботясь о приличиях, Гэндзи старался сохранять наружное спокойствие, и вряд ли кто-то подозревал, в каком смятении его чувства. Одна принцесса догадывалась, и как же ей было горько!

Гэндзи так и не сказал ей прямо, что видел письмо, она же молча страдала, оставаясь и в этом совершенным ребенком.

«Всему причиной незрелость ее ума, — думал Гэндзи. — Хорошо, когда женщина кротка и по-детски непосредственна, но если она лишена душевной тонкости... Впрочем, любое супружество сопряжено с волнением и заботами. Не слишком ли ласкова и послушна не́го из павильона Павлоний? Боюсь, что человеку, устремившему к ней свои думы, нетрудно потерять голову. Как правило, мужчины относятся с пренебрежением к безвольным и податливым женщинам. Когда мужчина позволяет себе увлечься особой, по положению своему для него недоступной, именно недостаток в ней твердости приводит к непоправимым последствиям. Супруга Правого министра, не имея надежной опоры в жизни, с малых лет принуждена была скитаться по миру, и тем не менее ее уму и душевным качествам может позавидовать любая высокородная особа. В глазах всего света я был ее отцом, но не могу сказать, что испытывал к ней только отцовские чувства. Она же была неизменно равна со мной и, притворяясь, будто ничего не замечает, мягко отклоняла все мои домогательства. Когда же Правый министр, войдя в сговор с неразумной служанкой, проник в ее покои, она сумела дать всем понять, что это произошло вопреки ее желанию, что союз этот был заключен с ведома ее отца, а не вследствие ее собственной неосмотрительности».

Так, госпоже Найси-но Kami нельзя было отказать в сметливости. Несомненно, связь между судьбами ее и Правого министра существовала уже в предыдущем рождении, им было предопределено долгое супружество, но люди вряд ли одобрили бы их союз, когда б она вступила в него по собственной воле. Словом, ей удалось с честью выйти из создавшегося положения.

Гэндзи не забывал и о госпоже Найси-но Kami со Второй линии, но, изведав на собственном опыте, сколь горестными могут быть последствия преступной страсти, невольно осуждал ее. В самом деле, проявив она в свое время большую твердость... Весть о том, что эта особа приняла наконец постриг, растрогала и опечалила его. Искренне взволнованный, он написал к ней письмо, пеняя за то, что она даже намеком не дала ему знать...

«Все говорят:
„Она монахиней стала...“
Право, печально!
Разве забуду, из-за кого я
Влачил в Сума унылые дни?

Я много раз убеждался в том, сколь превратен мир, но, к сожалению, так и не сумел отказаться от него. Вам удалось опередить меня. Позвольте же мне надеяться, что Вы не забудете и обо мне в своих молитвах».

Письмо оказалось довольно длинным. Когда-то именно Гэндзи помешал Найси-но ками переменить обличье, и она вздыхала и украдкой — разве могла она открыть кому-то свою тайну — плакала, вспоминая, сколько горя принес им этот союз и сколь он был вместе с тем не слу-чаен.

Подумав, что письмо это скорее всего будет последним, Найси-но ками постаралась вложить в ответ всю душу. Нельзя было не залюбоваться знаками, оставленными ее кистью на бумаге.

«Мне казалось, что я одна познала, сколь непрочен мир, а Вы говорите, я опередила Вас... Ах, право,

Как же случилось,
Что отплыл монашеский челн,
Оставив на берегу
Рыбака, столько лет прожившего
У светлой бухты Акаси?

Молиться же я стану за всех, а потому...»

Письмо было написано на темной серовато-зеленой бумаге и привязано к ветке бадьяна⁵². Содержание его было вполне обычным, но почерк, как и в прежние времена, поража́л изяществом. Гонец принес письмо в дом на Второй линии. Понимая, что теперь его союз с Найси-но ками окончательно разорван, Гэндзи показал письмо госпоже.

— Досадно, что ей удалось опередить меня, — говорит он. — Увы, много горестей изведаль я, живя в этом мире. Остались только две женщины, с которыми я могу говорить обо всем на свете, которым доступны тончайшие переживания, которые всегда готовы откликнуться на чувства, рождающиеся в моей душе. Они далеки от меня и вместе с тем близки... Это бывшая жрица Камо и госпожа Найси-но ками из дворца Судзаку. К сожалению,

обе они отвернулись от мира. Думаю, что жрица Камо все свое время отдает служению Будде и ничто иное не занимает более ее мыслей. Право, я не знаю другой женщины, в которой незаурядный ум сочетался бы столь прелестно с изящной простотой и естественностью обращения.

Как все же трудно воспитывать дочь! Предопределение недоступно взору, и родители не всегда вольны располагать участью детей. А сколько времени и сил надобно затратить, чтобы добиться успеха! К счастью, мне не пришлось заботиться о многих, хотя помню, что в молодости я не раз сетовал на судьбу, не даровавшую мне многочисленного потомства... Надеюсь, что вы отнесетесь с должным вниманием к воспитанию юной принцессы. Наша не́го слишком молода, она еще не успела глубоко проникнуть в душу вещей, да и многочисленные придворные обязанности почти не оставляют ей досуга, поэтому она может что-то упустить. А между тем без надлежащего воспитания дочерям Государя трудно рассчитывать на будущее благополучие. Женщины низкого звания, подыскав себе более или менее надежного покровителя, могут во всем положиться на него, но с принцессами дело обстоит иначе...

— Я не уверена, что обладаю необходимыми для наставницы достоинствами, но готова заботиться о принцессе до конца своей жизни. Боюсь только, что конец этот недалек, — печально отвечает госпожа, завидуя тем, кому ничто не помешало встать на путь служения Будде.

— Вероятно, прислужницы госпожи Найси-но ками еще не научились шить одежду для отрекшихся от мира, — говорит Гэндзи. — Не послать ли нам ей все необходимое? Знаете ли вы, как шьется монашеское оплечье? Уверен, что и в этом на вас можно положиться. А обитательницу Восточных покоев дома на Шестой линии попросим помочь. Строгость монашеского платья имеет свои преимущества, не сомневаюсь, что вам удастся в полной мере выявить его достоинства.

В покоях госпожи начали шить серо-зеленые одеяния. Призвав умельцев из Императорских мастерских, Гэндзи тайком поручил им подготовить всю необходимую утварь. Особенное внимание уделил он изготовлению сидений, подстилок, ширм и занавесей.

Между тем чествование Государя-монаха все откладывалось. Назначили было его на осень, но на Восьмую луну Удайсё соблюдал воздержание в память своей ушедшей матери, и некому было заниматься отбором музыкантов. На Девятую луну приходились дни скорби по Великой Государыне, поэтому празднество отложили до Десятой, но снова отменили из-за того, что ухудшилось состояние Третьей принцессы. На Десятую луну Государя-монаха посетила Вторая принцесса, ставшая супругой Уэмон-но ками. Вышедший в отставку министр сам занимался приготовлениями к церемонии и постарался сделать все от него зависящее, чтобы придать ей невиданный доселе размах. Уэмон-но ками принудил себя тоже принять участие в празднестве. Он по-прежнему чувствовал себя больным, казалось, будто какой-то тайный недуг подтачивает его силы.

Третья принцесса, истерзанная мрачными думами, целыми днями вздыхала и плакала тайком, и, как знать, не потому ли так тяжело переносила она свое состояние? Она была трогательно-хрупка и так изнурена болезнью, что при виде ее у Гэндзи невольно сжималось сердце. «Что станет с нею?» — терзался он, раздираемый мучительными сомнениями. В том году своей досуг он отдавал молитвам.

Весть о болезни принцессы дошла до горной обители, и сердце Государя исполнилось нежности и тоски. Зная от людей, что Гэндзи не только не живет в доме на Шестой линии, но почти не бывает там, Государь недоумевал и печалился, сетуя на непостоянство мира. Тревожился он и прежде, но тогда отсутствие Гэндзи объяснялось тем, что все его попечения были сосредоточены на больной госпоже. Почему же ничто не изменилось теперь, когда здоровье ее поправилось? Неужели за это время произошло что-то, что принудило Гэндзи отдалиться от принцессы? Возможно, за самой принцессой и нет никакой вины, просто среди прислуживающих ей дам нашлись недостойные особы, вовлекшие ее в беду? Ведь даже во Дворце, где изысканнейшая роскошь сочетается с некоторой свободой нравов, иногда распространяются самые невероятные слухи... Увы, хоть и далек был Государь от суетных помыслов,

родительское сердце его так и не обрело покоя. Он написал принцессе длинное, полное нежной тревоги письмо. Когда его принесли, Гэндзи как раз был в доме на Шестой линии.

«Я давно не писал к Вам, ибо не имел повода. Немало лет прошло с того дня, как мы расстались, и тоска постоянно живет в моем сердце. Я знаю, что Вы не совсем здоровы, и беспрестанно помышляю о Вас. Даже в часы молитв Ваш образ неотступно стоит перед моим взором. Как Вы себя чувствуете? Помните, что бы ни случилось и как бы Вам ни было горько, Вы должны быть послушны воле супруга. Старайтесь скрывать свои обиды и не уязвляйте его многозначительными намеками. Будьте всегда достойны Вашего высокого звания». Могло ли это письмо не возбудить жалости в сердце Гэндзи? «Несомненно, Государь пребывает в полном неведении, — подумал он. — Мое невнимание к принцессе — единственное, что его беспокоит».

— Как вы ответите Государю? — спрашивает Гэндзи принцессу. — Не знаю, как вас, но меня очень огорчило это печальное послание. Хотя я и вправе чувствовать себя обиженным, вряд ли кто-то может упрекнуть меня в том, что я вами пренебрегаю. Не понимаю, откуда у Государя такие сведения?

Застыдившись, принцесса отвернулась. Она была прелестна. Глубокая печаль, отражавшаяся на ее побледневшем, осунувшемся лице, сообщала красоте ее особую утонченность.

— Разумеется, Государь тревожится за вас, зная, как вы неопытны, как по-детски наивны, — продолжает Гэндзи. — Впредь вам следует быть осмотрительней. Я не собирался докучать вам своими советами, но, к моему величайшему сожалению, Государь, по-видимому, укрепился в мысли, что я не оправдываю его надежд. Не скрою, это удручает меня, поэтому я счел необходимым поговорить хотя бы с вами. Вы слишком еще неразумны и подвержены чужим влияниям. Возможно, вы недовольны мною, наверное, считаете меня недостаточно чутким, может быть, даже черствым. К тому же я уже немолод и, очевидно, просто наскучил вам. Все это, конечно, печально. Но прошу вас, хотя бы пока жив Государь, постарайтесь примириться с созданным

положением, не пренебрегайте престарелым супругом, которому было поручено заботиться о вас.

В моей душе давно живет желание встать на путь служения Будде, но, увы, даже здесь меня опередили женщины, которым вряд ли дано проникнуть в сокровенную суть Учения. Может показаться, что мне недостает твердости, но, поверьте, когда б речь шла обо мне одном, я бы не колебался. Государь, отрекшись от всякого сообщения с миром, поручил мне заботиться о вас, и как мне было не почувствовать себя польщенным? И если теперь я последую за ним, оставив вас без всякой опоры, его надежды окажутся обманутыми. Вправе ли я наносить ему столь тяжкий удар? Раньше другие пути привязывали меня к миру⁶³, но теперь остались только вы. У него много детей, и, хотя трудно предвидеть будущее, я за них спокоен, ибо если ничего не случится на моем веку... Остальные близкие мне особы весьма уже немолоды, и, если они пожелают так или иначе последовать за мной, вряд ли об этом стоит сожалеть. Так что оснований для беспокойства у меня больше нет.

Вашему отцу недолго осталось жить в этом мире, он слаб и телесно и духовно. Позаботьтесь же о том, чтобы никакие неожиданные слухи не возмущали его покоя. Настоящее не волнует меня, наш мир не стоит того, чтобы отдавать ему свои помыслы. Но вы отяготите душу свою тяжким бременем, если станете препятствием на пути Государя к грядущему.

Гэндзи говорил спокойно, словно ни в чем не обвиняя принцессу, но слезы струились по ее щекам; казалось, она вот-вот лишится чувств. Гэндзи тоже заплакал.

— О эти старики с их вечными наставлениями! — сказал он, чувствуя себя виноватым. — Когда-то я бежал чужих советов, а теперь сам докучаю другим. Представляю себе, каким нудным, постылым старцем я должен казаться вам.

Придвинув к себе тушечницу, Гэндзи растер тушь и, выбрав бумагу, попросил принцессу написать ответ. Но руки у нее дрожали, и писать она не могла. «Наверное, на те длинные послания она отвечала быстрее», — невольно подумал Гэндзи, и неприязнь к принцессе снова просну-

лась в его сердце, но, тут же овладев собой, он принялся объяснять ей, как следует ответить Государю.

— Когда же мы навестим его? Вот и эта луна на исходе. Говорят, Вторая принцесса устроила в его честь великолепное празднество. Мне кажется, что вам в вашем состоянии не стоит и пытаться соперничать с ней. На луну Инея мне предстоит соблюдать строгое воздержание⁶⁴. В конце же года и без того много забот... Наверное, Государю будет больно смотреть на вас, но стоит ли откладывать? Постарайтесь собраться с духом, развеселитесь, а то у вас слишком измученный вид.

Несмотря ни на что, Гэндзи был трогательно-нежен с принцессой.

Раньше по любому сколько-нибудь значительному поводу Гэндзи прежде всего призывал к себе Уэмон-но ками, но в последнее время ни разу не послал за ним. Понимая, что люди могут заподозрить неладное, Гэндзи тем не менее упорно избегал встреч с Уэмон-но ками. Ему не хотелось видеть человека, в глазах которого он скорее всего был жалким глупцом, кроме того, он боялся, что ему может изменить самообладание. Поэтому он даже не упрекал Уэмон-но ками за то, что тот давно уже не наведывался к нему.

Впрочем, никто тому не удивлялся, все знали, что Уэмон-но ками нездоров, к тому же в доме на Шестой линии не устраивалось никаких празднеств. И только Удайсё догадывался об истинных причинах. «Все это неспроста, — думал он. — Боюсь, что после того случая, которому я был невольным свидетелем, Уэмон-но ками не в силах забыть...» Но даже Удайсё не представлял себе, сколь далеко зашло дело.

Настала Двенадцатая луна. Чествование Государя-монаха было назначено на один из дней после Десятого, и в доме на Шестой линии царил предпраздничное оживление. Приготовления привлекли сюда даже госпожу Весенних покоев, до сих пор остававшуюся в доме на Второй линии. Него тоже жила в те дни в отчем доме. Она снова разрешилась от бремени младенцем мужского пола. Все дети ее были прелестны, и Гэндзи с утра до вечера забавлялся с ними. Так, и преклонный возраст имеет свои преимущества.

На время подготовки музыкантов на Шестую линию переехала и госпожа Северных покоев из дома Правого министра. Прежде чем представить музыкантов Гэндзи, Удайсё долго занимался с ними в восточной части дома, поэтому госпожа Ханатирусато не присутствовала на заключительном музицировании.

Понимая, что отсутствие Уэмон-но ками не только лишит празднество блеска, но и вызовет всеобщее недоумение, Гэндзи отправил ему приглашение.

Однако тот отказался приехать, сославшись на нездоровье. Зная, что никакой определенной болезни у Уэмон-но ками нет, Гэндзи, подумав участливо: «Видно, что-то тяготит его», снова послал к нему гонца.

— Стоит ли отказываться? — стал уговаривать сына Вышедший в отставку министр. — Ваше нежелание участвовать в празднестве может быть превратно истолковано. Вам не так уж плохо, не лучше ли собраться с силами и поехать?

Тут из дома на Шестой линии опять прибыл гонец, и Уэмон-но ками, превозмогая себя, все-таки отправился туда.

Самые знатные гости еще не собрались. Как обычно, Уэмон-но ками ввели в покой Гэндзи и усадили за занавесями, отделявшими внутренние покои от передних.

Невозможно было не заметить болезненной худобы и бледности Уэмон-но ками. Обладая спокойным нравом и нежной, чувствительной душой, он всегда составлял резкую противоположность со своими блестящими, уверенными в себе братьями. Сегодня же он был как-то особенно задумчив, и эта задумчивость чрезвычайно шла к нему. В самом деле, даже Государю трудно найти более достойного зятя. «Нельзя простить лишь одного, — думал Гэндзи, на него глядя, — зачем оба они были так неразумны?» Однако, ничем не выдавая своих истинных чувств, он любезно беседовал с гостем.

— Как давно мы не виделись с вами, — говорит он. — В последнее время я ухаживал за больными и мне недоставало досуга... Дочь Государя-монаха, живущая в моем доме, намеревается торжественно отметить пятидесятилетие отца, но до сих пор слишком многое мешало ей, а тем временем год подошел к концу. Разумеется, об осуществлении наших прежних за-

мыслов теперь не может быть и речи, но мы решили все же, отдавая дань приличиям, поднести Государю скромное, сообразное его званию угощение. Назвать предстоящее чествование празднеством было бы преувеличением. Мне просто хочется представить Государю своих многочисленных внуков. Имея это в виду, я давно уже начал учить их танцам, надеюсь, что мне удастся хоть чем-то порадовать Государя. Боюсь, что, кроме вас, никто не может мне в этом помочь. Поэтому я готов забыть старые обиды и не пенять вам за долгое отсутствие.

Голос Гэндзи звучал вполне искренне, но Уэмон-но ками пришел в такое замешательство, что долго не мог выговорить ни слова, опасаясь невольно выдать себя.

— Я слышал, что вы были весьма встревожены состоянием дорогих вашему сердцу особ, и от всей души сочувствовал вам, — отвечает он наконец. — К сожалению, нынешней весной обострилась давно мучившая меня болезнь ног, и я почти не мог ходить. День ото дня мне становилось хуже, наконец я сделался так слаб, что перестал бывать даже во Дворце, и жил все это время совершенным затворником.

В нынешнем году Государь-монах достиг полного возраста, и отец решил, что нам, более чем кому бы то ни было, подобает воздать ему положенные почести. «Я уже снял чиновничью шапку и без сожаления оставил карету⁵⁵, — заявил он. — Поэтому мне не пристало участвовать в подобной церемонии. Твое звание, конечно, еще ничтожно, но Государь должен видеть, что твоя признательность ничуть не меньше моей». И как ни велики были мои мучения, я постарался сделать все, что в моих силах. Государь живет уединенно, вдали от мирской суеты, всякий блеск и шум претят ему. Я уверен, что тихая, дружественная беседа придется ему куда больше по душе, поэтому чем меньше времени будет уделено церемониям, тем лучше.

Трудно было не оценить душевной чуткости Уэмон-но ками, ни словом не обмолвившегося о пышном празднестве, которое устроила в честь Государя Вторая принцесса.

— Так, собственно, и получится, — говорит Гэндзи. — Боюсь только, что, если мы позволим себе пренебречь некото-

рыми церемониями, люди обвинят нас в недостатке почтительности. Так или иначе, раз и вы, человек, безусловно знающий толк в таких вещах, поддерживаете меня... К сожалению, Удайсё, успешно справляющийся с придворными обязанностями, никогда не обнаруживал склонности к утонченным развлечениям. Между тем Государь из дворца Судзаку по праву считается тонким ценителем изящного. Особенно же он любит музыку и сам является превосходным музыкантом. Правда, теперь он отказался от всего мирского, но тем больше усилий следует нам употребить, дабы порадовать его слух, который стал, наверное, еще изощреннее за годы тихой, уединенной жизни. Я прошу вас вместе с Удайсё заняться подготовкой мальчиков-танцоров, постарайтесь, чтобы они были безупречны во всех отношениях. Так называемым наставникам не всегда можно доверять, даже если свое дело они знают превосходно.

Гэндзи говорил весьма дружелюбно, но, как ни велика была признательность Уэмон-но ками, он не мог справиться со смущением и, немногословно отвечая Гэндзи, только и думал о том, как бы поскорее уйти. К счастью, Гэндзи вопреки обыкновению не задерживал его, и при первой же возможности Уэмон-но ками откланялся.

Перейдя в восточную часть дома, он осмотрел приготовленные Удайсё наряды для музыкантов и танцоров и распорядился, чтобы были сделаны кое-какие поправки. Трудно себе представить, как можно было улучшить и без того совершенное, но тем не менее Уэмон-но ками это удалось. Он в самом деле обладал глубокими познаниями в этой области.

На тот день был назначен предварительный смотр танцам, а как обитательницы женских покоев тоже захотели присутствовать, Гэндзи не пожалел усилий, чтобы порадовать их зрение и слух. Танцоров, которым в день чествования Государя предстояло выступать в красновато-серых верхних платьях и сиреневых нижних, облачили в зеленые верхние платья и красные — нижние. Тридцать музыкантов были в белом. Их поместили на галерее, ведущей к юго-восточному павильону для рыбной ловли. Появившись из-за холма, они заиграли мелодию

«Парение бессмертных в лучах утреннего солнца». В воздухе кружился мелкий снег; казалось, весна «совсем уже близко, в соседнем саду...»⁵⁶. Ветки слив, гордые своим нежным убранством, были прекрасны. Хозяин дома устроился за занавесями в передних покоях. Рядом с ним сидели принц Сикибукё и Правый министр. Вельможи более низких рангов разместились на галерее. Поскольку это была лишь подготовка к празднеству, угощение подавалось самое простое.

Четвертый сын Правого министра, третий сын Удайсё и двое внуков принца Хёбукё исполнили танец «Десять тысяч лет». Они были совсем еще малы и трогательно-прелестны. Все четверо принадлежали к знатнейшим столичным семействам, миловидность их лиц, изысканность нарядов и благородное изящество движений вызвали всеобщее восхищение. Впрочем, возможно, зрители были просто слишком пристрастны...

Второй сын Удайсё, рожденный ему То-найси-но сукэ, и внук принца Сикибукё (сын человека, которого прежде называли Хёэ-но ками и который теперь, получив звание тюнагона, прозывался Гэн-тюнагон) исполнили танец «Желтая кабарга». Третий сын Правого министра выступил в танце «Князь Лин-ван», а старший сын Удайсё — в танце «На согнутых ногах». В заключение юноши и взрослые мужи, к тем же семействам принадлежавшие, исполнили еще несколько танцев, и среди них «Великое умиротворение» и «Радуюсь весне».

Спустились сумерки, и Гэндзи велел поднять занавеси. К неожиданному восторгу зрителей, перед ними появились прелестные внуки Гэндзи и с неподражаемым изяществом и мастерством исполнили несколько танцев. Наставники не пожалели сил, дабы придать законченность прирожденному благородству их движений, и успех превзошел все ожидания. Трудно было сказать, который из мальчиков прекраснее. Стареющие савновники проливали слезы умиления, а принц Сикибукё, глядя на своего внука, плакал так, что нос его покраснел и распух.

— К старости люди становятся слезливыми, — говорит Гэндзи. — Я вижу, Уэмон-но ками посмеивается, на меня глядя. Но, увы, молодость быстротечна.

Годы, к сожалению, не текут вспять⁵⁷, и никому не дано избежать старости.

Гэндзи украдкой бросил взгляд на Уэмон-но ками, и тот показался ему печальнее и задумчивее обыкновенного. Возможно, ему действительно нездоровилось; во всяком случае, даже самые великолепные танцы не привлекали его внимания. Странно, что именно к нему отнесся Гэндзи со своими хмельными речами. Разумеется, все им сказанное было шуткой, и тем не менее Уэмон-но ками совсем приуныл. Голова его раскалывалась от боли, и он лишь подносил к губам чашу с вином, когда она до него доходила. Приметив его уловку, Гэндзи стал следить за ним, заставляя осушать каждую поданную чашу. Уэмон-но ками совсем смутился, отчего сделался еще привлекательнее. Право, никто из присутствующих не мог с ним сравниться. Однако ему все труднее становилось скрывать замешательство, и в конце концов, не выдержав, он уехал. На сердце у него было неизъяснимо тяжело.

«Откуда эта тяжесть в груди? — недоумевал Уэмон-но ками. — Разве я захмелел более обыкновенного? Отнюдь, я никогда не бывал трезвее. Может быть, слишком оробел и от этого закружилась голова? Но ведь не настолько же я малодушен? Что же со мной случилось?»

Увы, вовсе не мимолетный хмель был причиной его страданий. Скоро Уэмон-но ками почувствовал себя совсем больным. Вышедший в отставку министр и супруга его, встревоженные состоянием сына, настаивали на его переезде к ним. Нетрудно себе представить горе Второй принцессы! Уэмон-но ками никогда, даже в те дни, когда ничто не нарушало его душевного покоя, не жаловал супругу особой благосклонностью и лишь тешил себя пустыми надеждами: «мол, со временем...» Но теперь, когда, возможно, в последний раз выходил он за ворота дома⁵⁸, сердце его тоскливо сжималось. Что ждет ее, кроме страданий? И он тому виною... Удручена была и мясудокоро, мать Второй принцессы.

— Родители остаются родителями, но и супруги не должны разлучаться, — говорила она. — Неужели вы действительно хотите жить в другом месте, пока не поправитесь? Когда бы вы знали, как это меня огорчает! Не лучше ли вам все-таки

остаться здесь? Может быть, ваше здоровье укрепится?

— Вы совершенно правы, — вздохнув, отвечал Уэмон-но ками. — Когда я, человек незначительный, удостоился разрешения вступить в союз со столь высокой особой, я надеялся, что сумею отблагодарить за эту честь хотя бы тем, что проживу долго и в конце концов займу положение, достойное звания моей супруги. Но боюсь, что вы так и не успеете убедиться в моей преданности. Я не могу оставаться больше в этом мире, но, к сожалению, уйти из него мне тоже не удастся...

Они долго плакали, и Уэмон-но ками все не решался уехать. Но его мать, изнемогая от тревоги, снова прислала за ним:

«О, для чего не хотите Вы навестить своих престарелых родителей? Как ни много у меня детей, и в болезни, и в печали я прежде всего вспоминаю о Вас, именно Вас хочется видеть мне рядом. Сжальтесь же надо мной».

Увы, ее тоже можно понять.

— Я был первенцем, и, может быть, поэтому меня всегда любили больше других детей, — сказал Уэмон-но ками. — Матушка скучает и тревожится, когда я долго не появляюсь. Преступно пренебрегать ею теперь, когда мною владеет мысль о близком конце. Я никогда себе этого не прощу. Если вы услышите, что надежд больше не осталось, приезжайте ко мне. Я непременно хочу еще раз увидеться с вами. Я глупый, ничтожный человек, и мне жаль, что я доставил вам столько огорчений. Мог ли я знать, что срок мой близится к концу? Увы, я полагал, что впереди у меня долгая жизнь.

И, рыдая, Уэмон-но ками уехал.

Можно ли выразить словами горе принцессы?

В доме отца Уэмон-но ками окружили самыми нежными заботами. Болезни его понять никто не мог, но он давно уже не вкушал даже самой простой, необходимой для подкрепления здоровья пищи и сделался так слаб, что казалось, будто какая-то неведомая сила тянет его из мира.

Узнав, что жизнь одного из самых блестящих мужей столицы в опасности, люди опечалились, и не было никого, кто не пришел бы справиться о его здоровье. И правящий Государь, и отрекшийся постоянно присылали гонцов, невольно

усугубляя тем самым смуту, царящее в сердцах несчастных родителей.

Гэндзи, не менее других встревоженный и огорченный вестью о болезни Уэмон-но ками, поспешил выразить свое участие Вышедшему в отставку министру. А Удайсэ... Он грустил и тосковал невыразимо. Узы давней дружбы связывали его с Уэмон-но ками, и почти все свое время он проводил в доме министра.

Чествование Государя назначили на Двадцать пятый день. Вряд ли и этот день можно было назвать благоприятным, ибо один из виднейших мужей столицы был тяжело болен, а родные его и близкие предавались печали. Однако празднество и без того слишком долго откладывалось, и отменять его снова было невозможно. Гэндзи догадывался, как тяжело на душе у Третьей принцессы, и сердце его разрывалось от жалости к ней.

Как всегда бывает в таких случаях, в пятидесяти храмах провели чтение сутр, в обители же, где изволил пребывать Государь, будде Махавайрочана...⁵⁹.

Примечания

⁴⁰ *Ведь существует обет великого Фудо... —* Считалось, что Фудо (один из пяти богов-защитников, повергающих злых духов) может продлить жизнь умершего еще на шесть месяцев.

⁴¹ *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 70:

Скажешь им: «Подожди!» —
И цветы на ветках останутся...
Ах, если бы так —
Что в целом мире могло
Быть милее нам этих вишен?

⁴² «Исэ-моногатари», 81:

Вот-вот опадут...
Потому-то особенно дороги нам
Вишни цветы.
Да и что в нашем зыбком мире
Имеет долгую жизнь?

⁴³ *...все женщины по природе своей греховны...* — Ср. со следующим отрывком из сутры Дайханнэбанкё (санскр. Махапаринирвана): «Если заблуждения-страдания мужчины в трех тысячах миров собрать воедино, то выяснится, что причина у всех одна — женщина. Женщина — посланница преисподней, она препятствует проращению семян, которые сеет Будда.

Ликом она что бодхисаттва, душой — словно злой демон».

⁴⁴ *...принять первые пять обетов (гокай, санскр. панка силани).* — Настоящие монахи принимали восемь обетов. Принявшие только пять обетов считались «монахами в миру», это была первая ступень монашества. Принявшим пять обетов («не убивать», «не красть», «не совершать прелюбодеяний», «не сквернословить», «не пить вина») обеспечивалась защита от влияния дурных сил.

⁴⁵ *Неизвестный автор.* «Кокинвакарокудзё», 31249:

Во мраке ночном
Неразличимы дороги.
Так дождись же луны
И тогда уходи, любимый,
А пока побудь рядом со мной.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 772:

«Быть может, придет?» —
Так подумая, сердце трепещет.
А цикады в саду
Плачут. Вечером долго стою,
Ожидая тебя, любимый.

⁴⁹ *Неизвестный автор.* «Кокинвакарокудзё»:

Увы, неприступна
Вершина горы, которой
Название — «Любовь».
Забредшим сюда суждено
Вечно блуждать по склонам.

⁵⁰ Источник цитирования не установлен:

Даже в жаркую пору
Бывают часы прохлады
Утренней и вечерней.
Отчего же мне и на миг
Любовь не дает покоя?

⁵¹ *«даже горечь измен...»* — явная цитата, но источник не установлен.

⁵² *...письмо было... привязано к ветке бадьяна.* — Обычно письма привязывали к ветке цветущей вишни или сливы, но, поскольку Оборозукиё была монахиней, она привязала письмо к ветке дерева, связанного с буддийскими ритуалами. (Бадьян часто сажали возле храмов, ветки его ставили на буддийские алтари.)

⁵³ *Монобэ Ёсина.* «Кокинвакасю», 955:

Я бы в горы ушел,
Где нет места мирским печалям,
Только как же уйдешь?

Все любимые, близкие — словно
Пути тяжкие на ногах.

⁵⁴ *На луну Инея мне предстоит соблюдать
строгое воздержание.* — На эту луну скончался
когда-то отец Гэндзи, император Кирицубо.

⁵⁵ *Я уже снял чиновничью шапку...* — Ср.
«Хроника поздней Хань» («Хоуханышу», 25–
220): «... тогда снял чиновничью шапку, пове-
сил на восточные ворота и удалился...», а так-
же «Канон почитания предков» («Сяоцзин»,
V в. до н. э.): «Семидесятилетний старец, отка-
завшись от должности, оставляет свою долж-
ностную карету и отходит от двора».

⁵⁶ *Киёвара Фукаябу.* «Кокинвакасю», 1021:
Накануне наступления весны, глядя, как
ветер перебросил из соседнего сада снежные
хлопья, написал соседу:

Пусть зима не ушла,
Весна совсем уже близко,
В соседнем саду.
Ко мне ветер принес оттуда
Первых цветов лепестки.

⁵⁷ *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 896:

Как хотелось бы мне,
Чтобы вспять потекли наши годы.
Быть может, тогда
Вернется так быстро ушедшая
Пора моего расцвета.

⁵⁸ *Аривару Сигэхару.* «Кокинвакасю», 862:

Уехал из дома, решив навестить друга, в
стране Каи живущего, но по дороге внезапно
заболел и, чувствуя, что близок конец, отпра-
вил посланца в столицу к своей матушке со
следующим посланием:

Туда и обратно —
Путь недолог в страну Каи —
Так думал, и что же?
Оказалось, в последний раз
Вышел я за ворота дома.

⁵⁹ *Махавайрочана (Дайнити)* — основной
объект поклонения последователей секты
Сингон. Заключительная фраза этой главы об-
рывается на середине.

Продолжение следует

СЛАВОСЛОВИЕ «ГЭНДЗИ-МОНОГАТАРИ»

Акико Ёсано

*Перевод с японского, вступительная статья
и комментарии И.К. Магкоевой*

От переводчика

«Повесть о Гэндзи» имеет совершенно особое значение для всей японской литературы. Своеобразную роль это произведение играет и в творчестве прославленной поэтессы Акико Ёсано. Она выполнила первый перевод «Гэндзи-моногатари» с древнего на современный японский язык, и каждую главу произведения Мурасаки Сикибу предваряет стихотворение, написанное поэтессой. Эти стихотворения вошли в цикл «Славословие „Гэндзи-моногатари“» («„Гэндзи-моногатари“ райсан»).

Акико Ёсано (1878–1942), муза и вождь романтического течения в поэзии своей эпохи, получила прекрасное образование: легко читала японские и китайские классические произведения, знала наизусть почти все шедевры древних поэтических антологий. Любимым занятием Акико было чтение старинных романов, в особенности «Гэндзи-моногатари». «С одиннадцати или двенадцати лет Мурасаки Сикибу была моим учителем, — писала она в зрелые годы, — повесть настолько очаровала меня, что до двадцати лет я перечитала ее несчетное количество раз»¹.

Акико Ёсано имела славу знатока древних романов и повестей, и в 1906 г. ей предложили прочесть курс лекций о классической литературе и стихосложении в недавно открытом учебном заведении для женщин Кэйсю бунгаккай (Женское литературное общество). Первый курс лекций длился всего два месяца, но менее чем через год Акико возобновила чтения у себя дома, на этот раз о романе «Гэндзи-моногатари». В процессе преподавания она начинает переводить отрывки из романа на современный язык, а затем выполняет полный перевод. Стоит отметить, что к тому времени назрела необходимость перевода классических произведений, так как *бунго* — язык, на котором были написаны старинные повести, к концу XIX в. настолько разошелся с современным разговорным языком, что стал малопонятным для большинства людей. В 1909 г. А. Ёсано начала работать над комментариями к «Гэндзи». Это был титанический труд, которому она посвятила четырнадцать лет жизни. Время от времени Акико отсылала рукописи своему другу и издателю Тэммину Кобаяси, хранившему их в Бункагакуин (Институт культуры) — женском образовательном учреждении, основанном Акико Ёсано и ее мужем Тэкканом. Но переводу не дано было увидеть свет: 1 сентября 1923 г. в Токио слу-

© Пер. с яп., вступ. статья и коммент. И.К. Магкоевой, 2009

¹ Цит. по: G. G. Rowley. Textual Malfeasance in Yosano Akiko's Shin'yaku Genji Monogatari. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1998, vol. 58, № 1, p. 201.

чился большой пожар, в котором сгорел и Бункагакуин со всеми рукописями.

В 1919 г. друг Акико Итидзё Кобаяси показал ей две антикварные ширмы из своей коллекции, на которые были приклеены 54 *тандзаку* (узкие полоски бумаги, на которых обычно писали стихотворения) с автографом стихотворений Акинари Уэды. Это был цикл стихотворений к каждой главе «Повести о Гэндзи». История создания стихотворений к каждому свитку «Гэндзи-моноготари» насчитывала уже более шести веков, и сегодня известно не менее десяти циклов. А. Ёсано была очарована идеей создания своего цикла. В письме к И. Кобаяси она писала: «С тех пор как я имела счастье увидеть ширмы Акинари, в моей душе зародилась зависть, мне захотелось попробовать сделать нечто подобное. В конце прошлого года один человек попросил меня написать по одному стихотворению к каждой главе „Гэндзи“. Я закончила сочинять их утром 13-го [января]. Затем я вносила многочисленные исправления, желая, насколько это возможно, довести их до совершенства. И сейчас я с полной уверенностью могу сказать, что мне совсем не стыдно показать Вам эти стихи. Предлагаю мои стихотворения с робкой надеждой, что Вы примете их... Конечно, у меня нет намерения их опубликовать, все это следует понимать как очередную причуду, продиктованную моей любовью к старине. Смирренно прошу Вас обратить на них внимание, когда мои неопубликованные черновики будут собраны посмертно...»².

До 1922 г. Акико воспринимала эти стихи как «причуду, продиктованную любовью к старине» и, судя по ее словам из письма к Кобаяси, у нее не было намерения издавать их. Она писала стихотворения на ширмах, *тандзаку*, в альбомах, зарабатывая этим на жизнь. Тем не менее Акико все же решила их опубликовать в новогоднем выпуске журнала «Мёдзё» за 1922 г. Это было «Славословие „Гэндзи-моноготари“», включавшее 54 стихотворения. Через десять лет после пожара, в 1932 г., 54-летняя Акико возобновила работу над «Новейшим переводом „Гэндзи-моноготари“», который издавался с октября 1938 до сентября 1939 г. Большинство стихотворений цикла подверглись изменениям, к шести главам были написаны новые стихотворения. Стихи «Славословия» были опубликованы в 1938–1939 гг. как эпиграфы к главам «Новейшего перевода „Гэндзи-моноготари“». Таким образом, существуют две версии «Славословия»: первая, изданная в 1922 г. в журнале «Мёдзё», и вторая, по сей день издаваемая вместе с «Новейшим переводом». Исходя из истории и причин создания «Славословия „Гэндзи-моноготари“», можно предположить, что конечной целью Акико Ёсано было создание стихотворений, в которых используются ключевые образы и сцены романа, известные любому его читателю, при сохранении своего собственного стиля.

Переводы выполнены по изданиям: Ёсано Акико. Синсинъяку «Гэндзи-моноготари» (Новейший перевод «Повести о Гэндзи»). — Нихон кокумин бунгаку дзэнсю (Полное собрание народной литературы). Вып. 4. Токио, 1960; Гэндзи-моноготари (Повесть о Гэндзи). — Нихон котэн бунгаку тайкэй (Собрание классической японской литературы). Т. 14–18. Токио, 1972–1978.

² Цит. по: A. Yosano, G.G. Rowley. Yosano Akiko's Poems: In Praise of «The Tale of Genji». — Monumenta Nipponica. 2001, vol. 56, № 4, p. 440.

1. Павильон Павлоний

紫の輝く花と日の光おもひ合はではあらじとぞ思ふ

*Невозможно,
Чтобы пурпурной глицинии
Лучезарные цветы
И солнечный свет
Друг друга не любили!*

Тема первой *танки* — недавно зародившаяся любовь Гэндзи и Фудзицубо, новой наложницы отца Гэндзи. Под солнечным светом подразумевается блистательный Гэндзи, а дама из павильона Глициний — Фудзицубо. Японская глициния (*фудзи*) обычно лилового цвета.

2. Дерево-метла

中川の皐月の水に人似たり語ればむせび寄ればわななく

*Ты — как воды
Реки Накагава
В период сливовых дождей:
Говоришь с тобой — рыдаешь,
Приближаешься — дрожишь.*

Если в главе «Дерево-метла» Гэндзи, упрекая Уцусэми в неприступности и жестокосердии, сравнивает ее с деревом-метлой, видимым издалека, но при приближении исчезающим, то в стихотворении Акико Ёсано Уцусэми отождествляется с рекой Накагава, протекающей в окрестностях ее дома. Река Накагава известна своим стремительным, извилистым течением. Действие главы разворачивается в мае, когда наступает период затяжных дождей, называемых «сливовыми».

3. Пустая скорлупка цикады

うつせみの我が薄ごろも風流男になれてぬるやとあぢきなき頃

*Пустая скорлупка цикады —
Тонкое платье мое —
Столичного повесу
Укрывает.
До чего ж печально...*

Танка к этой главе написана от лица Уцусэми. Поэтесса использует ключевой образ главы — пустую скорлупку цикады как символ и эфемерности бытия, отражающий судьбу героини, и описанной в данной главе конкретной ситуации (ухаживания Гэндзи не принесли ему успеха), и, наконец, судьбы женщины, молодость которой бесплодно уяла.

4. Вечерний лик

憂き夜の悪夢とともになつかしき夢も跡なく消えにけるかな

*Вместе с кошмарами
Той горестной ночи
И сон, что так дорог сердцу,
Растаял,
Не оставив следа.*

В этой главе к возлюбленной Гэндзи — Югао является призрак женщины, и девушка умирает.

5. Юная Мурасаки

春の野のうらわか草に親しみていとおほどかにこひもなりぬる

*О молодая трава
С вешнего луга!
Так нежно лелеял
Тебя, так скоро
Густою ты стала...*

«Младая трава» — это юная Мурасаки. Густые летние травы — образ любви, заполнившей сердце. Возможно, здесь также содержится намек на волосы Мурасаки, они чрезвычайно густые и с возрастом становятся все гуще. «Луговая трава» — метафора плотской любви.

6. Шафран

皮ごろも上に着たれば我妹子は聞くことの皆身に沁まぬらし

*Сквозь платье меховое
Слова мои
В сердце любимой
Проникнуть, похоже,
Не в силах.*

Основой стихотворения послужила сцена, в которой Гэндзи тщетно пытается завести разговор с Суэцумуханой — «Цветком шафрана».

7. Праздник алых листьев

青海の波しづかなるさまを舞ふ若き心は下に鳴れども

*В недрах волн,
Что замерли в танце Цинхай,
Юное сердце
Поет и танцует,
Но все же...*

Во время придворного празднества Гэндзи исполняет танец «Волны на озере Цинхай». В стихотворении под «юным сердцем» может подразумеваться и Гэндзи, и то, что Фудзицубо носит под сердцем ребенка Гэндзи.

8. Праздник цветов

春の夜の露に酔ひたる月ならん手枕かしぬ我仮臥に

*С месяцем, что
Вешней дымкой опьянен,
Предалась мимолетной любви,
Рука его изголовьем
Мне послужила.*

Танка написана от лица Обородзукиё, под «пьяным месяцем» здесь подразумевается захмелевший Гэндзи. «Изголовье из сплетенных рук» служит метафорой любовного свидания — ложась на временное ложе, любовники подкладывают под голову руки.

9. Мальвы

恨めしと人を目におくことも是れ身の衰へに外ならぬかな

*Взгляды, полные
Ненависти и обиды,*

*На соперницу бросаю,
Хоть и понимаю, что
Лишь изнуряю тем себя.*

Танка от лица Рокудзё — дамы с Шестой линии, одного из сквозных образов романа. Несмотря на мстительность и пылкость характера, она глубоко сожалеет о том, что ее дух погубил Аои, это повергает ее в депрессию, что и является темой стихотворения.

10. Священное дерево сакаки

五十鈴川神のさかひへ逃れきぬおもひ上がりし人の身のはて

*Под покровительство
Богов Исудзу-реки
Ты убежала,
Столь гордая когда-то,
Всему положила конец.*

Стихотворение от лица Гэндзи в ответ на предыдущее, от лица Рокудзё. Исудзукава («Река пятидесяти колокольчиков») — место обитания жрицы синтоистского святилища Исэ.

11. Сад, где опадают цветы

橘も恋の愁ひも散りかへば香をなつかしみ杜鵑鳴く

*Мил сердцу
Опавших померанцев
И былой любви
Аромат.
Кричит кукушка.*

Кукушка и померанцы — чрезвычайно распространенный в японской поэзии образ, поскольку увядание цветов померанца совпадает с временем, когда кукушка особенно громко кричит. Сама по себе кукушка — постоянный образ песни лета, символ разлуки, печали, а померанцы всегда связаны с прошлым, с любимыми людьми, которых уже нет в этом мире.

12. Сума

人恋ふる涙と忘れ大海へ引かれ行くべき身かと思ひぬ

*Позабыть о слезах,
Что в разлуке
Проливают по мне,
И плыть через бескрайнее море?
В этом ли судьба моя?*

Стихотворение от лица Гэндзи, отправляющегося в ссылку в местность Сума. Слезы льют любящие его женщины — Мурасаки, Обородзукиё и Ханатирусато.

13. Акаси

わりなくも別れがたしと白玉の涙を流す琴の絃かな

*Как мучительно,
Как больно расставанье...
Печаль снедает меня,
Пока слезы-жемчужины
Бегут по струнам кото...*

Танка написана от лица возлюбленной Гэндзи — Акаси, которую он покидает, чтобы вернуться в столицу.

14. У прибрежных буйков

みをつくし逢はんと祈る幣帛もわれのみ神に奉るらん

*Всем сердцем
Богов я молю
О встрече с тобою,
Но похоже, что я одна
Их о свиданье прошу.*

Стихотворение от лица Акаси, которая случайно приплывает в Сумиёси и встречается там пышную процессию Гэндзи. Сознвая огромную разницу в положении, она не решается сообщить о себе и лишь наблюдает ее со стороны. Ее сердце полно печали. А. Ёсано вводит в танку двузначное слово *миоцукуси*, использованное в названии главы, которое означает как «прибрежные буйки», так и «всем сердцем» (от *ми-о цукусу*).

15. В зарослях полыни

道もなき蓬を分けて君ぞ来し誰にも勝る身の心地する

*Там, где дороги уж нет,
Густую траву раздвигая,
Ты пришел ко мне.
И не может быть моему сердцу
Большей радости.*

Стихотворение от лица Суэцумуханы, героини главы «Шафран». Дочь принца, Суэцумухана живет на грани бедности, в запущенном, обветшалом доме. Сад зарос густой, непроходимой травой, но, когда Гэндзи навещает ее, радости нет предела.

16. У заставы

逢坂は関の清水も恋人の熱き涙もながるところ

*«Гора встреч» —
Ключ, что забил у заставы,
И горячие слезы
Любимого
В одном потоке слились.*

У Аусаки — «Горы встреч» или «Заставы встреч», Гэндзи случайно встречается давнюю возлюбленную — Уцусэми. Образ ключа-слез взят из ее стихотворения.

17. Сопоставление картин

逢ひがたき斎の女王と思ひにき更にはるかになり行くものを

*Недоступна,
Пока ты дева-жрица,
Раньше я думал,
Но теперь уходишь от меня
Все дальше и дальше...*

Танка от лица отрекшегося императора Судзаку. «Дева-жрица» — Акиконому, дочь Рокудзё, бывшая жрица Исэ.

18. Ветер в соснах

あぢきなき松の風かな泣けば泣き小琴をとれば同じ音を弾く

*О ветер! До чего ж печально
Меж сосен он свищет!
Я рыдаю — он рыдает,
Кото возьму —
Пению струн вторит...*

Стихотворение написано от лица Акаси. «Ветер в соснах» или «ждуший ветер» (*ма-цукадзэ*) — частая метафора женщины, ожидающей возлюбленного.

19. Тающее облако

桜ちる春の夕のうす雲の涙となりておつる心地に

*В сумерках весенних
Отцветает вишня.
А сердце мое,
Как то дымное облако,
Что слезами вот-вот разобьется.*

Вне себя от горя по случаю смерти Фудзицубо, Гэндзи видит перед собой пейзаж поздней весны. С давних времен существовало поверье, что дым от погребального костра превращается в облако или тучу. Ёсано развивает эту тему: тающее облако, став тучей, падает на землю дождем, как и слезы Гэндзи.

20. Утренний лик

自らをあるか無きかの朝顔と云いなす人の忘れぬかな

*Не в силах забыть
Вьюнок — «утренний лик»,
Что «здесь я еще,
Или увяла уже?» —
О себе говорит.*

Бывшая жрица в Исэ Асагао решительно отвергает ухаживания Гэндзи. Однажды утром он посылает ей письмо с несколькими цветками вьюнка *асагао* («утренний лик»), которые раскрываются утром и увядают к вечеру. Стихотворение Ёсано построено на приеме использования цитаты из стихотворения в романе.

21. Юная дева

雁鳴くや列を離れて唯だ一つ初恋をする少年の如

*Кричит дикий гусь,
Со стаей разлучен!
Один-одинешенек,
Как мальчик,
Что впервые полюбил.*

Стихотворение о любви сына Гэндзи — Югири и дочери То-но тюдзё по имени Ку-моя-но кари, воспитывавшихся в одном доме, но разлученных То-но тюдзё. Дикие гуси — образ осени, любовной тоски, одиночества.

22. Драгоценная нить

火の国に生ひ出でたれば云ふことの皆恥ずかしく頬の染まるわれ

*Оттого ли, что
В Огненном краю*

*Была я возвращена,
Стыжусь говорить.
Пылают мои щеки.*

Танка написана от лица Тамакадзуры — дочери Югао и То-но тюдзё, выросшей в провинции. В танке сильны образы огня и страсти. Огонь и заалевшие щеки — метафора любви, излюбленный образ Акико.

23. Первая песня

若やかに鶯ぞ啼く 初春の衣くばられし一人のごとく

*Какой юный голос у соловья,
Что трели разливает по весне!
Совсем как у той,
Что платье получила
В первый день года.*

«Та, что платье получила» — юная госпожа Акаси, дочь Гэндзи. Соловей — сквозной образ главы, символ прихода весны, нового года.

24. Бабочки

盛りなる御代の後に金の蝶しろがねの鳥花たてまつる

*О славное правление!
Государыне-императрице
Золотые бабочки и
Серебряные птицы
Преподносят цветы.*

Стихотворение точно иллюстрирует сцену из романа. Императрица Акиконому приезжает в дом на Шестой линии. Перед началом чтений Мурасаки присылает к ней девочек в костюмах птиц и бабочек.

25. Светлячки

身に沁みて物を思へと夏の夜の螢ほのかに青引きてとぶ

*Летняя ночь. Светлячки,
Тусклый зеленый свет
За собой увлекая,
Мысли о том, что на сердце,
Опять всколыхнули.*

Поэтесса следует за текстом романа и в то же время использует традиционный для японской и китайской поэзии образ: светлячки навевают воспоминания.

26. Вечное лето

露置きてくれなゐいとど深けれどおもひ悩めるなでしこの花

*Выпала роса.
Все ярче алый цвет
На лепестках,
Но цветок гвоздики
Лишь печалит это.*

В танке А. Ёсано, как и в стихотворении главы, под гвоздикой подразумевается дочь Югао и То-но тюдзё — Тамакадзура, приемная дочь Гэндзи. В классической поэзии алая роса является метафорой кровавых слез.

27. Ночные огни

大きな檀の下に美しく篝火もえて涼風ぞ吹く

*Под широкой сенью
Большого бересклета
Так красиво
Пылают огни,
Дует прохладный ветерок.*

Стихотворение точно следует за текстом романа: «...причудливо раскинул ветви бересклет, а под ним были расставлены тускло светившиеся сосновые факелы».

28. Пронизывающий поля

けぎやかにめでたき人ぞいましたる野分が開くる絵巻の奥に

*Порыв ветра
Свиток развернул.
Красавицу блистательную
В глубине его
Открыл.*

В стихотворении тайфун, из-за которого пришлось убрать ширмы, закрывавшие покой от посторонних глаз, сравнивается с порывом ветра, который развернул свиток.

29. Высочайший выезд

雪ちるや日よりかしこくめでたさも上なき君の玉のおん輿

*Кружится снег...
О, яшмовый
Паланкин государев!
Солнца краше
Великолепие твое!*

Стихотворение от лица Тамакадзуры, наблюдающей императорскую процессию.

30. «Лиловые шаровары»

むらさきの藤袴をば見よといふ二人泣きたきここち覚えて

*«Посмотри на лиловые
Посконника цветы!» —
Он ей говорит.
И вот у обоих
Слезы на глазах.*

Югири и Тамакадзура, к которой он неравнодушен, оба происходят из рода Фудзивара и в знак траура по их бабке, госпоже Оомия, носят лилово-серые одежды. Во время одного из своих визитов Югири подсовывает под занавес, за которым находится Тамакадзура, веточку посконника, или агримонии китайской (*фудзикакама*, досл. «лиловые шаровары»). Посконник, одно из семи осенних растений, цветет мелкими бледно-сиреневыми цветами. Таким образом складывается связь «родственных», или «зависимых» слов (*энго*): «дом Фудзивара» — «траур» — «лиловые траурные одежды» — «лиловые шаровары».

31. Кипарисовый столб

恋しさも悲しきことも知らぬなり真木の柱にならまほしけれ

*Стать хочу я
Столбом кипарисовым,*

*Ведь ему ни любовь,
Ни печаль
Неведомы...*

Стихотворение написано от лица маленькой дочери Удайсё.

32. Ветка сливы

天地に春新らしく来たりけり光源氏のみむすめのため

*Новый год
Наступил
На земле и на небе.
Все для дочери
Блистательного Гэндзи.*

Ранней весной Гэндзи собирается отдать дочь во дворец. Для этого он собирает лучшие образцы каллиграфии, книги, составляет ароматы, подготавливает покои во дворце.

33. Листья глициний

藤ばなのもとの根ざしは知らねども枝をかはせる白と紫

*Неведомо мне,
Сколь глубоко корни
Глицинии, но
На раздвоенной ветке
Белый и лиловый цветы.*

То-но тюдзё наконец дает согласие на брак дочери — Кумои-но кари с Югири. Раздвоенная ветка — цитата из поэмы «Вечная печаль» Бо Цзюй-и, классическая аллегория вечной любви. Белый и лиловый — цвета домов Фудзивара и Гэндзи (Минамото), из которых происходят Югири и Кумои-но кари.

34. Первая зелень 1

たちまちに知らぬ花さくおぼつかない天よりこしをうたがはねども

*Вдруг расцвел
Неизвестный доселе цветок.
Тревожно мне.
В велении небес
Хоть и не сомневаюсь, но...*

И предыдущее, и это стихотворение написаны от лица Мурасаки. В ответ на просьбу отрекшегося императора Судзаку позаботиться о его дочери, Третьей принцессе, Гэндзи вынужден взять ее в жены. Это решение оказывается тяжелым ударом для Мурасаки. В стихотворении Третья принцесса названа «неизвестным доселе цветком». «Веление небес» указывает на то, что такова воля императора.

35. Первая зелень 2

二ごころ誰先づもちて淋しくも悲しき世をば作り初めけん

*Кто же первый
Двоим отдал свое сердце?
Кто первый сделал
Нашу жизнь
Одинокой и печальной?*

Этим вопросом задается Гэндзи, когда узнает о связи Третьей принцессы и Касиваги. Страдает и Мурасаки, ревнуя Гэндзи к новой жене. Однажды, когда Гэндзи навешает Третью принцессу, Мурасаки читает древние повести, где говорится о легкомысленных, сладострастных, непостоянных мужчинах. А. Ёсано использует в *танке* слово *футагокоро* — «непостоянный» (букв. «имеющий два сердца»).

36. Дуб

死ぬ日にも罪報など知る際の涙に似ざる火のしづく落つ

*В день последний,
О грехе и возмездии
Знаешь когда,
Не слезы, но
Огненные капли из глаз.*

Как это часто происходит в романе, душевные муки Касиваги приводят его к тяжелой болезни и смерти. Огненные слезы — новый образ, не встречающийся в романе.

37. Флейта

亡き人の手なれの笛に寄りも来し夢のゆくへの寒き夜半かな

*Ушедший
За флейтой любимой
Вернулся,
Холодная полночь —
Путь того виденья.*

В стихотворении имеется в виду сон Югири, в котором ему является дух Касиваги.

38. Сверчок-колокольчик

すずむしは釈迦牟尼仏のおん弟子の君のためにと秋を淨むる

*Сверчок-колокольчик
Очищает осень
Стрекотом:
«Это для тебя,
Ученица Будды Шакьямуни».*

Ученица Будды Шакьямуни — принявшая постриг Третья принцесса. Стихотворение иллюстрирует сцену из романа, в которой Гэндзи приходит в дом принявшей постриг Третьей принцессы насладиться пением сверчков.

39. Вечерний туман

つま戸より清き男の出づるころ後夜の律師のまう上るころ

*Час предрассветный —
Время, когда покидает
Блистательный кавалер покои,
Время, когда на службу
Спешит настоятель.*

Стихотворение точно иллюстрирует сцену из романа, когда Югири покидает покои вдовы Касиваги.

40. Великий Закон

なほ春の真白き花と見ゆれどもともに死ぬまで悲しかりけり

*Все еще подобна она
Белоснежному цветку весеннему,
Но печаль его столь велика,
Что вместе с ней
Умереть бы хотел.*

Описывается состояние Гэндзи. Сравнение умершей Мурасаки с белым цветком взято из романа.

41. Кудесник-даос

大空の日の光さへつくる日のやうやく近きこちこそすれ

*Предчувствую,
Что все ближе и ближе
Тот день,
Когда на бескрайнем небе
Солнечный свет иссякнет.*

Гэндзи продолжает горевать и оплакивать Мурасаки. В стихотворениях цикла под «сияньем мира» или «солнечным светом» подразумевается Гэндзи. Это стихотворение подготавливает к следующему, посвященному смерти Гэндзи, «сокрытию в облаках».

42. Сокрытие в облаках

かきくらす涙か雲かしらねどもひかり見せねばかかぬ一章

*Темным-темно...
За слезами ли, облаками —
Неведомо мне, но
Не видно больше блистательного...
Не написана та глава.*

Танка от лица автора «Гэндзи-моноготари» — Мурасаки Сикибу. Согласно легенде, она не нашла в себе силы описать смерть главного героя и поэтому лишь дала название главе — «Сокрытие в облаках», символизирующее смерть главного героя.

43. Принц Благоуханный

春の日の光の名残花園に匂ひ薫ると思ほゆるかな

*Все, что осталось
От сияния весеннего солнца, —
Аромат и благоуханье
Цветов в саду,
Подумалось мне.*

Сравниться с умершим Гэндзи могут лишь два человека — принц Ниоу, внук Гэндзи, и Каору — официально сын Третьей принцессы и Гэндзи (фактически — Касиваги).

44. Красная слива

鶯も問はば問へかし紅梅の花のあるじはのどやかに待つ

*Соловей,
Если хочешь прийти —
Приходи!
Алой сливы хозяйка
Терпеливо ждет.*

Брат Касиваги — Адзэти-но дайнагон озабочен тем, как выдать замуж за Ниоу свою падчерицу — Ооикими. В стихотворении А. Ёсано, как и в *танке* Адзэти-но дайнагона, «алая слива» — Ооикими, «соловей» — Ниоу.

45. Бамбуковая река

姫たちは常少女にて春ごとに花あらそひをくり返せかし

*О девы юные,
Останьтесь навечно
Молодыми,
Чтобы каждую весну
Спор о вишне повторять!*

«Девы юные» — две дочери Тамакадзуры и Хигэкуро. Куродо-но сёсё (сын Югирри), от лица которого, видимо, написано стихотворение Ёсано, пылает страстью к старшей дочери.

46. Девы у моста

しめやかに心の濡れぬ川霧の立ちまふ家はあはれなるかな

*Тоскующее сердце
Слезami обливаeтся.
Печально-прекрасно
Жилище, что
В речном тумане утопает.*

Вдали от столицы, в месте, называемом Удзи, живет опальный Восьмой принц. Каору, прослышав о его глубокой вере, начинает ездить в Удзи.

47. Под деревом сии

暁の月涙のごとくましろけれ御寺の鐘の水渡る時

*Рассветная луна,
Подобно слезам,
Серебрилась.
Когда над гладью речной
Колокольный звон раздался.*

В *танке* описывается тот момент, когда дочери Восьмого принца в ожидании вестей смотрят на горы и предрассветную луну. Скоро до них доносится звон колокола, возвещающий рассвет, и в ту же минуту приходит гонец с вестью о смерти отца.

48. Тройной узел

心をば火の思ひもて焼かましと思ひき身をば煙にぞする

*Как бы хотелось
В огненных думах
Сердце свое сжечь!
Но я превращаю в дым
Тело любимой.*

Стихотворение, видимо, написано от лица Каору, сжигающего тело Ооикими.

49. Побег папоротника

早蕨の歌を法師す君のごとき言葉をば知らぬめでたさ

*Песнь о папоротнике
Простой монах сложил.
Тебе подобно,
Красивых слов не знает он,
Но как прекрасно это!*

Танка написана от лица Нака-но кими, младшей дочери Восьмого принца, и обращена к Ниоу. Темой стихотворения служит эпизод из романа.

50. Плюш

あふけなき大みむすめを古の人に似よとも思ひけるかな

*«Высокородная
Дочь императора,
Была б ты похожа
На ту, что в прошлом», —
Он думал.*

Стихотворение от лица Каору. В главе «Плюш» ему пришлось (по политическим соображениям) жениться на дочери императора. «Та, что в прошлом» — умершая Оо-икими.

51. Беседка

朝霧の中を来つればわが袖に君がはなだの色うつりけり

*Средь утреннего тумана
Мы вместе идем,
С твоего рукава
На мой
Синева перешла.*

Когда Каору и Укифунэ едут в Удзи, длинные рукава платья Каору свешиваются вниз и мокнут в речном тумане. Алый цвет их приобретает серо-голубой оттенок. Стихотворение А. Ёсано написано от лица Укифунэ. Можно сказать, что поэтесса развивает сюжет: синева с рукавов Каору переходит на рукава Укифунэ.

52. Ладья в волнах

何よりも危ふきものとかねて見し小舟の上にみづからを置く

*Ни с чем не сравнимая
Опасность
Мной видена была уже,
Когда вверила себя
Маленькой ладье.*

Танка написана от лица Укифунэ. Под ладьей подразумевается также принц.

53. Подёнки

ひと時は目に見しものをかけろふのあるかなきかを知らぬはかなさ

*Лишь миг
Была перед глазами
Мошка-подёнка.
Есть она иль нет ее, не знаю —
Вот мимолетность жизни.*

Подёнка (*кагэро*) — насекомое, живущее всего один день, с утра до вечера. У слова *кагэро* есть омоним, означающий «струящийся от жары воздух», «знойное марево». Жизнь человека, по представлениям хэйанцев, — нечто неуловимое, мимолетное, как струящийся от жары воздух или жизнь подёнки. В стихотворении Акико Ёсано под подёнкой разумеется пропавшая Укифунэ.

54. Упражняясь в каллиграфии

覚めがたか夢の半かあなかしこ法の御山に程近く居る

*Всё посреди сна пребываю?
Или просытаюсь наконец?
Как мудро провиденье,
Приведшее меня
К священной горе Закона!*

В стихотворении Укифунэ сравнивает свою прошлую жизнь со сном. «Пробуждение» означает вступление на истинный путь, путь служения Будде.

55. Плавающий мост сновидений

明けくれに昔こひしきこころもて生くる世もはたゆめのうきはし

*Днем и ночью
Давняя любовь
В сердце живет...
Но всему в этом мире есть предел.
О, плавающий мост сновидений!*

Это последнее стихотворение цикла выражает не только общую фабулу последней главы «Гэндзи-моноготари», но и одну из общих идей романа — идею эфемерности, непостоянства.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТАРО В СТРАНЕ ГОР

Миёко Мацутани

*Перевод с японского Г.Ф. Ронской**

ЗА ДЕВЯТЬЮ ГОРАМИ

А Таро продолжал шагать все вперед, унося на своих плечах огромный рисовый сноп.

«Кормила меня старуха бурдой из травы,— думал он,— однако работать интересно было; теперь-то я знаю, как рис выращивают. К тому же узнал я, что есть на свете жадные люди».

И вот долина кончилась, и снова потянулись горы.

«Горная Старуха живет у подножия Девятой горы, а я только первую миновал. Как же много гор в моей стране! И моя деревня в горах лежит, и тут кругом горы. Наверно, и здесь люди живут?» — подумал Таро.

И правда: в тени горы на солнечной полянке виднелись маленькие дома, поля репы, гороха и проса. И когда Таро проходил мимо них с огромным снопом риса за плечами, люди окликнули его:

— Эй, парень, куда идешь? Куда путь держишь?

— Иду я к Дальнему Озеру, что лежит за девятью горами.

Удивлялись люди, слыша такой ответ.

— Как? Ты идешь к Дальнему Озеру? Не ходи туда, если тебе дорога жизнь. Там, говорят, Дракон живет.

— Вот и хорошо! — весело крикнул Таро.— Дракон-то мне как раз и нужен.

— Что говорит, что говорит! — вздыхали люди, качая головами. — Молодой еще, неученый, страха не ведает. А в той стороне столько страшилищ живет — и-и-и-и, видимо-невидимо...

Засмеялся Таро, сбросил у ног крестьян свою тяжелую ношу:

— Вот, возьмите этот сноп риса. Дарю всем.

— Из этих колосьев получается рис?

Словно драгоценное сокровище, разглядывали люди колосья риса, брали их на ладони, определяя тяжесть, гладили.

— Отродясь не ели мы риса... А что, парень, вкусный он?

— Еще бы! — сказал Таро весело. — Но сначала нужно обмолотить эти колосья, потом очистить зерно, а потом сварить рис в большом котле, чтоб стал мягким-мягким. Так вкусно — просто объедение, язык проглотить!

Закивали тут люди, зашумели.

— Оставляю весь этот сноп вам, — сказал Таро. — Ешьте рис на здоровье.

— Как! Ты оставляешь это нам? — изумились люди.

Вышел старый дед вперед и сказал:

— Ну что толку, что мы съедем в один присест весь этот прекрасный рис! Так я говорю?

— Так! Так! — закивали все согласно.

— И за теми горами, и за этими живет еще много людей, которые никогда не пробовали риса. Так я говорю?

— Так! Так!

— А что, если мы возьмем себе риса только на семена, чтоб весной высадить на полях?

— Верно, дедушка! — закричали все.

И сказал тогда старый дед:

— Вот что, парень, оставь-ка ты нам риса столько, сколько надо на семена. А остальное отнеси другим людям.

И заныло тут у Таро сердце, потому что подумал он: «Как же смогут люди возделывать поля для риса на этих крутых горах?» И топнул он ногой, и вскричал:

— Хотел бы я стать великим силачом! Сдвинул бы я тогда эти горы к морю!

Окончание. Начало см. в № 47 и 48.

* Песни в переводе В. Марковой.

© Пер. с яп. Г.Ф. Ронской, 2009

и сбросил бы в пучину. Получилось бы тогда здесь поле, и засадили бы вы его рисом от края до края!

Вздохнули люди печально:

— Осушить бы хоть Дальнее Озеро, где живет Дракон... Сколько бы земли освободилось... Да все это лишь мечта...

Вот, оказывается, о чем были их думы — о Дальнем Озере.

И загорелась тут душа Таро.

«Как встречу с мамой, — подумал он, — первым делом расскажу ей про эту крестьянскую мечту. Про то, что видел, пока шел по белому свету. Скажу ей еще, что хочу я совершить подвиг для людей, пусть даже ценою жизни».

Уже запыхали горы кленовым багрянцем, а Таро все шел и шел со своим снопом и раздавал по пути рисовые колосья. И всюду слышал он жалобы крестьян на то, что нет у них земли, чтобы посадить рис.

«Скорее бы увидеться с мамой, — подумал Таро. — Рассказать бы ей все это».

И вот когда миновал Таро Девятую гору, увидел он у подножия ее маленькую хижину, крытую листьями бамбука. В хижине сидела старая-престарая старушка и крутила колесо прялки. Это и была Горная Старуха, о которой говорила ему Белая Змея.

НЕ СДАМСЯ! НЕ ПОГИБНУ!

Горная Старуха крутила колесо своей прялки. И непонятно было: не то видит она Таро, не то нет; не то прядет она нить, не то нет.

Сбросил тут Таро с плеч оставшуюся вязанку риса и крикнул громким голосом:

— Бабушка, а бабушка! Шлет тебе привет Белая Змея, что живет в болоте у Петушиной госпожи.

Перестала прясть Горная Старуха, взглянула на Таро:

— Белая Змея, говоришь, шлет мне привет? Так, так... Ну что ж, садись, поговорим. Ты кто такой есть? И зачем пожаловал к старухе?

— Зовут меня Таро. А пришел я к тебе спросить дорогу к Дальнему Озеру. Говорят, живет в том озере Дракон. Правда ли это, бабушка?

— Жить-то живет, а вот кем тебе доводится, того не знаю, — сказала бабка и снова с мрачным видом принялась

прясть пряжу. — Если зря сходишь, не станешь жаловаться?

— Что вы, бабушка!

— Ну тогда расскажу тебе, как туда добраться...

Вышла Горная Старуха на порог, стала путь рассказывать:

— Выйдешь из хижины, иди прямо на север через сосновый лес. Потом будет болото, заросшее камышом. Минуешь его, увидишь две высокие криптомерии, а под ними двух шакалов. Громко воют они, и вой их эхом в горах отдается. За криптомериями — степь ковыльная. Живет там огромный страшный Паук. Смотри не попадись ему в лапы! Ловко он обманывает людей. Пройдешь степь ковыльную, поднимись на гору — тут тебе и будет Дальнее Озеро. Нелегко вызвать Дракона — забился он на самое дно и никогда не показывается из воды. И может случиться так, что голос твой не будет услышан и просидишь ты на том берегу весь свой век, а Дракон так и не покажется...

Умолкла Горная Старуха.

— Спасибо, бабушка! Я теперь пойду, а тебе оставлю немножко рисовых колосьев. Ты их обмолоти, а рис съешь.

Обрадовалась Горная Старуха, засмеялась — рот до ушей.

— Постой! Помоги-ка мне обмолотить рис. А я сварю его с бобами. Вот и будет чем угостить тебя на дорогу...

Обмолотил Таро рисовые колосья, очистил зерно, варить поставил, а старуха положила в котел красные бобы. И вот вскоре заструился над котлом душистый пар.

И тут вдруг закружились в воздухе белые снежинки, стали падать на землю.

— Вот беда! Погода-то какая! Не можешь ты сегодня идти к озеру. Снег страшнее, чем шакалы, чем большой Паук.

Но как же можно оставаться в хижине Горной Старухи, когда Дальнее Озеро уже совсем рядом, рукой подать!

— Ничего, бабушка! Я пойду. Вот и рис с бобами поспел.

Прицепил Таро к поясу мешочек с рисовым колобком и отправился в путь.

Прошел он через сосновый лес, миновал камышовое болото и вышел к двум большим криптомериям. Видит: стоят под криптомериями два шакала и воют страшными голосами, и вой их эхом в го-

рах отдается. Увидели они Таро и, разинув красные пасти, бросились к нему с двух сторон.

— Подождите, шакалы, подождите! — крикнул им Таро. — Припас я для вас много-много вашей любимой рисовой каши с красными бобами.

Кинул им Таро рисовый колобок, шакалы вцепились в него, а Таро тем временем прошел мимо них и вышел к ковыльной степи. Видит: течет река. Ни моста, ни лодки. Сел Таро на берег, задумался: что ему теперь делать, как переправиться?

Вылез тут из воды малюсенький паучок, меньше горошины, опутал ногу Таро тонкой паутинкой и уполз в реку.

Немного погодя он вылез снова, прицепил паутинку к другой ноге Таро и скрылся в реке. И так несколько раз проделал. Что-то подозрительным показалось это Таро. Снял он все паутинки с ног и намотал их на пень ивы, что стоял рядом.

И вот раздался из воды странный возглас:

*Эн яра я-а но я-а,
Тяни-потяни!
Эн яра я-а но я-а,
Тяни-потяни!*

Зашевелился тут ивовый пень и, подняв комья земли, покати́лся в реку. Изумился Таро, а в реке кто-то захлопал в ладоши и сказал: «Умен! Умен!» Тут же река исчезла, и осталась только ковыльная степь, по которой с шумом проносился ветер.

— Чуть было не попался! Не иначе как проделки Паука.

Вздохнул Таро с облегчением и зашагал вперед.

Заметил он тут, что снег уже не кружится тихими хлопьями, а падает густо на землю.

— Сколько же вас тут, снежинки! — воскликнул Таро и запел песенку, которой научила его бабушка еще в детстве:

*Кружатся в небе — белые мошки.
Спускаются ниже — хлопья ваты.
Лягут на землю — глубокий снег.*

Снегопад становился все сильнее и сильнее, подул ветер, стало трудно дышать. А Таро все шел и шел, сжав кулаки. Он шел и кричал:

— Эй ты, вьюга! Ничего ты со мной не сделаешь! Я иду и иду вперед!

Стемнело. В темноте кружились и плясали белые вихри. Стена снежного тумана налетала на Таро, разламывалась, и снова начинали кружиться и плясать белые вихри. Снег набивался в рот, залеплял глаза. Таро стал похож на снежный ком.

— Врешь! Не свалишь! Не сдамся! Мне с мамой надо повидаться. У меня дел полно, — твердил он, шагая вперед.

А со всех сторон, словно в насмешку, несло: «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!..»

*Ускользнуть из наших рук
Ты попробуй-ка!
Убежать от Снежных дев
Ты попробуй-ка!
Ускользнуть из наших рук
Ты попробуй-ка!*

И снова бесконечное: «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!..» А перед глазами Таро то появлялись, то исчезали Снежные девы с белыми лицами.

— Подлые, подлые, подлые! Пошли прочь!

Отмахиваясь от нависающих над ним Снежных дев, Таро продолжал идти вперед. Он уже перестал понимать, куда идет и сколько идет. И наконец свалился в снег, уткнулся лицом в сугроб.

И снова понесся жуткий смех: «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!..» Он то замолкал, то снова доносился сквозь вой ветра.

А снег все падал и падал, засыпая Таро. И вскоре и сильные руки, и широкую горячую грудь, и юное лицо — все занесло снегом.

НУ ЧТО Ж, ПОЙДЕМ К ОЗЕРУ!

Наступил рассвет. От бури не осталось и следа. Все прошло как страшный сон. Голубое небо было ясным, ярко светило солнце.

В это время на краю неба раздался вдруг звон колокольчика и показался Белый Конек. Он появился так неожиданно, что можно было подумать, что он спустился с солнца. Белый Конек летел, рассекая застывший от мороза зимний воздух, и остановился как раз у того места, где лежал засыпанный снегом Таро. Остановился и застыл как вкопанный.

А с его спины соскользнула нежная, как белый лепесток цветка, маленькая девочка. Это была Ая.

— Таро! Где ты? Где лежишь ты, засыпанный снегом?

Зорким взглядом, от которого не ускользнула бы даже тоненькая иголка, Ая посмотрела вокруг. И тут же заметила маленький клочок кимоно, выглядывающий из-под снега.

Подскочив к нему, Ая поспешно стала разгребать снег своими маленькими руками.

Вскоре показалась рука и тело. Рука была неподвижной и тяжелой.

— Таро, очнись!

Ая потрясла Таро и оглянулась на Белого Конька.

— Белый Конек! Помоги мне, — попросила она.

Белый Конек разгреб копытами снег, ухватил Таро за кимоно и вытащил из сугроба. Потом обмахнул пушистым и мягким, как шелк, хвостом и подул на него своим огненным дыханием. Покрылись щеки Таро, открылись глаза.

Посмотрел Таро с удивлением на Аю и на все вокруг. И показалось ему, что снова идет он по ковыльной степи. И сказал Таро, моргая глазами:

— Уж не сон ли мне снится?

— Нет, это не сон. Это я, Ая! Я приехала к тебе на помощь, потому что ты умирал.

— Как ты добралась сюда?

В это время Белый Конек заржал и застучал копытами.

— Да, Таро, меня довез сюда наш Белый Конек. Как вернулась я в деревню, все время о тебе только и думала.

И вот однажды думаю я про тебя, а сама в зеркальце гляжу, которое из владений Черного Черта принесла. И что же? В зеркальце показался ты. Сначала туманно так виднелся, а потом все яснее и яснее. С тех пор я каждый раз смотрела в зеркальце, когда хотела узнать, что ты делаешь.

И вижу: ты все в поле работаешь. «Почему же не идет он на поиски мамы?» — удивлялась я. Но потом подумала: «А может быть, там, где он сейчас, тоже есть озеро, в котором живет Дракон?»

Видела я, как ты взбирался на гору с большим снопом за спиной, как раздал колосья риса крестьянам. А когда встретился ты с Горной Старухой, очень

я обрадовалась: ну, думаю, теперь-то ты уже скоро найдешь свою маму...

И вот увидела я в зеркальце, как упал ты в снег и не было уже сил у тебя, чтобы подняться. Побежала я на конюшню, вцепилась в гриву Белого Конька, и помчались мы к тебе на помощь.

«Белый Конек, мой Конек, — молила я, — быстро ты бегаешь — по сто ри в день. Не мог бы ты скакать еще скорее — по тысячу ри в день? Ах, если бы мог ты летать, как птица по небу! Не прискачем вовремя — погибнет Таро».

Взвился тогда Белый Конек в небо и полетел. И вот мы здесь, с тобой...

Тут заржал Белый Конек громко, застучал копытом, словно напоминая: «Нельзя медлить, пора в путь, пока снова снег не пошел. Садитесь оба мне на спину, обоих домчу. Вон за той горой озеро. Поскачем к нему».

Сели Ая и Таро верхом на Белого Конька, и легко поскакал он вперед. Перепрыгнул Белый Конек через горный хребет, похожий на пилу с острыми зубцами, и увидели они огромное озеро, сверкающее разными цветами.

— Какое большое, красивое озеро! — изумился Таро. — Да тут свободно разместится целая страна!

Белый Конек, словно раздумывая, где бы лучше опуститься, медленно летел над озером. А Таро все смотрел и смотрел вниз.

— Смотри, Ая! Видишь, там, за горами, синее небо. Там — море! Слышал я, что лежит оно на краю земли. Вот мы и добрались до края земли.

— Да, Таро, далеко мы забрались! — сказала Ая, глядя вниз.

Вдруг Таро так подпрыгнул, что Ая поспешно схватилась за гриву Белого Конька, чтоб не упасть.

— Таро! Если ты будешь так вертеться, мы свалимся с Белого Конька.

— Ая, мне пришла в голову замечательная мысль. Взгляни: озеро со всех сторон окружено горами. Но одна гора ниже других, и глядит она в сторону моря. Если разрушить ее, вода из озера потечет прямо в море. А на месте озера будет ровное поле, и можно будет собирать много риса и бобов. Это же так хорошо, Ая! Мы позовем сюда всех людей с гор. И бабушку мою позовем, и твоего дедушку... И будем тут все вместе жить.

— А где же будет жить твоя мама? — возразила Ая. — Ведь озеро — ее дом.

— Ничего! Мама снова станет человеком. Я помогу ей. А если она все же захочет остаться Драконом, я вырою ей в другом месте просторное озеро.

Белый Конек, делая большие круги, стал потихоньку спускаться на землю.

И тогда Таро вдруг встревожился: а правда ли то, что в этом озере живет его мать?

СЛЕПОЙ ДРАКОН

Как большая птица, тихо опустился Белый Конек на берег. Таро соскользнул с его спины, поднатужился, крикнул что было силы:

— Мама! Это я, Таро! Выгляни из озера!

Пал его голос на воду, и разнес его ветер в разные стороны.

Снова набрал Таро воздуха, сколько смог, и крикнул:

— Мама! Это я, Таро! Выгляни из озера!

Докатился его голос до середины озера и пропал, как пузырь из пены.

— Мама! — крикнул Таро в третий раз.

Молчание было ему ответом. Лишь тихо шевелились волны на озере. Кричал Таро, пока не охрип, а ответа не добился.

— Все напрасно! Нет здесь никакого Дракона. А если и живет кто, так не моя мама. Сколько я ни кричу, сколько ни зову, ответа нет.

И заплакал Таро горько-горько.

— Не плачь, Таро! — сказала Ая. — Озеро — глубокое; видно, не слышит мама твоего голоса.

Достала Ая свою флейту, села на берег и заиграла тихо-тихо. Подхватил ветер звуки флейты и разнес их по всему озеру. Приплыли к берегу рыбки: большие и малые, длинные и круглые. Толкаются, теснят друг друга, хлопают плавниками. И сказала тогда Ая:

— Плывите вы, рыбки, на дно озера и передайте Дракону, что пришел Таро, ждет на берегу.

Переглянулись рыбы, покачали с сомнением головами:

— Не станет он с нами, рыбами, договаривать. Уж больно он неприветлив и молчит все...

— Ни разу еще рта не открыл...

И молвил тут Карп:

— Зачем зря говорить, оговаривать... Просто Дракон-то слепой, оттого и стонит всех... Я поплыву к нему.

И задвигал храбро плавниками.

Остановил его Таро:

— Передай, Карп, вот это и скажи: «Пришел, мол, Таро, хочет видеть тебя!»

Вынул Таро из-за пазухи деревянный гребень, который бережно хранил в пути, отдал его Карпу. Взял Карп гребень и скрылся в волне... Не прошло и минуты, как стрелой выскочил он из озера и три раза подпрыгнул вверх.

— Молчаливый Дракон, — сказал он, — взял гребень, заплакал и просил передать, что выйдет сейчас.

— Тогда это и правда моя мама! — воскликнул Таро. Распрямылся он, сжал кулаки и крикнул громко: — Мама!

Задрожала вода, засверкала золотым светом, и показался из воды огромный Дракон.

Подплыл он к берегу, устремил на Таро незрячие очи, вытянул вперед длинную шею.

— Мама! Это я, Таро!

Обнял Таро Дракона за шею, погладил ласково, и покатались из глаз Таро слезы, круглые, как горошины.

— Пришел ко мне... И так далеко, в эту Северную сторону... Ах, если бы я могла хоть одним глазом взглянуть на тебя, посмотреть, какой ты стал большой да сильный!

— Наконец я нашел тебя, мама, и теперь мы всегда будем вместе, — сказал Таро.

Услышал эти слова Дракон, и из его слепых очей потекли горячие слезы.

— Какой же ты добрый, Таро! Неужели ты будешь жить вместе со мной, с таким чудищем?

— Конечно, мама. И бабушка и все остальные — все будут жить вместе с тобой... Скажи только...

Умолк Таро, подумал: «Может, не спрашивать?» И все же решился спросить у матери:

— Скажи только, отчего же стала ты Драконом, мама? Нельзя ли тебе снова обратиться в человека?

ПОЧЕМУ СТАЛА Я ДРАКОНОМ

Опустило голову чудище, услышав вопрос Таро, вздохнуло и стало рассказывать:

— А случилось все оттого, что нарушила я обет. Верно, слышал ты старое поверье: «Тот, кто съест три рыбы один, станет чудищем водяным». А было это весной. Пошла я вместе со всеми в горы на работу, хоть и тяжело было мне идти тогда, потому что носила я тебя под сердцем. И ничего не хотелось мне: ни лепешек, ни каши просяной, ни воды ключевой. И не нужно было бы мне вовсе тогда в лес ходить, да нужда заставила. Отец-то твой умер, и идти, кроме меня, было некому.

Увидели односельчане, что тащусь я через силу, пожалели, оставили меня обед варить, а сами в лес ушли.

Обрадовалась я доброте людской. Села под деревом, ноги вытянула, отдыхаю. Но вот стало солнце садиться, пошла я за водой на реку. Смотрю — плывут по реке три рыбы. И такие большие да жирные.

Вошла я в воду, хоть и холодна она была, схватила рыб.

«Вот и угощение всем! — подумала я. — Вот обрадую всех...» Развела костер, стала рыбу жарить. А люди все не возвращаются. И захотелось мне есть. Уж очень вкусно пахли жареные рыбы. «Съем-ка я одну рыбку, — подумала я. — А когда все придут, есть не буду». Подумала так и положила в рот кусочек рыбы. До чего же она была вкусной! Никогда не ела я такой вкусной рыбы. Не успела оглянуться, а рыбы как не бывало. Не стерпела я — съела вторую, а за ней и третью. Опомнилась, да поздно. Чувствую в груди жар, словно полыхает там костер, горло пересохло. Наклонилась к бочонку, стала пить воду. Но сколько ни пила, жажда не проходила. Бросилась я к реке, нагнулась и стала пить воду прямо из реки. Чувствую, вся кровь от сердца отхлынула.

Что было потом, не помню... Очнувшись, смотрю: уже я не я, а страшное Чудище Водяное, и живу я в глубоком озере, а когда оно появилось — не знаю.

И вспомнила я тут старую заповедь: «Тот, кто съест три рыбы один, станет чудищем водяным». Вспомнила я, да поздно. Тот, кто думает только о себе, не может быть человеком...

Первала тут свой рассказ мать Таро, тяжело вздохнула. И припомнились ей печальные дни жизни после того, как стала она Драконом. Как тосковала она о человеческой жизни там, во тьме, на дне

глубокого озера, куда не проникал даже луч света! Но разве не была она сама виновата в своем несчастье! Ведь она нарушила людской обычай. Потому и жила одна, в грязном иле...

— Но это несправедливо! — вскричал Таро яростно. — Это несправедливо! Ведь ты носила меня под сердцем, потому и съела те несчастные три рыбки. И за это ты лишилась права быть человеком. Не слишком ли жестоко наказание?

— Ах, Таро! Нельзя, чтобы кто-то один был сыт, а другие голодали. Этот обычай рожден суровой жизнью в горах.

— Да, этого не случилось бы, если б было вдоволь рыбы, вдоволь вкусных рисовых колобков. Как, например, в той деревне, которую я освободил от Черного Черта. Река дает им карпов, лещей, угрей. Лес — грибы, ягоды, хурму и каштаны. Поля — горы вкусных рисовых колобков. Ах, как ароматно они пахнут! Если б всего было вдоволь, никто не стал бы судить, кто съел больше, кто меньше. И никто не клял бы себя за то, что съел три лишние рыбки...

И вспомнил тут Таро о печальной жизни своей несчастной деревни, и донесся до него явственно голос бабушки, которая, согнувшись в три погибели, раскидывала по полю бобы, приговаривая, как молитву:

*Сажая я боб
Тысяча вырасти!
Посажу второй
Десять тысяч вырасти!*

«Эх, было бы у крестьян побольше земли, — подумал Таро, — была бы на месте этого озера пашня!»

ПРОСЬБА ТАРО

— Мама! — сказал Таро и взглянул на мать. — Хочу рассказать тебе о своей мечте. Я бы жизни не пожалею ради нее.

— Что же ты задумал, сын? — спросила мать. — Скажи мне.

— Я... я хочу выпустить воду из озера в море, землю вспахать и засадить рисом.

Удивилась мать, услышав такие слова, ничего не сказала.

— Долог был мой путь к тебе, мама. И всюду видел я одни только горы. Куда ни кинешь взгляд — горы, горы и горы.

И меж них крохотные поля. Такие маленькие, что, кажется, встанет один человек на него, а другому и места нет. Раньше люди думали, что это и есть человеческая жизнь. Но сейчас они так не думают. «Будет земля, — думают они, — можно вырастить много вкусного риса, и жизнь переменится». Это я хорошо понял, когда шел к тебе. До сих пор я только и делал, что спал да ел. Ел да спал. А сейчас я знаю, зачем живу. Прошу тебя, мама: отдай мне это озеро. Я разрушу гору, выпущу воду, приведу людей с гор. Мы вскопаем землю, посадим рис, и люди всегда будут сыты. И ни у кого не будет такой печальной судьбы, как у тебя. Отдай мне озеро!

Молча слушала мать эти слова. Она знала: не будет озера — не будет и ее. Долгий и тяжелый путь проделала она до этого озера, потому что прежнее стало ей тесно. А теперь она должна была покинуть его.

«Исполню я просьбу Таро, — решила она. — Пусть это будет мой дар людям, ведь до сих пор я думала только о себе».

Подняла она голову и сказала тихо:

— Понимаю твоё желание, Таро. И сейчас я рада тому, что я Дракон. Потому что тело мое тверже всякого железа. Навалюсь на гору, и никакая гора не устоит — рухнет. Одно только меня печалит — не видят мои очи. Садись ко мне на шею и смотри вместо меня.

— Как это я не подумал о том, что ты можешь помочь мне разрушить гору! Я сделаю так, как ты говоришь.

— Обещай мне, что не будешь плакать, что не бросишь работы, как бы ни было трудно.

— Я не буду плакать, мама, я буду тверд, и мы сделаем все, что задумали. Слышишь, флейта поет? Это играет Ая, мой лучший друг. Она спасла мне жизнь. Иди сюда, Ая, — позвал Таро. — Послушай, о чем мы говорим.

Ая сидела чуть поодаль на берегу и играла на флейте. Кабаны, зайцы, мыши, медведи и лисицы сидели вокруг нее и слушали музыку. И когда только они успели прибежать?

Взглянула Ая на Таро, встала и улыбнулась:

— Твое лицо уже все сказало мне. Конечно, мы все сделаем, чтобы сбылась твоя мечта, как бы это ни было трудно.

— И мы хотим вам помочь! — закричали звери.

Переглянулись Таро с Аей, весело рассмеялись. Как же не рассмеяться, если даже самый маленький Мышонок и тот пищал изо всех сил, стуча хвостиком по земле.

— Славные вы зверята! — улыбнулся Таро во весь свой белозубый рот. — Ну что ж, бегите по горам, по лесам. Скажите всем: будем рушить гору. Пусть помогает каждый, кто как может. Кабаны могут землю рылом рыть, медведи, зайцы и лисицы — лапами. Кроты и мыши пусть в земле ходы делают, подкопы роют. Так все вместе, общими усилиями и расшатает гору, как молочный зуб.

Помчались звери по горам, по лесам — весть понесли. А Ая подошла к Дракону, обняла его ласково за шею и сказала:

— Это я, Ая. Поскачу я сейчас на Белом Коньке в долину, скажу людям, чтоб не пугались грохота, а брали лопаты и шли к озеру.

— Хорошо ты придумала, девочка, — сказала мать Таро, внимательно выслушав слова Аи. — Не вижу я твоего лица, но твой голос говорит мне, что ты ласковая, добрая и умная. Так ступай же и скажи всем людям, живущим в долине, что скоро рухнет одна из гор, хлынет водяной поток и родится новая земля. Но хотелось бы мне, чтоб из-за этого никто не погиб и не получил ран.

— Все скажу, как вы приказали. До свидания!

Вскочила Ая на Белого Конька, и взмыли они в небо.

РОЖДЕНИЕ ЗЕМЛИ

— Ну что ж, Таро, начнем, пожалуй! Не знаю, сколько дней понадобится, чтобы разрушить эту гору. Знаю только — потечет река в далекое Северное море.

Сказала так мать и, склонив голову, помолилась богам земли и неба. А Таро закрыл глаза и мысленно обратился к бабушке: «Подожди еще немного, бабушка, исполнится моя мечта».

И вот зашло солнце.

— Садись теперь мне на шею, Таро, и держись крепко, — сказала мать и тотчас рванулась вверх из воды, подняв мириады брызг.

Заклубились в небе черные облака, началась буря, полил дождь. Разрезая небо и землю, сверкали ослепительные молнии. Огромные волны с ревом бились о скалы, и было шумно, словно сто водопадов обрушилось с гор.

Поднялся на гребень огромной волны Дракон, обрушился вместе с ней на гору. Но гора не дрогнула. Отступил Дракон. Собрался с силами. Снова обрушился на гору вместе с ревущей волной. Снова отступил. Клубились и пенились волны, и длилось это всю ночь. И вот наступил рассвет, но буря не утихла. И снова зашло солнце, и пришла ночь. А гора все стояла. Тело Дракона покрылось ранами, огненное дыхание его в пепел обращало скалы на горе...

— Бей по скале, мама! Вот она! — кричал Таро среди шума волн и тьмы черных туч.

И вдруг он услышал знакомый стук барабана и песню:

*Эх, как весело гудит мой любимый барабан!
Больше риса и сакэ я люблю мой барабан!
Сердце прыгает в груди, я стучу в мой барабан:
Там-тара-рам, там-там-там-там!*

— А, это Красный Черт! Эй, Красный Черт, зови всех своих приятелей-громовиков. Помоги нам разрушить эту гору.

И донесся из-за черной тучи знакомый голос:

— Для тебя, Таро, ничего не жалко. Ты меня от скучной жизни спас. Помогу я тебе разрушить эту гору.

Кликнул Красный Черт сто приятелей-громовиков. Грянули они в сто барабанов. Таро даже уши заткнул, к спине матери прижался — такой грохот стоял. Словоно конец света наступил. Но вот все стихло.

Открыл Таро глаза, видит — раскололась гора на две части, словно пасть разинула.

— Смотри, мама! Громовики гору разломали.

Собрался Дракон с последними силами, навалился на гору. Рухнула гора со страшным грохотом, и хлынул из озера поток воды, словно водопад. Впереди, в пене и брызгах, мчался Дракон, а на шее его сидел Таро. Раздвигая горы на пути, руша скалы, снося леса, катилась река.

И рассеялись облака. Лучи солнца озарили землю. И понесла новая река

свои воды к Северному морю, сверкая в лучах утреннего солнца, а на месте Дальнего Озера возникло ровное, просторное, тучное поле.

«Вот это поле! — подумал Таро, оглянувшись. — Как жаль, мама, что не видишь ты эту прекрасную необозримую равнину!»

Обнял Таро мать за шею и заплакал горячими слезами.

— Спасибо тебе, мама! — сказал он. — Нет на свете человека прекраснее тебя! Ты вся изранена... Ты в крови... Ты старалась не для себя — для других. Спасибо тебе! Неужели быть тебе век Драконом?!

Прикоснулся Таро к материнским ранам, и слезы его упали на слепые ее очи. И случилось тут чудо: страшный Дракон превратился в тоненькую, нежную женщину, глаза ее открылись, и перед Таро предстала его мать.

— Благодарю, Таро! — сказала она и заплакала, держа руки сына в своих руках. — Ты снова сделал меня человеком. Если бы не пришел ты мне на помощь, так и пролежала бы я всю жизнь на дне Дальнего Озера, в темноте, куда не проникает даже луч света, и лишь изредка выла бы в злобе и ненависти. Сколько лет ждала я тебя! «Вырастет мой сын, — думала я, — станет сильным и умным и спасет меня». И ты вырос и стал даже сильнее и умнее, чем я надеялась. Твое мужество дало мне силы для борьбы и сделало человеком.

Тут появилась Ая на Белом Коньке. Ее прекрасные черные глаза затуманились слезами, когда увидела она маму Таро.

— Мама! Таро! Садитесь на Белого Конька и поскачем туда, где было Дальнее Озеро, — сказала она. — Люди уже идут. Они несут лопаты, плуги и снопы риса, которые подарил им Таро.

— Да, нужно спешить, — сказал Таро. — Работа еще только начинается. По-едем, мама! Нас ждет земля...

Засеяли люди просторное поле рисом, и вскоре заколосилось оно золотыми колосьями. А когда собрали урожай, справили Ая и Таро веселую свадьбу.

Позвали они к себе и мать, и бабушку, и дедушку, и всех своих односельчан и стали жить на новом месте в радости и довольстве.

Желаем счастья! Желаем счастья!

ЗАКУСОЧНЫЕ, ТОРГУЮЩИЕ САЛАТАМИ НАВЫНОС, ПОЛЬЗУЮТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ

Широкий выбор овощей и приправ в закусочных, продающих салаты навынос, привлекают все больше офисных работников, которые хотят, чтобы их обед был полезен для здоровья.

Если раньше основной контингент клиентов составляли молодые женщины, то теперь появляется все больше 40-летних мужчин, которые озабочены проблемой лишнего веса и нарушения обмена веществ.

Закусочные, расположенные в деловой части Токио, ощущают наплыв покупателей не только в обеденное время, но и вечером, когда многие покупают салаты на ужин, если остаются работать сверхурочно.

Салаты готовятся на глазах у покупателей, которые могут выбрать 16 вариантов с 32 ингредиентами и 21 приправой.

Nikkei. 27.06.2008

ФИРМЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ УСЛУГИ ПО ВЕДЕНИЮ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА, ИСПОЛЬЗУЮТ СИСТЕМУ СЕРТИФИКАТОВ

Бизнес, предоставляющий услуги в сфере домашнего хозяйства, нашел пользующийся все большей популярностью способ ведения дел через ваучеры. Деньги начисляются за определенное количество часов работы, например по уборке в доме, приготовлению пищи, работы в саду или совершению покупок в магазине. Система ваучеров, особенно популярная в семьях, где оба супруга (в возрасте 30—40 лет) работают, в очередной раз доказывает, что время — деньги.

Одна из фирм, которые оказывают такого рода услуги, Bears Co. Она продает билеты по трем ценовым категориям: 5 тыс. иен (\$46), 10 тыс. и 20 тыс. иен.

Особой популярностью пользуется сертификат на 10 тыс. иен, соответствующий трем часам работы.

В 2008 г. Bears Co. продала в два раза больше билетов по сравнению с 2007 г.

По данным компании, среди приобретателей ваучеров значительный контингент составляют мужчины, которые покупают их для своих жен (как подарок к годовщине свадьбы) и матерей (на День матери).

Токийская компания QuickGardening Co. оказывает услуги аналогичного характера по уходу за зелеными насаждениями в домашних садах. Ваучеры на услуги, в зависимости от конкретного вида работы, оцениваются до 30 тыс. иен.

Компания Hasegawakosan Co. продает ваучеры на уборку по дому (средняя стоимость 19 тыс. иен).

Nikkei. 30.06.2008

В ЯПОНИИ РАСШИРЯЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ТАБАЧНЫХ КАРТ»

На всей территории Японии устанавливаются автоматы по продаже сигарет, которыми можно пользоваться лишь с помощью специальных карт. Цель — не допустить продажу табачных изделий несовершеннолетним. Карты «taspo» (табачный паспорт) выдаются лишь взрослым (20 лет и старше).

На конец июня 2008 года было выдано 6 410 тыс. таких карт — это всего 24,6 % всех курильщиков в Японии. Многие считают, что широкому распространению карт препятствует процедура оформления — нужно заполнить форму и отослать копии документов, удостоверяющих личность.

Число курильщиков в Японии сокращается. Так, по данным Японского института табака, потребление табачных изделий снизилось за десятилетие к 2007 фин. г. на 20 %.

Kyodo. 01.07.2008

НОВЫЙ МЕТОД АНАЛИЗА ОПРЕДЕЛЯЕТ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОДУКТОВ

Japan Isotope Analysis Laboratory, Inc. предлагает новую коммерческую услугу по определению происхождения продуктов питания.

Новый метод, более точный по сравнению с традиционными, измеряет и анализирует содержание в продуктах стабильных изотопов кислорода, углерода, азота и водорода.

Стоимость нового анализа — от 20 до 35 тыс. иен, примерно на 10—20 % дороже обычного, однако компания ожидает, что на него будет большой спрос со стороны супермаркетов и производителей продовольствия

в связи с участвовавшими случаями появления фальсифицированных продуктов.

Nikkei. 02.07.2008

ЗАРУБЕЖНЫЕ СТРАНЫ ПЕРЕСТАЛИ БЫТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬЮ ДЛЯ МОЛОДЫХ ЯПОНЦЕВ

Высокие цены, экономический спад и растущая стоимость перелетов приводят к сокращению потока японских туристов за рубеж. Однако есть и другая причина — снижение интереса среди молодых японцев к заграничным путешествиям.

Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного прошлым летом Исследовательским институтом промышленности и региональной экономики Никкэй.

Отвечая на вопрос о намерении совершить поездку за рубеж, 44 % девушек (возраст около 20 лет) сказали, что у них нет таких планов. Среди юношей этот показатель составил 52 %.

На вопрос о причинах, по которым молодые японцы не собираются совершать туристические поездки за рубеж, 43 % ответили, что у них на это нет денег; еще 43 % сказали, что хотят потратить деньги на другие цели.

Что касается причин неэкономического характера, то 27 % респондентов сказали, что поездки за границу им неинтересны; 24 % сдерживает то, что они не знают иностранных языков; 24 % озабочены проблемами безопасности и инфекционных болезней.

Отвечая на вопрос, что бы они сделали, если бы неожиданно получили 200 тыс. иен, большинство молодых респондентов сказали, что отложили бы эти деньги на будущее. На следующем месте у молодых японцев поездка за рубеж, а у юношей покупка персонального компьютера, мобильного телефона и других информационных устройств. Далее следуют поездки по Японии.

Судя по результатам опроса, представление о том, что молодые японцы проявляют большой интерес ко всему иностранному, несколько устарело. При этом у девушек интерес к зарубежным поездкам все же больше, чем у юношей.

Nikkei. 10.07.2008

ОХЛАЖДЕНИЕ ГОРОДА: ВЕТЕР

Истекая потом, Манабу Канда находится между 500 бетонными кубическими блоками, расположенными на территории площадью 5 тыс. кв. м. «Температура воздуха здесь на два градуса выше, чем на периферии, где много растительности. Это модель городской местности в масштабе 1:5, а каждый бетонный куб представляет собой дом. Модель построена на территории Японского института технологии в префектуре Сайтама, а Манабу Канда — профессор отдела международных инженерных исследований Токийского технологического института. Он и его коллеги исследуют, в каком на-

правлении воздух и тепло распространяются на тесной городской территории и как это влияет на температуру и экологию.

В частности, выяснилось, что деревья, равномерно посаженные по всей территории, выделяют в два раза больше водяных паров и поглощают в два раза больше углекислого газа, чем деревья, посаженные скученно, как в лесу.

«Трудно создать лес из 100 000 деревьев, но если 100 000 домохозяйств посадят каждое по дереву, они помогут охладить город», — говорит Канда.

Nikkei. 20.07.2008

ОХЛАЖДЕНИЕ ГОРОДА: ОЗЕЛЕНЕНИЕ

Озеленение крыш жилых домов и парковок является одним из способов снижения температуры в урбанизированных районах. Все новые исследования проводятся для достижения этой цели.

В старинном городе Нара на крышах, застланных специальным покрытием, выращивают мох. Исследования показали, что крыши без такого мха нагреваются до 66°C, а покрытие с влажным мхом до 42°C. Такое покрытие стоит от 28 тыс. иен за 1 кв. м (материал и установка), т. е. оно не дешево. Однако помимо функции охлаждения само зрелище мха на крышах прекрасно вписывается в облик старинного города.

В префектуре Хёго местные власти сотрудничают с частными компаниями в исследовании возможности озеленять парковки. В частности, изучается, какая трава лучше и дольше растет, а также наилучшая конфигурация газонов.

«Озеленение городов — дорогое удовольствие, однако оно влияет не только на экологию, но и на внешний облик. Мы пришли к моменту, когда власти должны воспитывать граждан в этом духе», — говорит профессор Осацкого университета, специалист по городскому планированию Тэцую Китахара.

Nikkei. 22.07.2008

ХОТИТЕ ВОССТАНОВИТЬ СИЛЫ ПОСЛЕ РАБОТЫ? ПОПРОБУЙТЕ МЕДИТАЦИЮ ДЗЭН

Сегодня нередки случаи, когда сотрудники компаний после работы или в выходные отправляются в ближайший буддийский храм, где медитируют, чтобы снять напряжение после рабочего дня, отвлечься от повседневных забот и, возможно, глубже познать самого себя.

Субботнее утро в храме в центральном токийском районе Минато. Там уже присутствуют четыре человека в возрасте 20—30 лет, которые признаются, что они новички в медитации.

Три раза прозвонил колокол — сигнал начинать медитацию. Во время медитации в голову приходят разные мысли, но священник предупреждает, что в них

не нужно погружаться. Нужно, чтобы они прошли, как облака проплывают по небу.

Объясняя, почему они пришли практиковать медитацию, люди говорят, что хотят снять стресс, полученный на работе, или поразмышлять над своей жизнью.

Тодзэн Накано, священник, написавший немало книг по дзэн, говорит, что не следует слишком серьезно относиться к увлечению медитацией; важнее понять, почему человек решил обратиться к ней. Видимо, что-то в этой практике отвечает потребностям человека. Практикуя медитацию, вы обретаете спокойствие и самообладание.

В последнее время многие храмы организуют занятия по медитации для офисных служащих после рабочего дня.

Один 50-летний мужчина, посещающий такие собрания, говорит, что он не преследует какую-либо конкретную цель, но просто взял за правило заниматься этим каждую среду. Также он посещает уроки чайной церемонии в храме.

30-летняя женщина, служащая компании, шутит: «Я прихожу сюда, потому что после занятий медитацией мы болтаем друг с другом, и это доставляет мне удовольствие». «Я думаю, всем нужно общение», — говорит другая женщина, офисный работник лет сорока.

Считается, что медитация по системе дзэн нормализует психическое состояние человека, учит правильно дышать и улучшает осанку.

Nikkei. 22.07.2008

ДОСТИЖЕНИЯ ХИМИИ ВЛИЯЮТ НА ТО, ЧТО И КАК МЫ ВИДИМ

Дзюнко Ямада из группы разработчиков нового проекта «Project Morpho» в Teijin Ltd. недавно получила возможность примерить на себе плоды собственного труда. На свадьбу она надела белое платье, которое сверкало различными цветами, подобно мыльному пузырю в солнечных лучах.

Платье было изготовлено из Morphotex, самосветящегося волокна, разработанного Teijin на принципе радужного сияния бабочки Morpho с Амазонки. Крылья этой бабочки не имеют пигментации, тем не менее они сверкают разными цветами. Секрет заключается в наноструктуре чешуек, имеющих слоистое строение с чередованием слоев воздуха и белка. Свет по-разному преломляется в различных слоях, и в результате интерференции световых волн возникает то самое сияние.

Teijin воссоздала этот эффект в Morphotex, соединив волокна полиэстера и нейлона, двух видов полимеров с разными коэффициентами преломления. Каждое волокно имеет толщину 70—100 нанометров, а одно волокно Morphotex состоит из 61 такого волокна. Волокна Morphotex встраиваются в ткань, и такая одежда изменяет свои цвета в зависимости от того, под каким углом падает свет и под каким углом на нее смотрят окружающие.

Из Morphotex изготавливают платья, костюмы, галстуки и даже модное нижнее белье. В последнее время этот материал стали использовать для обивки сидений автомобилей.

Morphotex в десятки раз дороже полиэстера и по цене приближается к высококачественной шелковой ткани.

Nikkei. 19.08.2008

МЕБЕЛЬ ИЗ БУМАГИ

Фирма Nippon Kako-Kizai Co. разработала мебель, которая целиком изготавливается из бумаги и при этом отличается большой прочностью и долговечностью.

Для изготовления мебели используется как упаковочная бумага, так и переработанная; благодаря применению специальной технологии прочность материала значительно повышается. Так, табурет из такой бумаги выдерживает вес до 700 кг (цена набора из двух предметов 4 тыс. иен), а стул со спинкой — до 200 кг (цена — 9 тыс. иен).

За первый год с начала продаж фирма рассчитывает заработать около 30 млн. иен.

Nikkei. 21.08.2008

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ГРИБЫ В МЕНЮ ФРАНЦУЗСКОГО РЕСТОРАНА

Во французском ресторане в токийском районе Эбису посетителю никуда не деться от грибов. Они повсюду: в блюдах, на обложке меню, в интерьере ресторана.

Как называется ресторан? «Mushroom» («гриб»). Владелец и шеф-повар Сёдзи Ямаока выбрал английское слово вместо французского «champignon», потому что его проще запомнить.

Ямаока «заболел» грибами 25 лет назад, когда обучался кулинарному искусству во Франции. 20 видов грибов доставлялись на кухню, где он работал. «У них был прекрасный аромат и восхитительный вкус, — вспоминает он. — Я тогда купил справочник и много узнал о грибах».

Вернувшись в Японию, Ямаока стал ходить по грибы. И теперь в сезон он делает несколько «вылазок» в месяц.

Он стремится, чтобы в каждом блюде были соответствующие грибы, подчеркивающие его вкус.

Сегодня 40 видов грибов — 30 из них дикорастущие — подаются в ресторане «Mushroom» в составе различных блюд.

«Я надеюсь в будущем открыть ресторан где-нибудь поближе к природе. Но и сегодня я стараюсь радовать посетителей натуральными грибными блюдами», — говорит Ямаока.

Nikkei. 19.09.2008

Молящаяся у храма

ЗНАКОМЬТЕСЬ—
ЯПОНИЯ

